

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ №2 2000

Надежда
Маркалова

«Аэлите —
девятнадцать»

Стр. 38

Кир
БУЛЫЧЕВ:
«Мне нужно
писать
рассказы...»

Стр. 35

История
советской
фантастики-2:
версия
Геннадия
ПРАШКЕВИЧА.

Стр. 40

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ • №2(6) • 2000

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- В. Букур. Постучи в окошко и скажи Егорову. Рассказ 2
- Д. Скирюк. Стандарт. Рассказ 7
- В. Колышкин. Исповедь летчика-истребителя. Повесть 14

ХРОНОСКОП

- Г. Прашкевич. Адское пламя. Часть 2 40

ТАМ-СЯМ ИЗДАТ

- Рецензии на книги П.Бигла, В.Звягинцева, Кира Булычева, Ю.Буркина и др. 6-53

НФ-ПЕРСОНА

- Кир Булычев: «Мне нужно писать рассказы, а не хочется» 35

КУРЬЕР

- Н. Маркалова. «Аэлите» — девятнадцать! 38
- М. Лукашина. «Фэндом-2000» 34

Издатель и редактор:
Вячеслав Запольских.
Ответственный секретарь:
Александр Лукашин.
Художники:
Константин Кунщиков,
Олег Иванов.
Адрес для переписки:
614039, Пермь,
Комсомольский проспект,
63-9.
E-Mail: lavkaf@mailru.com

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

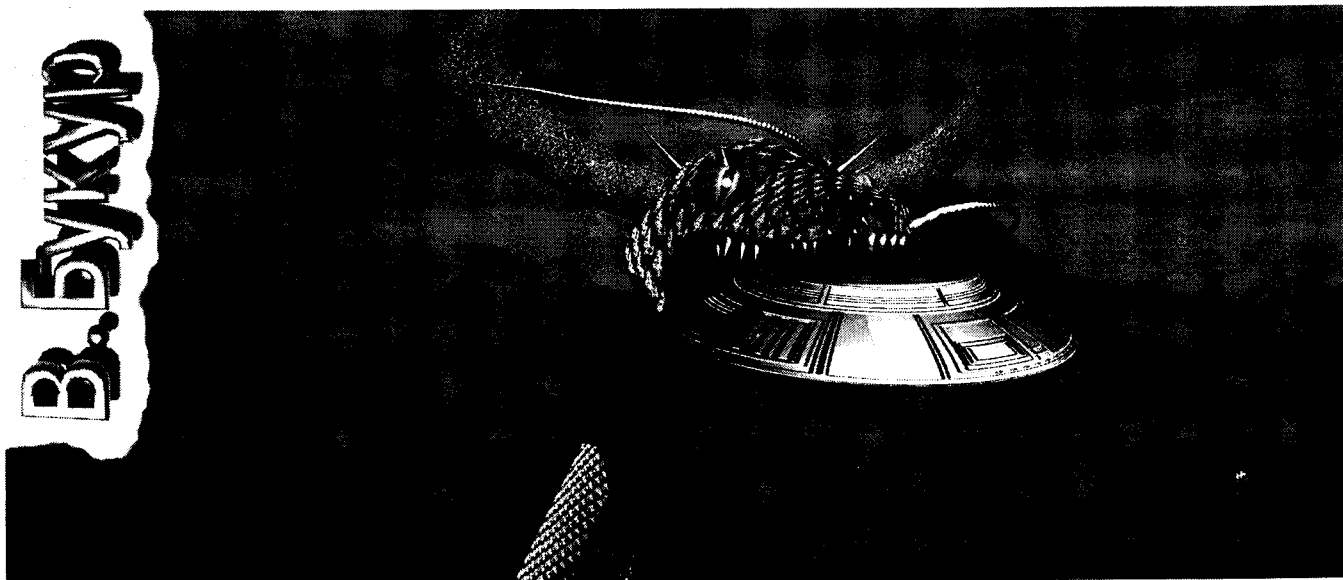
Редакция не берет на себя обязательств по рецензированию всех присланных книг.

Журнал зарегистрирован 25 ноября 1997 г. в Уральском региональном Управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации. Свидетельство № Е-2377.

Номер выпущен на средства гранта Администрации Перми.
Цена свободная.

В оформлении обложки использована иллюстрация М. Неверова к книге С. Снегова «Экспедиция в иной мир» (1983).

© «Лавка фантастики», 2000.

Постучи в окошко и скажи Егорову

ОНА упруго шла на лыжах по вечернему полю и мечтала. В своем внутреннем телевизоре Таня отчетливо представляла себя — в толстом, двойной вязки, оранжево-белом свитере, обтекающем ее классические формы. Лыжня уже была залита вечерней фиолетовой тенью.

«От чего строится любое движение? — вольно размышляла Таня. — От спины и бедер. Спина и бедра — самое главное».

И она старалась начать всякий лыжный шаг движением бедер вперед. Получалось очень раскованно, тем более что на поле, окруженном со всех сторон мохнатым лесом, не было ни души.

Потом ее вольные мысли переключились на чакры — узлы-аккумуляторы биоэнергии, находящиеся в теле человека, если верить древнеиндийским ученым. И наверно, движение от бедер нужно, чтобы включилась энергия от самого могучего, нижнего аккумулятора — Кундалини чакры. Потом замелькали: анабиоз йогов, левитация, парахирурги и Лох-Несс...

Так бы она еще долго скользила выработанным норвежским шагом, равномерно вдыхая и выдыхая, играя мыслями. Впереди и немного в стороне обнаружился слабо колеблющийся — пар? туман? дым? привидение? Таня задержала воздух, дыхание забурило, сбилось. Между тем пар-туман начал вращаться вокруг своей оси, постепенно студенея. Когда он проходил стадию стеклянности, в нем разбился и спектрально заиграл последний луч уходящего за лес солнца.

Сугробы превратились в груды фальшивых самоцветов. Впрочем, все быстро погасло. Сплюс-

нутое в лепешку тело еще больше уплотнилось и стало непроницаемо молочным, с редкими серебристыми проблесками по окружности.

«А ведь это НЛО», — одновременно растерялась и обрадовалась Таня. Она тут же сделала успокаивающее дыхательное упражнение и внушила себе: «Я спокойна. Я спокойна. Я молодец — невозмутима, как сама философия». Машинально она продолжала двигать ногами. Молочная лепешка, косо вися, медленно заскользила наперерез. «Ничего, ничего», — подбодрила себя Таня. Она вспомнила дрянно напечатанный (сидимой экземпляр под копирку!) якобы отчет о пребывании одного человека внутри НЛО. Так он утверждает...

Довспоминать не удалось — разом наступило ровное молочное безмыслие с отдельными зеркальными проблесками. Оно тянулось во все стороны, без конца и без края. Но сохранилось мучительное ощущение времени, которое текло и текло, и не было под рукой ни одной, завалящей, захудалой, облезлой мыслишки, чтобы это состояние обдумать. Было также чувство, что внутрь ее залезли и строго, упорядоченно, без злобы ощупывают каждое нервное соединение. А время неслыханное все течет и течет.

Внезапно молочность разредилась и пропала. Перед лицом Тани встала вертикально белозеленая бугристая стена, пересеченная темно блестящей извилистой жилкой. Справа к стене был приклеен коричневый спичечный дымящийся коробок. Одновременно разрешено было думать.

«Сейчас коробок загорится», — с наслаждением подумала Таня и моргнула. Тут бело-зеле-

ные бугры превратились в заснеженные вершины елей, темная жилка — в незамерзающий Каскырский ручей, а спичечный коробок — в домик с бодро курящей трубой. Таня висела на громадной высоте. Она медленно снижалась, пошевеливая лыжами, ели нехотя раздавались в стороны, а домик сместился к центру и устоялся на нее жерлом трубы. «Сейчас как ведьма, — подумала Таня, — нырь в нее! — и...» Заунывно насвистывал легкий ветер.

Тут внутри Тани раздался запредельный голос:

— Постучи в окошко и скажи Егорову, что мы существуем.

Нетронутый пухлый снег блестел в косых лучах солнца уже совсем близко. По поляне навстречу Тане скользила ее серо-фиолетовая тень. Вот они соединились ногами, и тень, наверное, ощутила глубокое удовлетворение.

— Не забудь сказать Егорову, — еще раз проговорил несуществующий голос, — мы существуем. — И замолк навсегда.

Таня несколько раз согнула и разогнула колени. Ноги дрожали. Она пошарила взглядом по замороженной сини неба. Вот разве это далекое белесое пятнышко (облачко?), тихо тающее в лучах солнца... Но в нем уже не было ничего чудесного.

А солнце-то тогда ниже было, — вспомнила Таня. Сколько же времени прошло, когда она без мыслей пребывала где-то? «И никогда не узнаю, где», — почему-то с грустной уверенностью подумала Таня, тихо бредя к темному домику, сложенному из крепких (сосновых?) бревен. Шурша нетронутым еще снегом, она подъехала под окно и постучала в него концом лыжной палки. Увидела мелькнувшее человеческое лицо, стала ждать, когда хозяин выйдет.

— Кого это в понедельник принесло? — сказал он вкрадчивым тенорком, гремя щеколдой.

— Понимаете, я к вам с поручением, меня просили передать важную информацию, — одним духом выпалила Таня и поспешила к мерзлому скрипу открывающейся двери.

На пороге стоял что-то жующий жилистый Егоров. Он был слегка седоват и стар — никак не меньше пятидесяти. Таня разглядела сразу, что тренировочные штаны на нем драные, а кофта — странная: из зеркального серебристого металла. В ней отражалась опушка бора и розовое лицо Тани. Она посмотрелась в зеркальную кофту и поправила шапочку.

— Вы ведь Егоров?

— Но. Лесник, — сухо сказал Егоров.

Таня растерялась от такой его сухости и зачем-то брякнула:

— Как жизнь?

— Дышит. Заходите.

Взмахнув огромными бровями, будто собираясь улететь, он повернулся и пошел через сени. Через созвездие дырок в тренировочных штанах мелькали кальсоны. Егоров звонко сыпал:

— Извиняйте за мой внешний вид, отражающий мой внутренний облик. Что касается кофты, то ее подарили тут одни... шатальцы. В общем, садитесь салат есть.

Они сели за стол, застеленный новехонькой полиэтиленовой скатертью. Салат был из категории зимних, он стоял в огромной эмалированной миске. Таня вдруг поняла, что она смертельно устала и что не ела со вчерашнего обеда. Если сегодня понедельник! И теперь она стала погружаться в сметанно-растительный мясной вкус этого блюда. «Эти кусочки яблок в салате, — думала она, — как пульсары взрываются во рту: вспыхнул и погас, вспыхнул и... А ломтики соленых помидор, как живые, проскальзывают внутрь». Она вдруг вспомнила, зачем ее сюда доставили.

— Послушайте, — начала она.

— Зови меня дед Егоров. Все меня так зовут. Лесника деда Егорова кто не знает?

— Послушайте, дедушка Егоров, мне поручено вам передать... Из НЛО просят передать — они существуют. Своим неверием вы создаете им большие неудобства. Наверное, поле у вас такое, неверящее, — додумалась в конце концов Таня и тут же удивилась: «А я еще поумнела — после общения с НЛО».

Егоров дождался, положил аккуратно ложку и пропел:

— Та-ак. — Затем встал и скрылся в горнице: — Одевайся! Одевайтесь! — взвизгнул он оттуда. — Ты... вы, значит, из этой же бражки! Гипноз, голография и все прочее — для забивания мозгов. Не думайте, что мы такие темные — одиннадцать журналов выписываем.

Он вышел уже одетый в ватные штаны и валенки, подшитые веселой желтой кожей. Но зеркальная куртка по-прежнему сияла на нем.

— Пошли, — сказал он сурово. — Если вы из этих, то лучше вам уйти. Пошли, до Каскырова провожу.

Тут Таня заплакала. Она была гордая, поэтому не ревела в голос, а стояла и просто точила слезы.

— Вы, — сказала она твердо, — ожесточенный человек. Вас не проймет никакое чудо. Меня попросили передать вам, что ОНИ существуют, а вы согреться не даёте и гоните, — она продолжала точить слезы.

Егоров жалобно покряхтел, потом выдал:

— Все же давайте-ка... пойдём.

Таня едва поспешала вслед за лесником. На своих широких, каких-то кургузеньких лыжах он шел емко, как бы нехотя переставляя ноги. Таня же с трудом удерживала размеренный ритм дыхания. Чтобы отвлечься от неотесанного и пугливого деда, она стала представлять, как все расскажет на работе. Эта новость почище тех, что приносит в лабораторию Лялька Гладышева, совершенно элементарное существо. Таня вспомнила, как в тот понедельник это существо пришло в новых джинсах и как оно, задыхаясь, говорило: «Ой, девки, на толчке «дикую кошку» урвала, два и пять скинула». Двести пятьдесят за джинсы! В Тане все возмутилось.

Вдруг она выкатилась на дорогу, оставшуюся, верно, после вывозки леса. Дед оглянулся и кивком показал: иди, мол, рядом. Видимо, он чувствовал себя неловко: тоненько откашлялся, поморщился, обнажая крупные, нагло-белые зубы. «Очевидно, протезы», — подумала Таня.

— Рябчик здесь раньше был, — сказал Егоров. — Нынче все изменилось. Уток опять много было. Они еще до войны куда-то девались, эти птицы, — и он робко, снизу вверх, глянул на высокую и плотную Таню. «А Фрейд был прав. Зов пола», — мелькнуло у нее про старика.

— Послушайте, — сказала она, отдуваясь — Егоров послушно сбавил темп. — Почему вы ничего не терпите чудесного? Ведь столько в мире чудесного. К вам постучались братья по разуму, а вы используете невежественную силу своего неверия, чтобы отогнать их. От вас, может, зависит судьба человечества!

— Что я — Господь, что ли, — огрызнулся Егоров. — Какие братья по разуму? Прощелыги, вот кто! Или спекулянты. Сейчас спекулянт хитрый пошел, хи-итрый. Он тебе и гипноз, и летательный аппарат изготовит. Слыхали, на прошлой неделе зэк на самодельном вертолете сбежал?

И он поднажал. Таня, задыхаясь, тянулась за ним из последних сил. Он покосился на ее малиновое лицо, снова сбавил.

— Они мне куртку вот кинули. Видите, блестящая какая. В жару в ней прохладно, а в холод тепло.

«Это не Егоров, а прямо чудо в перьях», — подумала Таня.

— И вы по-прежнему считаете, что это не НЛО?

— Галюсиная все это, голография! — заверещал Егоров. — Был я в городе, там через двое третий в таких куртках гуляет.

— Ничего подобного, — возразила было Таня, но он не слушал.

— Почему я думаю, что это галюсиная? — сказал он, остановился и объявил: — Перекур.

Но курить не стал, а продолжал объяснять:

— Появляется оно и исчезает без следа. И если я не захочу, оно не появится. Значит, оно материализуется в мозгу, а не снаружи. А некоторые, причем молодые, его принимают за вещь, ответственность, — ядовито отнесся он к Тане.

«А он философ, дед Егоров». Таня спросила:

— Но во многих местах НЛО видело множество людей сразу?..

— Массовая галюсиная, — убежденно сказал Егоров. — Психическое заражение в толпе. Мне внук объяснил. Ну, пошли, а то потные, засынем.

— Ну, хорошо, — сказала Таня, пристраиваясь справа от Егорова. — В нашем мире такие... тела с такими свойствами не существуют. Но, возможно, есть параллельные миры с другими законами физики и вообще. И то, что вы считаете мороком, привидением, «галюсиной», есть просто просачивание этих тел из параллельного пространства.

Ее звучный голос красиво отражался от красных сосновых стволов и наполнял все вокруг гармоничным гудением. Она продолжала:

— Первобытные люди были как дети, у них не было этой... жестокой силы неверия. Поэтому из рядом лежащих пространств могли свободно просачиваться НЛО, всякие там феи, сатиры. Я сама в детстве вот таких маленьких человечков видела, в одних плавках. Мне года три-четыре было. Я садилась в угол, нарочито принимала неудобное положение, задерживала дыхание, и тут крохотные самолеты начинали летать, а я их ловила, ну, как ос. Человечки в плавках являлись, я их трогала. Один, помню, утонул в ведре.

— Эйдетизм, — коротко проверещал Егоров.

— Слыхали такое? Дети все, как в кино, представляют. Чудеса, говоришь? Да-а, кругом чудеса, в любом дереве, в любом жуке, а ты ищешь в каких-то пространствах. Вот у меня с отцом чудо было — бык раздавил телегой. Ты, дева, туда не забирай, там Каскыровский теплый ручей под снегом бежит. Ухнешь в него, что я с тобой делать буду? Значит, как дело было. Дрова везли, бык был трехгодовалый. Отец его ударил батоном, бык решил отомстить, телегой к дубу отца прижал, раздавил печень. Он повернул резко, когда до дуба дошли, и телегой отца к дубу прижал. Отец через некоторое время стал желтеть. Вот чудо, а? Он был вечный лесник, отец-то, сторож лесной.

— И вы тоже всю жизнь лесником? — любуясь заснеженным лесом, спросила Таня.

— Я после поволжской голодухи в самодеятельности работал.

Таня пристально сбоку глянула на Егорова.

— Чего смотришь? Уже восьмой десяток пошел, — проверещал старик, и голос его, как бы вращающийся со скоростью пять тысяч оборотов в секунду, неприятно проник в ее мозг. Как зубной бор. «Он все дичее становится здесь, вдали от людей», — пожалела его Таня. Она сказала ему мягко, внятно, как маленькому ребенку:

— Ваши чудеса, конечно, тоже чудеса. Но они такие маленькие, они принадлежат Земле. А мирто намного больше. В нем вам такое встретится, что и не снилось. Вы хотите замкнуть всех в тесном, душном мирке земных чудес. Да в каком веке вы живете? Раскройте глаза, посмотрите в бесконечность! От нее-то вам не отгородиться плотиной неверия. Среди чудесных происшествий существует иерархия, ну, понимаете, лестница, и ваши занимают одно из самых ее низших мест.

Таня замолчала. Понял или не понял? Егоров тоже промолчал, потом на ходу мощно протер нос и промолвил:

— Давай не будем меряться, у кого что лучше. Зачем лезть в параллельности, я только одно не пойму. Друг с другом поладить не можем, деремся, только клочки летят. Живых тварей ни за что не считаем. Они ведь тоже думают думу свою. Кайзер — собака была у бабушки. Кличка — Кайзер. А погибла на пчельнике. Стали когда баловать банды лесные после гражданской, бабушка с пчельника ушел. Кайзер хотел с ним идти. Дед говорит: «Кайзер, миленький, я уйду, ты уйдешь, кто на пчельнике останется?» Он все понял, остался. Ночью все ульи разорили, и собака пропала, — дед проверещал это торжественно, с каменным выражением лица. Большие брови застыли, они никуда не хотели лететь. «Смешной старик», — подумала Таня.

— Что-то у вас все чудеса трагические, — сказала вслух.

— Ха! — каркнул Егоров. — А ты хочешь, чтобы они были, как в сказке, чтобы все хорошо-здорово кончалось? Настоящее природное чудо всяко кончается.

«Какой узкий человек! — воскликнула про себя Таня. — Но в нем чувствуется здоровенный природный ум. Что-то в нем есть от Канта — такой же худой и непреклонный. Однако в этом лесу он совсем одичал. Узко, узко смотрит». Она слегка обогнала Егорова — шур-шур.

— Я думаю: каменный барьер неверия можно сломать с помощью науки и искусства. Вы

ведь много читаете? Организуются лаборатории экстрасенсов. Искусство... Да оно просто распаивает перед нами дверь в другой мир! Помню, с концерта квартета имени Шостаковича я ушла, держась за кого-то. Это было что-то нечеловечески высокое.

Тут дорога круто повернулась и к тому же сделала нырок. Таню занесло — она врезалась в заснеженный кустарник, забарахталась в нем. Егоров вернулся, протянул ей лыжную палку.

— Если дороги не знаешь, то и дело будешь пурхаться, — сказал он, отряхивая ее. Вдруг опять скривился.

— Что? — испугалась Таня.

— Да вот... В зубе дырка сделалась. Старость, видно, подходит. Наука ничего с кариесом сделать не может, верно? Там экстрасенсов вылавливают, а здесь понастроили в Каскырово многоэтажных домов — хорошо, верно? Улучшаем условия. Раньше деревня была, а теперь многоэтажные дома. Канализацию построили, и дерьмо централизованно в реку течет. Раньше его на поля вывозили как удобрение. А теперь в реку. Даже ключевая вода, и та твердая стала, жесткая, все от соли от вашей машинерии чудесной, — скороговоркой закончил старик и махнул рукой. Вдали замелькала трансляционная каскыровская вышка. Егоров остановился:

— Не заметили, как пятнадцать верст отдули. Размышлизмы всякие, они вон как дорогу укорачивают. Ну, перекур.

Вдруг он схватил ее за руку и больно сжал, глядя куда-то поверх ее плеча. Она повернулась. Кусок воздуха над высокой тонкой елью начал струиться и завиваться. Яркое блеснуло под полуденным солнцем снег, а завивы густеющего воздуха, крутясь, приближались к ним. Опять брызнули разбитые солнечные лучи, опять зажглись вокруг них горы и поля поддельных самоцветов.

— Нету этого! — звонко заорал дед Егоров. По лесу прошел гул: этого... того... — Нету!

Его круглые глаза повернулись и уставились на Таню.

— Это все из-за тебя, — медленно проговорил он. — Твоя вера перешибает. А то бы — фу! — и рассыпалось НЛО твое.

Вдруг его глаза опасно заблестели, неужели что-то придумал? Таня хотела собраться, приготовиться, но Егоров запрыгал перед ней на коротеньких, разлапистых лыжах, завизжал, сбивая все мысли:

— Значит, во все веришь? В НЛО, в экстрасенсов?

— Верю и буду верить! — страстно ответила она.

— В Бога, в Христа, в Змея-Горыныча? Глянька: дракон! — и он ткнул пальцем вверх.

Таня послушно повернула голову. Там уже шатались деревья, ломаясь с необыкновенной легкостью, и среди них вывернулась громадная рогатая голова, вся в роговых панцирных чешуйках. Она зевнула, посмотрела равнодушно на них ледяными желтыми глазами. Таня поняла, что это дракон и есть.

Чудовище висело-висело, вдруг встало на задние лапы, и голова его ушла выше долговязой елки. Таня увидела, как с треском распахнулись серые крылья. Повеяло колючим ветром. Мах-мах-мах-мах! — отчаянно тужась, заработало чудовище.

— И-ак! — рывкнуло оно.

И Таня на время оглохла. Ее лицо стало белее окружающего их снега — это она за-

метила в зеркальной куртке Егорова. Он весело щурил глаза, наблюдая из-под руки за небом.

Дискообразный НЛО, уже dospевший до состояния молочности, заметил опасность слишком поздно. Таня увидела, как он дернулся в одну, в другую сторону, заложил глубокий вираж. Но дракона наводил безошибочный охотничий инстинкт — верно, это был не первый его НЛО. Он срезал по прямой, разинул и сжал челюсти. Молочная громадная лепешка исчезла, блеснув напоследок серебряными краями. После этого дракон медленно рассеялся в ярком морозном воздухе.

— Ну, беги скорее, — сказал Егоров. — На электричку опоздаешь.

Там-сям издат

Анджей Сапковский. «Владычица озера». - М.: АСТ, 2000.

Книга, которую ждали, на появление которой надеялись, а некоторые чуть ли не молились, все-таки вышла. И вышла как нельзя более вовремя.

Что бы ни говорили про польскую фантастику, а современный российский читатель все равно сможет вспомнить только Станислава Лема и Анджея Сапковского (ну, может, еще Марека Хуберата, но это уже вопрос для настоящих знатоков). После сборного тома «Дорога без возврата» ряды почитателей таланта польского мастера и его ведьмака немного приуныли: помещенный там рассказ «Что-то кончается, что-то начинается» выглядел не просто апокрифом, а чуть ли не пародией. В итоге мастер все же взял себя в руки и закончил свою эпопею. Долгая сага подошла к концу, и теперь ясно видно, что это именно роман, а не сериал с продолжением. Порою даже думается, что лучше бы его издали одной книгой. Большой книгой. Очень большой, вроде «Смерти Артура», к которой, кстати, пан Анджей отсылает нас все чаще. Что приятно, автор и сам рос по мере написания своих произведений. Начав с блистательного переосмысления традиций европейских сказочных сюжетов в «Ведьмаке» и продолжив пляску на костях традицион-

ных американских романов-фэнтези, Сапковский прошел через прозрачные аллюзии со Второй Мировой и развернулся в сторону британской старины, в итоге сделав реверанс Артуру и его круглому столу, для чего долго и странно аргументировал свою точку зрения в своем критическом эссе «В традиции».

На удивление, все кончилось логично. При большом количестве свисающих «хвостов» все действие прекрасно уложилось в заданные сюжетные рамки — все, кто должен был выжить, выжили, все, кому назначено было умереть, умерли без лишнего геройства и патетики, но с чувством выполненного долга (как сказал бы Геральт: «Выполненного Предназначения»). Однако и читатель не остался разочарован, получил ответ на все загадки и вопросы, и даже явление единого рога в конце романа принимает благосклонно, равно как и туманы Авалона. Великолепно описан процесс изменения окружающего мира, откуда незаметно уходит магия и все, что с ней связано. Формирование магического женского Ордена, «Тайной Ложи», выглядит не больше, чем мышинной возней — в свете окончания войны любому ясно, что повлиять по-настоящему он ни на что уже не может. Немного чужеродными выглядят главы про девочку-сновидицу и сэра Ланцелота, но то уже часть нашего мира, и

поэтому неудивительно, что все они там как бы несколько не к месту.

Настоящее же украшение романа — сцена битвы и картина полевого госпиталя во главе с хирургом-хоббитом. Никогда еще в романах фэнтези война не выглядела так бессмысленно и отвратительно, даже у известного фанатика батальных сцен господина Перумова.

Мир традиционной фэнтези статичен, там властвуют традиции; обычно он не развивается, а если и идет какое-то развитие, то оно циклично. Сапковский же смог поднять фэнтези до уровня большой литературы. Созданный им мир дышит, действует, живет и развивается, служа как бы зеркалом наших исторических реалий. Это не красивая сказка, он чужд любому эскапизму, в него нет никакого желания сбежать: там те же самые проблемы. Очень может быть, что теперь, после появления романов Анджея Сапковского, к написанию фэнтези придется подходить с совершенно другими, гораздо более высокими критериями.

Сапковский по-прежнему Мастер. Сейчас, по его собственным утверждениям, он собирается посвятить себя исследованию истории Гуситских войн. Грядет второй Сенкевич? Все возможно. Можете быть уверены — настоящий АС осечек не допускает.

Дм. СКИРЮК

ДМИТРИЙ СКИРЮК

Всх. № 2370-17

«Его Величеству Дарину VI, Правителю Рубежного Подгорья, Государю западных тангаров, Князю Синего и Красного холмов и прочая, и прочая, и прочая от младшего смотрителя четвертых уровней технического сектора Ф. Брокка

Чслобитная

Мой Государь!

Прошу меня простить за нарушение регламента подачи документов, но некие события последних дней вынуждают меня обратиться к Вашему Величеству напрямую, минуя канцелярию и выборный совет. Посланием сим я никоим образом не хотел бы тревожить Вас и отвлекать от важных дел, но не могу я и смолчать, оставив все происшедшее, как есть, поелику сие чревато осложнением, а паче этого — и полной порчей отношений с внешним миром. Лишь посему, а не корысти ради и не по злодейскому навету я счел необходимым довести до Вашего внимания некоторые сведения касаемо работ над заказным оружием, кои ведутся (а точнее сказать — велись еще недавно) в мастерской Фальгрима.

Напомню Вашему Величеству, что ровно год тому назад (апреля месяца, 10-го числа) общи-

ной Западных тангаров принят был заказ от его светлости Гонтье де Годфруа, герцога Бульонского. Заказ сей подразумевал изготовление для него волшебного меча, с коим мечом сей достойный муж намеревался совершить поход «на земли юга вплоть до Палестины и окрест». Заказ был принят и оплачен по договоренности на месте и вперед, всей суммой в золоте и в драгоценных самоцветах. Взять подрядились старший мастер оружейной наковальни Фальгрим и его три подмастерья — Акки, Крюнт и некий Ву Храбун по прозвищу Пейне Д'Осо, что значит «Птичьи перья», и который есть не горный гном, но перебежчик из лесных, хотя и говорят, что резать по металлу и гравировать большой искусник. В итоге выборный совет не соизволил возражать и, после должных отчислений на налог в казну, снабдил их всем необходимым для работы, предоставив материалы, топливо, а также дал им допуск в малый зал библиотеки для наложения заклятий. А ныне на неделе оный муж Гонтье де Годфруа явился сообразно оговоренному сроку, дабы разузнать, как продвигается работа над его мечом, и скоро ли готов будет. Я обещал, что прослежу за результатами трудов, и был пренеприятно удивлен.

Мой Государь! Во-первых, до сих пор работа ими не закончена! Я обращаю Ваше август-

тейшее внимание на то, что сроку для работы было ровно год. Во-вторых же, меня смущают результаты, т. е. собственно сам меч, который сильно отличается от утвержденного стандарта. Конечно, я осознаю, что эрудиция моя не позволяет должным образом принять и оценить весь спектр наложенных на меч заклятий, но, учитывая необычно темный отблеск ауры (архонт) и странную конфигурацию клинка, я остаюсь во власти подозрения, что оный меч ковался в состоянии изрядного подпития всех четверых. Спешно проведенная по моему приказу полная ревизия подвалов выявила крупную недостачу пива и вина, а также более крепких напитков, чему причиной оказался подкуп ими виночерпия (виновные наказаны). По моему скромному уразумению, Фальгрим, чья мастерская без толку простаивала более пятидесяти лет, на радостях от получения такого крупного заказа выпил лишнего, а после, подстрекаемый одним из подмастерьев, попросту ушел в запой, что не замедлило сказаться отрицательно на качестве работы.

Осмелюсь Вам напомнить, что до окончания срока остается менее недели, полевые испытания меча еще не проведены; деньги же и драгоценности, пошедшие в уплату за него, истрачены и пущены на взятки. В связи с вышеизложенным прошу Ваше Величество назначить должную комиссию и провести необходимое дознание, куда ситуация не сделалась критической.

Подпись.

Дата».

(Наложенная резолюция: «Не возражаю. Назначить представителей совета, разобраться в кратчайшие сроки, о выполнении немедленно доложить. Его Королевское Величество Дарин VI Подгорный. Подпись. Печать»).

Исх. № 2376-17

«Мой Государь!

По Вашему Монаршему повелению, мною и сопутствующими лицами был учинен досмотр и полная проверка мастерской ст. м. н. Фальгрима, сына Хромбла (4-й уровень, низ галереи, сектор «хьярмен»).

В ходе работы комиссии обнаружено следующее.

Меч один (1), магический, полуторный, класса «броня-броня», без рукояти. Формою довольно прям, но с выступами вдоль, серпом по острию и три дыры в полотнище клинка одна поверх другой. По утвержденью мастера — для восьмикратного и больше усиления заклятия на цикле бесконечности и пробивания доспехов тож. Проверить оное

утверждение не представляется возможным, ибо всякая работа над мечом была им заморожена на стадии стендовых испытаний ввиду нехватки средств и экстренного проведения работ по гравировке.

Опись изъятых прилагается.

Председатель комиссии,

советник Арк Ан-Хар.

Члены комиссии: Улле, Боромозель.

Подписи.

Дата».

Исх. № 2377-17

«Фаларинбар!

Что за остолопы там у вас работают? Вы что, нормальных тангаров послать не могли? Где результаты экспертизы? На каком основании были прекращены работы? Что значит: «три дырки одна поверх другой»? Извольте выражаться яснее! Какие дырки, для чего? Вы мне не путайте дырки! Это вам не просто меч, а заказной, сожги вас барлог. Или вы хотите, чтобы наши отношения с людьми уже вконец разладились? Немедленно верните меч обратно мастеру и позаботьтесь, чтобы все работы были выполнены в срок. По исполнении доложить.

Личный секретарь

Его Величества Государя Дарина VI Подгорного

Теофилус С. Гассенпфеффер.

Подпись.

Дата».

Всх. № 2380-17-А

«Его Величеству Дарину VI, Правителю Рубежного Подгорья,
Государю западных тангаров, Князю Синего и Красного холмов
и прочая, и прочая, и прочая
от старшего мастера наковальни цеха малого вооружения
Фальгрима, сына Хромбла

Объяснительная

Государь!

Хочете верьте, хотите — нет, а только я Вам вот чего скажу. Все измышления, представленные Вам насчет меча есть навет и оговор со стороны этого придурка Брокка, который пакостник плешивый сам не сделал ни шиша и ныне злится, что ему ничего не перепало. Я, собственно, вообще не понимаю, чем он недоволен: ладно бы в оружии хоть что-то понимал, а то ведь крыса канцелярская, а туда же. А что форма у меча и вправду не таковская, так то особого значенья не имеет, ибо главное в таких мечах — покрепче удержать его за рукоять, а остальное суть не важ-

но. Что до необходимых испытаний, то новых поступлений пленных не было на памяти моей уже лет двести, и испытывать все тактико-технические характеристики меча на собственном горбу дураков нет, вот разве только Брокк сам свою черепушку подставит. Если уж на то пошло, то пусть этот Бульонский граф его на ем и испытает.

Учитывая все вышеизложенное прошу отменить как незаконное.

Смету расходов прилагаю.

Сим остаюсь Ваш верный подданный,

ст. мастер наковальни Фальгрим.

Подпись.

Дата».

Всх. № 2380-17-Б

Накладная (форма № 42)

Выдано со склада: ст. м. н. Фальгрим, сын Хромбла.

расходные материалы	количество	оплата
Железо кричное	18 чушек	Наличные 18 x 25
Медь	4 слитка	Наличные 120
Олово	5 прутьев	Наличные 238
Свинец	1 ст. слиток	Наличные 23
Урган (тяж.)	1 ф. (присадка)	Наличные 1.056
Агадан	S золотн. (присадка)	Б/нал. расчет 198.000
Золото	-	-
Драконья кожа	1,5 на 2 локтя	Расписка/вексель
Измарагд	1 шт.	Расписка/вексель
Мифрил	достат. кол.	П р я м о е поручительство

Всх. № 2380-17-В

«Архив скриптория подгорной библиотеки
им. Гимли бесстрашного.
(Читальный зал).

Справка.

Храбун, Ву, подмастерье цеха малых вооружений. Выдано заклятий:

Боевых:

1. Усиление удара ..... 2 шт.
2. Проницаемость (сталь) ..... 1 шт.
3. Проницаемость (кость) ..... 1 шт.
4. Ускорение ..... 1 шт.
5. Левитация ..... 3 шт.

Охранительных:

1. Отброс назад ..... 2 шт.
2. Самозаточка ..... 1 шт.
3. Святость ..... (нет)
4. Стойкость к ржавчине ..... 1 шт.

Прочие:

1. Помпа (вампиризм) ..... 1 шт.
2. Компас (ориент.) ..... 1 шт.»

Исх. № 2378-17

«Вы там что, с ума все посходили? С таким количеством железа можно было снарядить взвод панцирной пехоты! Немедленно разберитесь и доложите, куда подевались расходные материалы, а также на кой понадобилось столько заклинаний на один клинок, иначе будете отвечать уже не передо мной.

Т. С. Г-р».

Всх. № 2395-17

«Я вашей долбанной канцелярии не подчинен. У меня все идет в дело — всякий скажет: Фальгрим свое дело знает, ну а ежели чего не нравится, берите молоток и сами делайте.

Фальгрим.»

Всх. № 2401-17

«Срочно.

Советнику-секретарю Т. С. Гассенпфефферу.

Результаты оружейной экспертизы позволяют предположить, что основу клинка составляет низкоуглеродистая сталь с коэффициентом гибкости 16,0, без свилей, раковин и трещин, проковка вполне удовлетворительная, стальной сердечник, гравировка. Содержание тяжелых элементов составляет около 5 %, содержание лучистых примесей — порядка четырех (4) ПДК. Зафиксировано свечение в темноте. Свинец рекомендован (обкладка ножен). Клинок широкий умеренно, местами до сильно. Смещенный центр тяжести, но выправлен магически (заклятие левитации 1/5). Помимо этого магическая экспертиза выявила некоторое смещение наложенных заклятий в три локальных сопряжения. Установить характер местного сплетения не представляется возможным. Вызывает опасения также тот факт, что центр локализации заклятия помпы (вампиризма) также не был выявлен.

Рекомендованы дополнительные исследования.

Члены экспертной комиссии.

Подписи (11 шт.).

Дата».

Исх. № 2380-17

«Что значит: «У меня все идет в дело»? Где мифрил, сукины дети?! Вот погодите, выдастся свободный день, я с вами еще разберусь. Завершите испытания и по исполнении доложите обстановку.

Г.»

«Начальнику тайной канцелярии
Государя Дарина VI Подгорного
Фаларинбару Е.
от испытателя ручного холодного оружия
У. Ы. Крим-Кромбла

Объяснительная

Я разрубил сначала две, потом еще одну, а после он стал закрученный и понес. Сначала он меня, потом я сам, а после снова — он меня. Рубило все, а я держался. Больше ничего не помню. Когда открыл глаза, их уже было мало.

Обещаю, что подобное больше не повторится.

Подпись.

Дата».

Исх. № 2388-17

«Гассенпфедер — Фаларинбару.
Срочно, секретно, чрезвычайно важно.

Немедленно, повторяю: НЕМЕДЛЕННО выясните все обстоятельства, при которых был разрушен испытательный стенд, и предоставьте подробный отчет. Установите степень, срок, характер повреждений. Допросите еще раз этого вашего Кромбла, укомплектуйте экспертную комиссию более компетентными тангарами. Сделайте же что-нибудь сами, почему я все время должен думать за вас?! Если Государь узнает обо всем, его гнев будет страшен!

Подпись.

Дата».

Исх. № 2389-17

«Теофилус! Что за кошмар сотворил там этот ваш пьяница Фальгрим?

Д.».

Исх. № 2390-17 прим
(Копия)

«Фаларинбар, мы, кажется, таки достукались. Дошло до Государя. Если мы до понедельника не сообразим, как нам ему все это объяснить, дела наши будут плохи. Во что бы то ни стало надо придумать, что мы ему скажем. Уничтожь это письмо, если не хочешь неприятностей. Увидимся завтра.

Г.».

ПРОТОКОЛ

экстренного заседания комиссии по вопросу о мече Фальгрима

Присутствовали:

Советник-секретарь Государя Т. С. Гассенпфедер,

начальник тайной канцелярии Государя Е. Фаларинбар II,

Фальгрим, сын Хромбла, ст. мастер наковальни, Храбун, Ву, подмастерье,

председатель экспертной комиссии Арк Ан-Хар,

младший смотритель четвёртых уровней технического сектора Ф. Брокк

Гассенпфедер. Господа оружейники. Уважаемые тангары! Прошу внимания. У нас сегодня на повестке дня один вопрос: что нам делать с мечом Фальгрима, поскольку...

Фаларинбар. Да чего там, ладно, всем и так все известно. Начинайте.

Арк Ан-Хар. С чего начнем?

Гассенпфедер. Пусть мастер объяснит.

Фальгрим (вставая). А чего тут объяснять? Меч готов, а дальше делайте, что собирались. Отдавайте этому, как его... Бульонскому, и хрен с ним.

Брокк. Э-ээ, погодите, погодите... Это что же получается? Сковали меч, который неизвестно из чего и неизвестно как работает, обрушили на испытаниях весь зал... А теперь что же, отдать меч неизвестно кому? Нет, этак не годится.

Фальгрим. Ах ты плесень! Всё тебе не так... Меч, значит, неизвестно из чего, вот как? Ты разве деньги за работу получал, ты, да? А ну, иди сюда!

Фаларинбар (миролюбиво). Господа, господа, только без рук. И потом, почему упоминается весь зал? Насколько мне известно, там всего-то — были подрублены колонны. Все остальное рухнуло уже потом. Может, уважаемый Фальгрим нам все-таки расскажет, как шла работа над мечом?

Фальгрим (с подозрением). А зачем вам?

Фаларинбар (уклончиво). Надо.

Брокк. Да пьян он был, говорю же вам, пьян! Вот и не помнит ничего! Спросите лучше Храбуна: он за мифрилом приходил. Дать — дали, а пока он ничего не возвращает. Ну, это мы разберемся с ним. Взять — взял, а он у него стоит без толку.

Ву Храбун. Здравствуйте, уважаемые, значить, тангары. Вас приветствую от лица мастерской в

своем лице, и подмастерьев тоже. Значить, сразу хочу сказать, здесь до меня было практически все сказано. Ну, меч мы, стало быть, и впрямь сковали. А как с мифрилом обстоят дела, не знаю. Вообще я считаю, что с мифрилом творится полнейший бардак. Бардак заключен в том, что, во-первых, проходит он через складские ведомства, а уже потом поступает к нам. Вот была — я расскажу на примере — такая история, что в прошлом году его почему-то не могли... В августе не могли привезти, в сентябре, а привезли, по моему, в конце декабря...

Фаларинбар. Короче, любезнейший.

Ву Храбун. Э-э, да, да. Сейчас, сейчас. Так вот, к чему я. Конечно же, это лишние расходы легли. Вот, значить, сразу же тоже был такой направлен товарный кредит на сумму 1 миллиард 198 миллионов. А мастерская получила только 920 миллионов. Где-то потерялся мифрил в пути, не дошел он почему-то, где-то его не стало.

Фаларинбар. Хватит. Вижу, от вас нам будет толку мало.

Ву Храбун. Мое дело маленькое — знай, узоры гравировать. А что до остального...

Фаларинбар. Хватит, я сказал! Гм... А что нам скажет по этому поводу глава экспертной комиссии?

Арк Ан-Хар. Прежде чем зачесть результаты экспертизы, прошу дозволения внести меч.

Гассенпфеффер. Дозволяю.

Арк Ан-Хар. Внесите.

(Вносят меч. Продолжительное молчание всех шестерых).

Гассенпфеффер. М-да... *Фальгрим.* Не соизволите ли Вы...

Фальгрим. Не соизволю.

Гассенпфеффер. М-да...

Брокк. Вот этот выступ, например... да, этот. Вот зачем он, а?

Ву Храбун. Доспехи пробивать.

Фаларинбар (заинтересованно). И что, пробивает?

Ву Храбун. Откуда мне знать? Мое дело маленькое, я...

Фаларинбар. А дырки...

Гассенпфеффер. Думаю, какие-то меры по этому поводу будут приняты. Арк Ан-Хар, зачитайте акт.

Арк Ан-Хар. Один момент. Так... Ага, ага... Вот: «При наитщательной проверке содержание мифрила в лезвии меча соответствует 1/4 от стандартного. При этом выявлен магический заслон от выверта меча и сопряжение клин-

ка на несколько локальных единиц (количество не установлено, скорее всего — кратно четырем)»...

Гассенпфеффер. Будьте любезны, проясните свою мысль.

Фаларинбар (задумчиво). Одна четвертая...

Брокк (угрожающе). Где мифрил?!

Фальгрим. Нету у меня никакого мифрила! Выдали который, так и тот весь в дело пошел.

Брокк. Проверку учиним, хуже будет!

Фаларинбар (задумчиво). Одна четвертая...

Фальгрим. Предупреждаю: я просто так не дам. Я до самого Государя дойду! Ишь чего удумали... Стандарт! Я — мастер. Мастер, а не штамповщик, тут вдохновение главное, чутье. Вы видели, какая сила у меча? Нет, вы видели? Тогда пойдите на стенд и посмотрите, если не видели, пойдите и посмотрите, а вот после поговорим. Стандарт какой-то выдумали... Да за такую работу мне приплачивать нужно!

Фаларинбар (задумчиво). Одна четвертая...

Брокк. Да знаем мы это твоё долбанное вдохновение — в бутылках все оно находится! И в бочках!

Фальгрим. А хоть бы и вот так! Да! Зато...

Фаларинбар (взволнованно). Господа, господа! Послушайте, что мне пришло в голову! Одна четвертая стандартного количества и сопряжение клинка — ведь это означает, что клинок-то не весь!

Гассенпфеффер (с подозрением). Что значит: «не весь»?

Фаларинбар. Он здесь не весь! У нас — не весь! Три четверти клинка находятся где-то в другом измерении. Мастер *Фальгрим*, признавайтесь, ваш меч — складной?

Гассенпфеффер. Э-э, погодите, погодите... Вы что, хотите сказать, что он — как перочинный ножик?

Фальгрим. Да я ж вам битых две недели об этом толкую, ну! Эксперты хреновы... Тьфу!

Гассенпфеффер. Гм!

(Общий гвалт, голос Храбуна: «Мое дело маленькое...» тонет в общем шуме. Крики: «Испытаний, испытаний!»).

Гассенпфеффер. Прошу прощения, Мастер *Фальгрим*... не могли бы Вы нам что-нибудь э-э... продемонстрировать? Не на словах, а так сказать, в натуре? Хотя бы в технике владения вашим — этим вот — мечом. И его, как бы это сказать, его другим клинком.

Фальгрим (сердито). Мать вашу, он один! Понимаете, у его в нутре...

Гассенпфеффер. Тем более. Ужасно любопытно было бы взглянуть.

Фальгрим. Ну что ж... Сами захотели. А ну-ка, дайте. Гэть... х-ха!!!

(Шум, топот, грохот бьющейся посуды. Крики: «Не туда!», «Вон он, вон!», «Держи, лови!» и «В стороны, сукины дети, в стороны»).

Арк Ан-Хар. Где он? Где?!!

Фаларинбар. Прекратить панику!

Брокк. Остановите же его!

Бу Храбун. Чего его останавливать — сам, значить, остановится...

Гассенпфеффер (вылезая из-под стола). Что это было?

Фальгрим. Меч. В натуре, блин, как заказывали... Хватит, или еще кой чего показать?

Гассенпфеффер. Довольно, довольно... Э-ээ... Вы нас убедили. Что делать будем?

(Длительная пауза. Все с опаской рассматривают меч).

Фаларинбар. Не представляю.

Гассенпфеффер. Может, и впрямь пошлину за него содрать?

Фаларинбар. Какую пошлину?

Гассенпфеффер. Торговую. Какую же еще? И чтоб побольше.

Брокк (растерянно). Это куда же больше-то? Меч ведь и так уже оплачен, как договорились! И цена, знаете ли... Это, знаете ли, того... чревата, знаете ли.

Гассенпфеффер. Так ведь и меч-то особенный. Ну и что, что продали...Продали! Ха! На все, что может продаваться, можно положить пошлину. Штучная работа, тонкая, можно даже сказать, ювелирная. Одних заклятий — на четыре клинка хватит. Вот и положите на него... э-ээ... пошлину.

Фаларинбар. Протестую! Уважаемые тангары, уважаемый советник, я протестую! В интересах безопасности нашего народа я не могу допустить, чтобы столь мощное оружие покидало пределы подгорной твердыни, а паче того — попало в руки нашего вероятного противника! Я... я вообще не уверен, что мы имеем право создавать оружие такой разрушительной силы.

(Шумное одобрение всех собравшихся).

Гассенпфеффер. Прекратите истерику, Фаларинбар! Я не пойму, что вы хотите предложить. Уничтожить меч? А вы представляете, что будет, когда эти заклятия вырвутся на волю?

Фаларинбар. Нет, но...

Гассенпфеффер. Тогда что? Что? Расторгнуть договор и накликать на свои головы новую войну? Вам мало прежних разбирательств? Хотите получить второго Зигфрида? Клянусь костями Имира, у вас это не выйдет! Не выйдет, так и запишите!

Фаларинбар. Да погодите клясться! При чем тут Зигфрид? Кто сказал, что Гонтье де Годфруа уже видел этот меч? Дадим ему какой-нибудь другой.

Гассенпфеффер. Ну, и?..

Фаларинбар. Ну, и!.. Пусть он с ним мотает хоть в Палестину, хоть куда. Хоть на край света, хоть к Имиру на рога.

Фальгрим. Кхм, кхм... Прощенья просим, господа советники, а токмо какого другого меча сему бульонцу дать никак не можно, потому как нету более мечей в ассортименте.

Фаларинбар. Как так нет? Что значит, «нет»?

Фальгрим. А нет, и все. У меня все идет в дело, даже брак.

Брокк (с подозрением). И заклатья?

Фальгрим. И заклатья, чума тебе на бороду, чернильная душа.

Фаларинбар. Тогда... тогда... Выдайте ему эталонный меч!

Гассенпфеффер. Вы понимаете, что говорите? Выдать образец! Да вы с обрыва рухнули, Фаларинбар! Без эталона мы не сможем более изготавливать мечи! К тому же и на нем тоже лежит заклатье!

Фаларинбар. Ну и пусть. Подумаешь — заклатье верности владельцу! Оно же и вернет нам меч, когда этот рыцарь скончается.

Фальгрим. Кха, кха. Однакова опять прощенья просим, господа советники, а токмо и того меча, что эталоном был, нам такоже ему отдать никак не можно.

Гассенпфеффер (подозрительно). Это почему это?

Фаларинбар. То есть как это «был»?

Фальгрим. А потому, как тоже нет его. Пришлось его, значитца, в расплав пустить, поскольку стали не хватало. Так что вот ентот меч теперь и есть тот самый. Эталонный.

(Гробовая тишина, внезапно переходящая в дикий гвалт. Слышны крики: «А-а! чтоб вас!», «Пустите меня к нему, пустите!», «Мое дело маленькое, я...», «Пить надо меньше!», «У меня всё идет в дело, вам всякий скажет...», «...заточка... калибровка...», «Таких правов не имеешь!», «Руки убери, да?!» и т. п. Через некоторое время вновь наступает

тишина. Все тяжело пыхтят и поправляют одеяния).

Гассенпфеддер. Господа, так больше нельзя, надо что-то срочно предпринять. Давайте высказываться. Кто первый?

Фаларинбар. Чего уж... Ладно. Сели крепко, нечего сказать. Меч отдать, конечно, надо, а иначе нам войны не миновать. Но и отдавать его нельзя. Во-первых, потеряем последний образец. А во-вторых... Что будет, если этот меч сэр Зиг... тьфу, Ауле прости, сэр Годфруа направит против нас? Нас не спасут ни подземелья, ни ворота, ни войска. Как думаешь, Фальгрим?

Фальгрим (с плохо скрываемой гордостью). Не спасут. Я свою работу знаю.

Фаларинбар. Вот видите. Мы в тупике. Когда подходит срок сдавать заказ?

Брокк. Через два дня. А впрочем, нет, простите — уже послезавтра.

Фаларинбар. О-хо-хо, как время-то летит... А может, можно за два дня...

Фальгрим. Не можно.

Бу Храбун. Ага, нельзя. То мастер верно говорит. Пятнадцать заклятий — такую прорву и за три недели не наложишь. Да еще проковка... заточка... калибровка... Не. Никак нельзя.

Фаларинбар (уныло). Ага. Угу. Что ж... Кого направим к государю? Предлагаю...

Гассенпфеддер. Позвольте! (начинает шарить по карманам). Погодите! Как — пятнадцать заклятий? У меня записано — четырнадцать! Заклятия святости не налагалось — не было в наличии. Тут так и сказано: «Заклятия: Святость — нет».

Бу Храбун. Ну. Ясно дело — нет. А только там же еще этот... Ну, который эталон...

Фальгрим. А! Зараза!! Так вот куда девался вампиризм!!!

Арк Ан-Хар. Уж не хотите ли вы сказать, что эти два заклятия зациклились...

(Общий шум и смятение. Возгласы: «А еще эксперт называется!», «А я-то думаю, чегой-то у меня так голова болит...», «...заточка... калибровка...» и «К порядку, тангары! к порядку!»)

Гассенпфеддер. К порядку, тангары!.. Гм! Так значит, вот как обстоят дела. Немудрено, что этот ваш, ну, как его... Крим-Кромбл так повредился головой во время испытаний. Арк Ан-Хар! Вы в самом деле полагаете, что эти два заклятия зациклились одно на другом?

Арк Ан-Хар. Наука этого не исключает.

Фаларинбар. И вектор у заклятия вампиризма поменялся?

Арк Ан-Хар. Весьма возможно. Я бы даже сказал, наиболее вероятно. Я бы настоял на повторной экспертизе, но сроки...

Фаларинбар. Прекрасно! Вот и выход. Послушайте, если меч высасывает силы из хозяина, то в скором времени мы от хозяина избавимся! Какую бы он силу ни имел, ему это не поможет! Отдаем меч. Однозначно.

Брокк (упавшим голосом). Но как же эталон... Ведь мы не сможем повторить...

Фаларинбар. Что верно, то верно — не сможем.

Гассенпфеддер. Что ж. Решено. Ничего не попишешь, отныне будем биться топорами. Кто «за»? Единогласно. Фаларинбар, запишите.

Фаларинбар. Уже. Кому доверим разработку топоров?

Гассенпфеддер. Не знаю, как вы, а я устал от этих споров. Подумаем об этом после.

Брокк. Вот только ключ от винных погребов прошу доверить мне.

Гассенпфеддер. Не возражаю. Позвольте на этом вопрос считать исчерпанным.

Подписи (6 шт.).

Дата.

Библиотека им. Гимли бесстрашного.

Выписка из архива.

Аб., ISBN (Инв. № 123-53).

«...и был тот муж Гонтье де Годфруа, что родом из провинции Бульон, отменно храбр, и такоже оружием отменно владея, собрал дружину верную числом дву-на-десять рыцарей с оруженосцами и челядью при том, и в оный год, десятый после мора от чумы, отправился походом в Палестину, где он вознамерился сыскать себе достойных дел и подвигов. И более никто и никогда не видел ни самого его, ни рыцарей его, ни челяди, и не слыхал о нем. И тайна сия по сей день велика бысть».

«Сказания о походах крестовых, деяниях рыцарей и паладинов многославных, об их свершениях и подвигах в Палестине и других краях, а такоже — прочих стародавних делах, монахом Жаном Авиньонским подробно описанные и рассказанные», стр. 44.

Октябрь — ноябрь 1999 г.,
Пермь.

Дмитрий Скирюк родился в 1969 в Березниках. Окончил ПГУ, гидробиолог по специальности. Работал на Чукотке, сейчас младший научный сотрудник ГосНИОРХ. Первая книга автора — начало эпопеи фэнтези «Осенний лис» — вышла в 2000 году.

«Настоящий мужчина любит две вещи — опасность и игру...»

Фридрих Ницше.

МОЙ «Мессершмит 109» подбили в небе над Англией. Я слишком увлекся, гоняясь за одним вертким английским парнем. Но когда я все-таки его достал, и он, объятый пламенем, рухнул на землю, на меня сверху свалился его напарник. Мой ведомый едва успел крикнуть: «Берегись! Два часа сверху!», как смертельный крупнокалиберный град забарабанил по обшивке. Самолет противника в крутом вираже мелькнул перед моим прицелом, я даже не успел нажать на гашетку. «Держись!» — ободрил меня далекий голос ведомого. Но держаться я уже не мог. Поврежденный мотор отказывался набирать обороты. Я терял скорость, а вместе с ней и высоту. Альтиметр начал стремительный обратный отсчет. Пришлось выпрыгивать с парашютом.

Самолет облегченно вздохнул и ушел по пологой кривой навстречу своей гибели. Распустив купол, покачиваясь на стропах, я парил в знойном воздухе, подобно неудачливой птице, и с завистью смотрел, как далеко в небе идет

воздушный бой, из которого я так некстати вышел.

Прошлый раз, когда над Ла-Маншем меня подстрелил корабль береговой охраны, и мне пришлось покинуть кабину, я упал в море вблизи неприятельского берега. Думал, что меня захватят английские корабли. Но, к счастью, меня подобрала немецкая подводная лодка «U-25», дежурившая у берегов Англии. Наши подлодки часто крутятся вблизи мест крупных воздушных боев, чтобы подбирать подбитых летчиков.

Однако на этот раз мне не повезло. Я сел на сушу, а это верный плен. Содрав с себя летный комбинезон с опознавательными знаками «Люфтваффе» и сложив парашют, я отнес в кусты уличающий меня тюк, присыпал его, как мог, землей, забросал ветками и оглядел местность. Кругом расстилалась ширь фермерских полей. Сверху я привык видеть их маленькими зелено-желто-коричневыми квадратиками, быстро проносящимися под крыльями. Теперь, находясь на земле, я мог по-настоящему оценить их размеры. Меня охватило отчаяние: куда идти?! Кругом враги!

В милях двух от меня, на северо-западе, в небо поднимался маслянистый черный дым, словно

кто-то зажег сигнальный костер. Это горел мой самолет. Значит, идти нужно в противоположную сторону, как можно дальше от такой улики. Не торчать же здесь посреди поля, как огородное пугало. И я пошел, куда направляла меня интуиция. Я шел вброд через колоссящее море ржи. Кузнечики стрекотали как безумные. На небе не было ни облачка, и солнце всюду припекало. Вот тебе и Англия — страна дождей и туманов, подумал я, обливаясь потом.

Домик появился как-то внезапно, укрытый в куще деревьев. Красная черепичная крыша теперь уже явно виднелась. Аккуратный белый заборчик окружал маленькую усадьбу. В дальнем ее конце возвышалась силосная башня. Три сарая составляли хозяйственные постройки. В общем, стандартный малый фермерский набор. Куры с довоенным спокойствием клевали что-то на лужайке. Я обошел домик стороной, перепрыгнул через низенький штaketник и, как вор, прокрался к дальнему сараю с распахнутыми дверями. Здесь можно было отлежаться до сумерек и подумать, как выбраться из страны. Я заглянул в манящую темноту сарая. Пахло сеном, молоком, ну и, разумеется, навозом. Но мне эти запахи говорили о безопасности, еде и отдыхе.

Вдруг из дальнего угла вышла женщина. На ней было платье, какие моя мама носила в моем далеком-далеком детстве. У женщины были чудесные рыжие волосы и грустные глаза. Она держала в руке молоток, а во рту гвоздь. Если женщина занималась далеко не женским делом, значит, в доме не было мужчины. Конечно, а как же иначе. Всех мужчин призвали на фронт. Ну, если не всех, то, по крайней мере, молодых и сильных. На вид женщина была еще сравнительно молода, но острые морщинки возле уголков рта говорили, что она много повидала и многое испытала в этой жизни, и, быть может, многое уже потеряла. Эти тонкие морщинки и сильное гибкое тело делали ее похожей на актрису Джейн Фонда. Я так про себя ее и назвал.

— Кто вы такой и что вам нужно? — поинтересовалась она, вытащив гвоздь из рта. Молоток женщина на всякий случай ухватила покрепче. Разумеется, она говорила по-английски.

— Айм сори, простите, — сказал я, облизывая пересохшие губы и показывая на них пальцем. — Не найдется ли у вас чего-нибудь попить?

Женщина недоуменно оглядывала меня с ног до головы. Я испугался, не оставил ли я на себе каких-нибудь улик и тоже осмотрел себя. На мне были домашние тапочки, спортивные штаны «Адидас» и обычная майка. Тривиально одетый гражданин, ничего подозрительного.

— Кам ин, — сказала женщина и поманила меня за собой, — плиз...

Мы вошли в дом. Двухэтажный стандартный английский домик. Внизу две небольшие комнаты. Одна из которых служит и прихожей, и кухней. Наверху, очевидно, две крохотные спальни. Скромная довоенная обстановка: комод, кружева, портреты в рамках. Обыкновенный диван. В доме витал дух одинокой женщины, может быть, тоскующей, но не сломленной. Скромную обстановку согревала теплом лакированного дерева виолончель, которая висела на стене, на почетном месте. Интересно, кто на ней играет? Или играл?..

— Сит даун, плиз, — хозяйка указала на один из стульев, хороводом собравшихся вокруг застеленного скатертью стола.

Я с наслаждением опустился на вогнутое сидение стула и откинулся на спинку. Боже, как я устал! Хозяйка вернулась на кухню, зажгла керосинку, поставила на нее кофейник. Потом открыла окно и кого-то позвала, судя по всему, дочку. Я сидел в гостиной, отдыхал и разглядывал многочисленные фотографии. Фотографии много скажут наблюдательному человеку, даже если вам ничего не известно о семье, в которую вы случайно попали. У женщины, хлопотавшей сейчас на кухне, был муж — красивый высокий парень, и двое детей: маленький мальчик и довольно большая девочка. Джентльмен со старомодными, прошлого века, усами — папа это или, быть может, дед? Плохо было видно, но вставать не хотелось, да и зачем без причины тревожить хозяйку. Единственно, что меня серьезно взволновало, и на что я хотел бы взглянуть поближе, это настенный отрывной календарь. Похудевший более чем наполовину, висел он над громоздкой коробкой радиолы. На листочке значилась дата моего боевого вылета: 26 августа 1940 года. С трудом я удержал себя на месте.

Умопомрачительно запахло свежесваренным кофе. Я обернулся. В дверях, ведущих на улицу, стояла девочка с фотографии, вернее, она уже была девушкой с довольно развитыми формами, хотя вряд ли ей исполнилось шестнадцать лет. Деревенский воздух способствует быстрому созреванию не только сельскохозяйственных культур... Девушка исподлобья глядела на меня уже знакомым, маминым взглядом, настороженно-стеснительно покусывая белыми зубками снятый с головы платок.

— Хай! — сказал и помахал ей рукой, подражая чистеньким героям американских фильмов, и помня, что Англия — страна хороших манер.

Девушка молча развернулась, как флюгер при резкой смене направления ветра, и выскочила

из дверей. Только ноги мелькнули, стройные, оголенные. Может, я чем-то ее обидел? Возможно, они здороваются как-то иначе. Употребляют другие слова, потому что это «хай» слишком напоминает немецкое «хайль!». А все немецкое они теперь должны ненавидеть.

— Коффи, — сказала хозяйка, ставя передо мной чашку дымящегося черного напитка. Я обжег желудок большим глотком. На вкус кофе был превосходен, а может, я просто отвык от настоящего кофе. Как мог, я выразил хозяйке свое восхищение. Она начала осторожно расспрашивать меня. Когда я стажировался в английской эскадрилье, то успел нахвататься порядочно слов, чтобы в общих чертах понимать, о чем идет речь.

— Как ваше имя? — спросил я, чтобы перехватить инициативу.

— Джейн, — ответила она.

— Фонда? — машинально пошутил я.

— Почему Фонда? Маккелли. Джейн Маккелли. Я — ирландка... А вы? Вы, как я поняла, не из наших краев? Издалека?

— Да, — вздохнув, кивнул я. — Меня зовут Мартин... и я издалека. Вы даже представить не можете, из какого я далекого далека...

— И вы всю дорогу шли в тапочках?

— Как вам сказать... — я поджал ноги, словно они зябли, хотя пот с меня катился градом.

— Ладно, пейте кофе, а меня ждет хозяйство, мне сидеть некогда...

— Вы, пожалуйста, не волнуйтесь, я скоро уйду, вот только допью...

Делая торопливые глотки, я глядел в открытое окно на зеленую долину, залитую ярким полуденным светом, на далекие холмы с редкими низкорослыми сосенками. Теплый ветерок шевелил легкую занавеску. Где-то заливался трелью жаворонок. Шелестели листвою деревья, стоящие по ту сторону палисадника. А по эту сторону росли желтые и красные цветы, которые инспектировали тяжело гудящие шмели. Невероятно, подумал я, с какой тщательностью выписан каждый штрих этого мира! Вплоть до трещинки на подоконнике. Как бы я хотел поселиться в этом тихом уголке...

Тут вдруг идиллия кончилась, и я ощутил, что к моему затылку приставили что-то холодное, я бы даже сказал, леденящее. Судя по ощущению, это были два ствола, расположенные горизонтально. Значит — охотничье ружье.

— Стань на колени, — сломавшимся голосом произнесла Джейн, стоя у меня за спиной.

— Спасибо, я уже сегодня молился, — ответил я, чувствуя, как шею сводит судорога.

— Не шути со смертью, парень, выполняй! — ее голос окреп, и в нем послышались нотки жестокости решимости.

Я сполз со стула и стал в позу кающегося грешника.

— А теперь ляг на пол фашистской мордой вниз, — скомандовала эта ирландская амазонка.

— Руки за спину!

— Мне неудобно, — пожаловался я, уткнувшись носом в пол.

— Зато мне удобно пристрелить тебя, если пошевелишься... Алиса!

Дочка влетела в комнату тотчас же, словно давно ждала сигнала. Алиса из Страны Чудес, подумал я, какие странные совпадения... Голые ноги замаячили в поле моего зрения.

— Закрой глаза! — приказала мать девочки, придавив к полу мой затылок дульными колечками. — Чуть-чуть дернешься — разнесу башку из двух стволов!

— Вы бы посмотрели, заряжено ли ружье, — сказал я миролюбиво, — женщины в этом отношении так беспечны.

— Хотите, чтобы я проверила на вас? — судорожный смех сотряс женщину, но я явственно услышал, как она только теперь взвела курки. Значит, кое в чем я оказался прав. Она это поняла и разозлилась.

— Алиса, возьми в шкафу веревку и свяжи руки этому шутнику, — сделала распоряжение мать, еще сильнее вдавливая мою голову в пол. — Посмотрим, будет ли он веселиться, когда его возьмет в оборот служба безопасности.

С опасливостью дикого звереныша, но неумело и совсем не туго, девушка связала мне руки. При желании я мог сбросить путы в два счета. Но у меня не было желания сопротивляться, потому что ни в чем и никогда нельзя быть уверенным до конца. Но даже не в этом дело. Просто мне нравились эти люди, и я не желал причинять им боль и страдания. И так им несладко живется без мужа и отца.

Когда процедура пленения врага была закончена, все расслабились. Хозяева расселись по углам на безопасном расстоянии, а я остался лежать бревном на полу. Я уже приспособился к неудобному положению и, повернув голову, отдышал.

— Алиса, дочка, — сказала Джейн, — Беги к мистеру Сполдингу — либо в полицейский участок, либо к нему домой. Скажи, что задержали подозрительного человека...

Девочка сорвалась с места, мать поймала ее за подол.

— Не туда!.. Рядом с ним не ходи. Через окно...

Дочка со всей радостью молодости сиганула в окно, только платице раздулось парашютиком.

— И пусть он сразу свяжется с военными! — крикнула мать вдогонку.

— Миссис Маккели, Джейн... разрешите мне вас так называть? — Я повернулся на бок и поглядел на женщину, сидящую на стуле.

Она встрепенулась, навела на меня ружье.

— Не бойтесь, я не проявлю агрессивности, — сказал я проникновенно, решив сделать все для того, чтобы во мне увидели человека, а не просто обезличенного врага. Для этого нужно кое-что рассказать о себе. Но чтобы тебя хоть немного зауважали, надо для начала занять подобающую позу. Такова психология человека. Вряд ли кто-нибудь сможет проникнуться симпатией к валяющемуся в ногах врагу.

— Позвольте мне сесть.

— Туда, — указала она ружьем на дальнюю стену, где стоял диван.

Уткнувшись лбом в пол и став сперва на коленки, я с трудом поднялся, шагнул к дивану.

— На пол! — приказали мне.

Я послушно опустился возле дивана, опершись спиной о его мягкое сидение. Руки мешали сидеть нормально, но я счел это неудобство временным. Почему-то мне казалось, что эта умная женщина поверит моей истории... в которую я сам не верю. Нонсенс! Но это так.

— Я сказал вам, что меня зовут Мартин... — начал я свою исповедь. — Мартин Фердинанд фон Грос. Из моего полного имени явствует, что я немец. И как вы, наверное, догадались — летчик... Но это не так. На самом деле я русский...

— И что это меняет? — сарказм искажил ее лицо. — Ничего хорошего от вашего Сталина мы и не ждали.

— Не торопитесь, мадам, делать поспешные выводы. Ничего нет опаснее предвзятого мнения. Итак, я русский, и вовсе никакой не летчик... Я художник, живу в городе... впрочем, это совсем не важно... Нет, это очень важно... но сейчас не имеет значения... Господи, мои объяснения покажутся вам бредом сумасшедшего!

— А вы говорите правду, и все сложится само собой, — посоветовала Джейн Маккели, миролюбиво опуская грозные стволы вниз. Ружье улеглось меж ее слегка расставленными коленями, как символ чего-то грубого, сугубо мужского, которое так не вяжется с женским образом. Ее красивые руки покоились на полированном де-

реве приклада. Длинные пальцы, еще не обезображенные тяжелой крестьянской работой, привлекли мой взор. Миссис Маккели смутилась и машинально проверила, в порядке ли ее прическа. Женщина всегда женщина. И это вселяло надежду.

— Понимаете, — сказал я, настойчиво глядя ей в глаза и этим еще больше ее смущая, — Я даже не из вашего времени. И вообще не из вашего мира.

— Откуда же вы, с Марса? — уже доброжелательно улыбнулась моя слушательница, и я вздохнул с облегчением. Любопытство — предлюдия к пониманию.

— О! Если бы это было так... — рассмеялся я так же открыто, но потом сдвинул брови, настраиваясь на серьезный лад. На слишком серьезный, быть может, даже трагический. — Человеку двадцатого века нетрудно поверить в межпланетный перелет. Но все гораздо сложнее. Я попал к вам сюда из Большого Мира, назовем его так... Этот мир непредставимо далек... и вместе с тем так близок... Меня зовут Андрей Колосов. Я живу в России, в Уральском городе... В 1999 году.

— В каком-каком году?! — Она подалась вперед, опираясь о ружье, будто это была палка.

— В 1999 году. Но и временное перемещение легко объяснимо, понятно человеку, тем более англичанину, читавшему романы знаменитого Герберта Уэллса.

— Вы имеете в виду его «Машину времени»? Я читала... Так вы хотите сказать...

— Не торопитесь, ради Бога! Я же предупреждал о преждевременных выводах... Вы все-таки позвольте мне сесть?.. — Я покосился на диван.

Она молча кивнула. Я осторожно поднялся, чтобы резким движением не разрушить то хрупкое доверие, которое, как мне казалось, на время установилось между нами. Повалился в мягкие объятия дивана.

— Можете лечь, — расщедрилась хозяйка.

— О! Боже, как хорошо! — я вытянул ноги, предварительно сбросив тапочки. — Благодарю вас, вы так любезны.

— Не обольщайтесь. Так мне удобнее вас контролировать, — сказала она, напоминая мне о раскладе наших ролей.

Я окончательно понял, что даже если она мне поверит, все равно ей придется до конца выполнить свой гражданский долг. Объяснений с военными властями мне не избежать. Вряд ли я там найду доброжелательных слушателей. И я ре-

шил просто понаблюдать за реакцией Джейн — насколько правдивой покажется ей моя повесть.

— Знаете ли вы, что такое компьютер? — спросил я ее тоном школьного учителя. — Нет? И это вполне естественно. В сороковом году и в нашем мире о них ничего не знали. Вот, кстати, вам одно доказательство в копилку моей невиновности. Компьютер! Это вычислительная машина. Но не просто какой-нибудь там арифмометр, действия которого основаны на механическом принципе... Это качественно новый принцип — электроника!

Я проглотил колючий комок воздуха, ощущая сухость языка. Мне показалось, что я стою над бездной. Предстояла нелегкая задача: объяснить человеку первой половины XX века, да еще женщине, принцип работы компьютера. Тут мой блуждающий взгляд наткнулся на радиоприемник. И вот от этого радио-мастодонта, прикрытого вязаной салфеточкой, как от печки, я начал свой словесный танец. Коротенько поведал об эволюции электроники: радиолампы — транзисторы — микросхемы. Электронно-вычислительные машины, вещал я, занимавшие раньше своим объемом целые комнаты, стали уместиться в ящики, размером с кухонный шкаф, а с внедрением микросхем — и того меньше. Вот тогда, собственно, и появился компьютер. Теперь уже ЭВМ не была шкафом, а помещалась на столе, занимая на нем места гораздо меньше, чем ваша радиола. Небольшой ящик и экран. Некоторые модели бывают и того компактнее, но это уже не важно...

Джейн смотрела на меня, как человек смотрит на фокусника, пытаясь понять, где скрыт обман. Что ж, не удивительно. Я сам, рассказывая свою историю, одновременно пытаюсь понять происшедшее со мной. Я продолжал:

— Современный компьютер — это не только электронный вычислитель, но и пишущая машинка, и альбом для рисования, и многое, многое другое... Компьютер проник во все сферы деятельности человека. Теперь невозможно даже представить себе жизнь без этого чертова ящика. Японцы, как наиболее продвинутая в этом отношении раса, не могут обойтись без него даже в туалете.

Джейн смотрела на меня, и в ее глазах читалось понимание. Понимание того, что я и мои современники — конченные люди, если они даже в сортир не могут сходить по-человечески. Еще немного, думал я, и у меня появится союзница. И вот я подобрался к самому главному:

— Наконец, на компьютере можно играть. Представьте себе пластинку наподобие граммофонной, только небольшого размера. На ней осо-

бым образом записана информация о некоем условном мире. Вы вставляете эту пластинку — мы ее называем диском, — в компьютер и... начинаете играть. На экране, как в кино, появляются дома, леса, горы и вообще все, что угодно. Все зависит от типа игры. В этих мирах вы можете строить, путешествовать, воевать... Однако, строительство и путешествия почему-то не популярны среди игроков. Предпочтение отдается военным играм. Такова уж природа человека. Ему больше нравится разрушать, чем созидать. Компьютерные игры настолько заразительны, что даже взрослые порой не могут оторваться от экрана, не говоря уже о подростках. Они целыми днями, а то и ночами, могут находиться в таких виртуальных мирах. Виртуальным мы называем мир, который как бы существует и не существует одновременно. Ведь он придуман и записан условными знаками, особым образом, на специальном носителе информации. Это мир-призрак. Там легко вернуться во времени и начать все сначала. Можно воскресить мертвых, и они даже не будут знать, что были убиты. Они не чувствуют боли...

— Вы в этом уверены?

Вопрос застал меня врасплох, хотя я должен был предвидеть нечто подобное. Помнится, мы с сестрой, будучи детьми, обследовали радиорепродуктор в поисках спрятавшихся там людей, которые говорили громкими голосами, но почему-то нигде не были видны. Ничего, кроме паутины и каких-то железок с проводами, мы тогда не нашли и были весьма огорчены. Кажется, Джейн понимает меня (если понимает!) буквально. Я по инерции мышления настроился со снисходительной улыбкой объяснить, в чем она заблуждается, но с ужасом осознал: права-то как раз она! Ведь вот же он — этот виртуальный мир, во всей реальной ощутимости! Я до сих пор чувствую на своем затылке холодное и жесткое прикосновение стволов.

— Я только одного не пойму, — сказала Джейн, — как игроки попадают в эти вир... в эти миры?

— В том-то и штука, что физически попасть туда невозможно! — вскричал я, чтобы убедить самого себя. — В играх вы участвуете опосредованно, через условную фигуру, которая считается вашим представителем в электронном мире. Вы отождествляете ее с собой... Это похоже на то, как Господь Бог послал Иисуса своим представителем на Землю, поскольку сам в мир людей явиться не может.

— Это неправда, Господь всемогущ! — голос, на сей раз, возвысила Джейн. И сжала ружье крепче.

Я понял, что религиозные чувства англичан, даже виртуальных англичан, задевать не стоит. Я извинился и закончил:

— Именно невозможность лично побывать в виртуальном мире подвигло разработчиков к тому, чтобы изобрести средства, которые позволили бы создать иллюзию такого проникновения. И такие средства были созданы. Самым простейшим из них является шлем. Надев на голову такой шлем и подключив его к компьютеру, вы как бы попадаете в виртуальный мир. Конечно, это всего лишь иллюзия. Изображение транслируется непосредственно на сетчатку глаза. Чтобы потрогать предметы виртуального мира, необходим другой прибор, в виде перчатки. Однако, чтобы во всей полноте ощутить виртуальный мир, необходимы дополнительные средства, как то: спецкостюм, бегущая дорожка, снаряды вращения с большой степенью свободы и многое, многое другое.

— По-моему, вы сумасшедшие... — сказала Джейн Маккели.

— Совершенно с вами согласен.

— Значит, насколько я вас поняла, мой мир... всего лишь игра? Игра, которую придумали вы, существа из Большого Мира?

— Именно это я и пытаюсь вам втолковать...

— И вы один из тех богов?.. — она с презрением оглядела меня и мой непрезентабельный наряд.

— Нет. То, что вы видите перед собой — мой компьютерный аналог в вашем мире. Физически я нахожусь у себя дома. Сажу в кресле перед компьютером или валяюсь на полу... Я не знаю, что со мной случилось! В моем распоряжении был только шлем. Мой друг-компьютерщик решил усовершенствовать его. Что-то там добавил... схема, по-видимому, была несовершенной... И вот во время игры где-то произошло замыкание контактов или еще что-нибудь, сбой программы, может быть... И, по-видимому, мое сознание каким-то образом переместилось в моего компьютерного двойника... или в компьютер... Черт! Я не знаю! Я могу только предполагать. Я не знаю, насколько соотносится здешнее время с временем Большого Мира. Может быть, здесь пройдут века, а там всего лишь минуты... Или временные параметры полностью совпадают... Но с уверенностью можно сказать одно: когда кто-нибудь выключит мой компьютер, я вернусь. Или...

— Или что? — спросила Джейн, кладя ружье на стол, ей надоело держать его на коленях.

Я промолчал. Я пожал плечами. Сделал вид, что не знаю. А на самом деле, разве я знаю, что

произойдет, если выключить компьютер? Случится ли здесь Конец Света? Скорее всего, да. Значит, и я умру вместе со всеми. Все, что меня окружает, исчезнет, как и мой двойник, который есть я сам, и свернется в исходную, абстрактную математическую форму. Но в равной степени можно предположить, что сознание мое вырвется из виртуального плена, как птичка из клетки, и вернется в родные пенаты, то бишь, в мою голову.

Но вот во что я никак не могу врубиться: неужели ВСЕ ЭТО записано на диске? Конечно, диск у меня пиратский (а каким же он может быть при таких ценах?), но все же есть предел! А может, это проделки интеллектуального чипа, который Василий поставил для пробы в мой «пентиум»? Возможно, беря программу за основу, он, придерживаясь общей пространственно-временной канвы, моделирует более тонкие жизненные нюансы... Ну, Васек, доберусь я до тебя, экспериментатор хренов...

— Но вот беда, — сказал я, садясь, — выключить мой компьютер некому. И помощь мне оказать тоже некому. Я живу один. Остается надеяться: либо сознание мое самопроизвольно вернется на место, либо компьютер отключится сам, когда произойдет случайный сбой в электросети... Пару-тройку раз в году такое случается.

— Что вы на меня так смотрите? — сказала Джейн, вставая со стула. — Ждете понимания с моей стороны, сочувствия... Не дождетесь!

Она достала из шкафчика пачку сигарет, ломая спички, закурила. Глядя на нее, мне тоже зверски захотелось курить. Интересно, подумал я, каков на вкус виртуальный табак? Но я отказался от эксперимента. Не люблю курить со связанными за спиной руками.

— Мой муж был летчиком... — сказала Джейн, нервно и часто затягиваясь сигаретой. — Мы хотели жить отдельно, чтобы нам никто не мешал. Родители — его и мои — были не против, более того, помогли нам... Мы купили домик здесь, под Манстоном, завели хозяйство. Потом родились дети. Мы считали, что достигли счастья. Но война разрушила все...

— Он погиб?.. — спросил я, только потом поняв, какую допустил бестактность.

— Да, — ответила она, беря в руки с комода какую-то бумажку, судя по виду, официальную. — Тринадцатого августа... Он только-только окончил летное училище, получил звание лейтенанта Королевских ВВС... Его подбили где-то над островом Уайт... Он даже не успел выпрыгнуть...

Голос Джейн сорвался, крупные слезы полились из ее глаз, словно бисеринки покатались. Она отбросила бумагу, несомненно, извещающую о смерти мужа.

— Вы даже не представляете, каким был Говард! Он писал стихи, замечательно играл на виолончели... — она с любовью посмотрела на инструмент, висящий на стене. — Но вот какой-то негодяй убил его! Такой вот игрок, как ты! Может, это и был ты!? — Джейн выстрелила в меня гневным взглядом.

— Тринадцатого августа у меня не было боевого вылета, — потупив взор, ответил я, и это была правда. — Меня как раз переводили в другую эскадрилью. Перед этим я тоже попал в переделку, хлебнул водички в Ла-Манше... Так что его сбили здешние, виртуалы...

— Не произносите этого мерзкого слова — «виртуалы!» Мы такие же люди! Я признаю деление людей только на хороших и плохих. Зачем вы пришли к нам? Поразвлекесь захотелось? Игроки! Люди для вас игрушки! Вы просто законченные подонки! — она с размаху затушила сигарету в плоской перламутровой раковине, служившей пепельницей.

Я сидел в неудобной позе, не шевелясь, понимая, какую боль я доставляю этой женщине своим присутствием. Глупый, дремучий, эгоистичный кретин, ругал я себя. Ты возомнил, что очаруешь одинокую женщину, воспользуешься ее доверчивостью... А вот хлебни-ка ненависти сполна...

На дворе послышался звук приближающегося автомобиля. Наконец-то! Я вздохнул с облегчением. Я уж больше не мог видеть страдания этой женщины. Она перестала быть для меня абстрактной фигуркой виртуального мира. Джейн мне стала близкой... Она мне нравилась! Как человек, как женщина, наконец...

Они ввалились в дом с оружием наперевес. Девочка робко выглядывала из-за их грозных фигур. Впереди шагал толстяк с тяжелой одышкой человека, любящего хорошо и сытно поесть. Он был одет в полицейскую форму с бляхой на груди, свидетельствующей, что носитель ее — не последний человек в этой компании. За ним следовали двое мужчин в штатских костюмах, но с хорошей военной выправкой. Головы их покрывали шляпы с широкими полями, образца 40-х годов. Ясно, что люди эти были агентами военной контрразведки. За спортивными плечами агентов виднелся еще один человек. По виду — деревенский дурачок и увалень. Но форма полицейского придавала его простецкой, даже придурковатой физиономии некоторую строгость и вызывала невольное уважение. Он, как вошел, так

и застыл в дверях, подперев притолоку высоким полицейским шлемом-котелком, и раскорячившись в позе наивысшей бдительности. Ему не доверили оружия, чтобы он, не дай Бог, не уложил всех в комнате, но дубинка в его здоровенных ручищах выглядела весьма грозно.

— Добрый денек, Джейн! — поздоровался старший констебль с хозяйкой, снимая фуражку с лаковым козырьком и вытирая со лба пот большим носовым платком сомнительной свежести. — Ну и жарница нынче выдалась. Как раз к уборке... Э! Да ты, никак, плачешь? Кто посмел обидеть нашу мужественную Джейн Маккелли?..

— Добрый день, мистер Сполдинг... Нет, это я так... лук резала... — оправдала свою минутную слабость мужественная Джейн Маккелли.

— А-а... Ну, показывай, где тут у тебя немецкий шпион?..

Агенты обогнали по-деревенски медлительного шефа местной полиции и встали по бокам дивана, где я сидел, наставили на меня пистолеты.

— Ого! — воскликнул старший «бобби», увидев меня. — Ты молодец, девочка... Захватила такого матерого ганса. Ну, вставай, парень. Зачитывать твои права я тебе не стану. Нет у тебя никаких прав, потому что ты враг! А с врагами у нас разговор короткий...

Снимая с моих рук путы, этот мистер «Пуддинг» многозначительно хмыкнул.

— Он чуть не освободился... — пропыхтел он, доставая из кармана наручники. — Ну-ка, приятель, примерь-ка эти браслетики. Полагаю, от них тебе будет нелегко избавиться.

Меня вывели во двор и посадили в открытый старенький автомобиль с округлыми крыльями над колесами и широкими подножками. На переднем пассажирском сиденье валялся грязный тюк материи. Это был мой парашют. Значит, они уже успели отыскать улику. Агенты стиснули меня с двух сторон своими крепкими плечами. Мистер Сполдинг с громким сопением занял свое место за рулем, и мы поехали. Со скоростью деревенской телеги. Так что младший констебль с дубинкой легко сумел догнать машину и запрыгнуть на подножку. Он так и поехал, на подножке, поскольку переднее сиденье было занято вещественными доказательствами. Насколько я успел заметить, мистер Сполдинг любил делать все, не торопясь. Не торопясь, он вел машину. И так же, не торопясь, разговаривал, полуобернувшись ко мне, почти не глядя на дорогу.

— Повезло тебе, ганс, что ты пожаловал в гости к Джейн. Она у нас либералка... А забрел

бы ты на ферму к старому Дугласу... Я бы тебе не позавидовал.

Помощник чутко отреагировал на слова босса: осклабившись, злобно-радостно гыкнул. На секунду потеряв привычную бдительность, он чуть не свалился с подножки, когда машину тряхнуло на колдобине. Полицейский торопливо перекинул ногу через борт и уселся на грязный парашют, возвысившись над всеми нами наподобие Вавилонской башни.

— Джери, — сказал старший констебль, обращаясь к своему помощнику, — когда будем проезжать под железнодорожным мостом — пригнись. Да... так вот я и говорю, — Сполдинг опять обернулся ко мне, — повезло тебе. Мистер Дуглас не стал бы церемониться. Вздернул бы тебя на суку без лишних разговоров. Обозлили вы его, фашисты. Дня три тому назад какой-то «ас», вроде тебя, расстрелял из самолетных пушек его домик. Хорошо, что в это время там никого не было. Но дом жалко. Хороший был дом. Сгорел дотла. Теперь старик Дуглас с семьей живет в сарае вместе с коровами и свиньями...

Помошник-башня опять гыкнул.

— Джери! — сказал Сполдинг, выворачивая баранку, чтобы вписаться в крутой поворот. — Пригнись!

Полицейский упал на шефа, мешая управлению. Машину поволокло юзом. Как-то боком мы въехали под мост. «Вот хороший случай для побега, — подумал я, косясь на агентов. — Вырубить их — и...» Но я отказался принять сомнительный подарок судьбы. Во-первых, потому что он именно сомнительный, ведь я не крутой Арнольд. Это ведь только в кино вырубают с первого раза до отключки, а в жизни... К тому же у меня скованы руки. Меня просто пристрелят, и все. И потом, Боже ты мой, куда бежать?!

А во-вторых, я чувствовал свою вину. Ведь это я, да-да, я расстрелял из пушек домик старика Дугласа. Конечно, я не знал, что там живет мистер Дуглас. Разве я думал о том, что там вообще кто-то живет! Это было в один из моих боевых вылетов. Я сопровождал бомбардировщики. И когда англичане налетели на нас, я подбил целых два «Харрикейна». Одного поджег сразу в лобовой атаке, когда они еще не потеряли строй, за другим пришлось погоняться. Из боя я вышел цел и невредим, что случается не часто. На радостях, возвращаясь домой, я, озорства ради, расстрелял один из домиков, которые во множестве проносились под крыльями. Я хотел проверить, предусматривает ли программа игры поражение таких незначительных объектов, да еще гражданских? Программа оказалось на высоте. Домик

запылал с первого захода. Я взглянул вниз: из окон, куда я, в основном, и целился, вырывались языки пламени. Довольный, я полетел дальше. На побережье случайно увидел радарную станцию. И хотя в задание не входило ее уничтожение, я разнес станцию в пух и прах. В тот раз я заработал превосходный рейтинг. На доске полетов красовались результаты моих подвигов: сбил два «Харрикейна», уничтожил радарную станцию. Про домик мистера Дугласа не упоминалось. Очевидно, уничтожение такой цели сочли не достойным упоминания. А жаль, ведь я старался...

Теперь меня охватил жгучий стыд. Боже мой, как мне было стыдно! Они вправе расстрелять меня за мои художества. Я стал думать о том, что будет, если меня убьют. Обычно, когда твой герой в компьютерной игре погибает, игра заканчивается. Закончится ли для меня игра навсегда или сознание мое вернется, куда положено? Опять все тот же вопрос сверлил мой ум, как электродрель. Однако на эксперимент я не мог отважиться. Тому, кто обвинит меня в трусости, я могу ответить: сейчас многие стали верить в Бога и в загробную жизнь, в переселение душ; даже объясняя это с чисто материалистических позиций. Но почему-то никто из них не спешит проверить, так ли это на самом деле. Как там Гамлет говорил в своем коронном монологе «Быть или не быть»?

*«... Кто бы согласился
кряхтя под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался...»*

Единственно верный способ выйти из игры, как мне кажется, это вернуться на базу. Но для этого мне нужен самолет. Вот в этом направлении и будем планировать стратегию поведения. Но если даже каким-то чудом мне удастся захватить самолет и вернуться, а игра не закончится... Ну, тогда я не знаю... тогда я вечно обречен жить здесь...

Они допрашивают меня уже вторые сутки. Задают одни и те же вопросы, надеясь уличить во лжи. Измучили чуть не до смерти.

— Ваше имя? Звание? — вопрос летит из потока яркого света, на который мне больно смотреть.

— Мартин фон Грос, лейтенант, — отвечаю я, и опускаю взгляд. Я не вижу задающего вопросы, и потому мне кажется, что я беседую с говорящей пустотой.

— Что-то очень уж скромно. Вы далеко не мальчик, могли бы заслужить чин повыше. К тому же ваше дворянское происхождение открывает широкие перспективы для удачной карьеры.

— Не люблю командовать. Слишком большая ответственность: одно звено надо направить туда, другое — сюда... А если ошибусь? Нет, пусть уж они сами выбирают себе цель и сами отвечают за результат. А у меня есть мой ведомый, вот я им и распоряжаюсь.

— Хм... непонятно... Скромность, возведенная в принцип, — недоумевает следователь и скрипит стулом. — Вы странный немец... О'кей, спрошу прямо: у вас есть связи в высшем командовании «Люфтваффе»? Может, вы даже знакомы с Боровом?

— С кем? — Я смотрю на невидимого собеседника одним глазом, второй прищуриваю.

— С Боровом, который уже не влезает ни в один самолет. Я имею в виду толстого Геринга, — разозлился следователь на мою тупость.

— О нет, что вы, Боже упаси!

— Если судить по вашему имени, вы из аристократов. У вас не может не быть связей в высших кругах общества. Не так ли?

Я стал выкручиваться, как мог и, конечно, разозлил следователя еще больше. Я понимал их интерес. Через меня и мои мифические связи с высшим руководством «Люфтваффе» они хотят узнать планы немецкого командования относительно Англии. Но что ж я ему мог ответить, этому человеку-невидимке? Что я немец скромных запросов? Но я не знал, бывают ли немцы со скромными запросами. Или сказать правду?.. Но я счел за лучшее закрыть эту тему. И вести себя так, словно нахожусь в нормальном мире. Тем более, что, как я ни вглядывался в окружающие предметы, совершенно не мог отличить их от предметов так называемого Большого Мира. Моего мира. Даже я сомневаюсь, что уж говорить о них, виртуалах... Они, пожалуй, сочтут меня сумасшедшим. А я еще не решил, что лучше: дом умалишенных или лагерь для военнопленных, куда меня, несомненно, отправят. Если, конечно не расстреляют.

— Ладно, оставим это пока... — разочарованным тоном сказал следователь, видя бесперспективность жилы, которую он пытался разработать. — Продолжим: тип самолета, на котором вы летали?

— Истребитель «Мессершмит 109», или как его еще именуют — «Бф 109 Е-4». Эскадрилья «Дагдешвадер 2».

— Эта та, что передислоцирована из Испании?

— Да. Но я в ней недавно...

— Где находится ваша база?

— В Аудемберте. Франция.

— Цель последней миссии?

— Город Манстон. «Юнкерсы» бомбили военные объекты, а мы их прикрывали.

Неожиданно следователь вышел из-за стола и выставил себя на обозрение. Это был сурового вида человек средних лет, с крепким подбородком и волевым взглядом. Удлиненный нос говорил о развитом интеллекте. Но на этом достоинства контрразведчика не заканчивались. Когда он сгребал руку, даже толстая ткань его твидового пиджака не могла скрыть, как перекачаны его бицепсы. Я знал, что если он меня ударит, я испытаю далеко не виртуальную боль. Он подошел ко мне и стал за спиной.

— Ваш шеф, эта немецкая свинья, приказывает бомбить все подряд, гражданский это объект или военный. Вы понимаете, что вы мерзавцы? — довольно громко и прямо мне в ухо прокричал следователь.

Он сделал резкое движение рукой — я дернулся. Но допрашивавший меня контрразведчик всего лишь полез к себе в карман.

— Не бойтесь, вы не в гестапо, — усмехнулся он, закуривая сигарету. — Мы не избиваем пленных. Ваши права будут соблюдены. У нас демократия. Но это не значит, что демократия не сможет себя защитить. Наш лидер, Уинстон Черчилль, сказал: «Мы будем защищать наш Остров, чего бы это нам ни стоило!»

И он указал на плакат, висевший на стене, на коем был изображен полукарикатурный премьер-министр с неизменной сигарой, носком добротного английского ботинка наступивший на горло фашисткой гадине с неизменными усами щеточкой.

— Вот увидите, мы обломаем вам рога. А вашего Гитлера — повесим.

— Слушайте, — сказал я, сопровождая взглядом ходившего кругами следователя, — Что вы от меня хотите? Я простой летчик. Все, что знаю, я вам сказал... Простите, вы не дадите мне закурить?

Следователь протянул мне пачку американских сигарет «Кэмел» и щелкнул бензиновой зажигалкой. Сигарета была без фильтра. Это естественно, ведь сейчас 1940-й год. Я затянулся крепким дымом. У меня закружилась голова. Еще бы, не курил с самого утра.

— Ну, как, нравятся... сигареты? — сказал следователь, боком сядя передо мной на стол, опершись на одну ногу, а другой покачивая. — Или вы предпочитаете папиросы? Ведь вы русский, а они все курят папиросы... Или я не прав?

Он сверлил меня хитрым взглядом, наблюдая, как я стану выкручиваться из весьма щекотливого положения. Я машинально закусил кончик сигареты, словно это был фильтр, к которому я привык, или бумажный мундштук папиросы. Табак обжег кончик языка. Я выплюнул его и неловко продолжал курить.

— Да, — сказал мой мучитель, — к ним надо привыкнуть. Но это лишь вопрос времени... Если бы вы согласились с нами сотрудничать, у вас было бы много хороших сигарет, хорошей выпивки...

— ...и много хороших баб, — докончил его мысль я. — Слышали не раз... Дешево покупаете.

— Вы же не дали мне договорить. И много настоящих денег, так я хотел закончить.

— Настоящих — это каких, долларов, что ли?

Он хмыкнул, соскользнул со стола и опять растворился в слепящем свете.

— Ну, если вас не устраивают фунты, можно и в долларах... Или вы все-таки предпочитаете в рублях?

— Боже упаси! — сказал я и раздавил в пепельнице окурок, как мерзкое насекомое.

— Ну, вот и договорились. — Он пошуршал бумагами, словно крыса, устраивающая себе гнездо.

— Я родину не продаю, — ответил я и пояснил: — Именно это я имел в виду, когда сказал: «Боже упаси».

— Ах, так! О'кей. Вы самиnapросились на жесткие действия.

Следователь снова встал со своего места и опять стал кружить по комнате, словно ястреб, высматривающий добычу. Впрочем, добыча давно была у него в когтях. Теперь он примерялся, чтобы ударить клювом побольнее.

— Скажите, Андрэй... не будем играть в прятки, ведь вы Андрэй?... Почему вы, русский, воюете на стороне немцев? Ведь ни СССР, ни Великобритания не объявляли войну друг другу. Более того, насколько нам это известно, ваши довольно активно воевали в Испании против фашистов. Так в чем же дело? Кто вы такой? Отпрыск белогвардейского офицера? Но по логике вещей, вам следовало бы воевать против красных, а не против англичан.

Разумеется, думал я, Джейн сообщила им мое подлинное имя, и что я русский. Но, по-видимому, этим и исчерпывается информация обо мне. Ахиною про Большой и малый миры она им наверняка не передала и правильно сделала. Теперь разозлился я и решил ударить ему под дых:

— Я ведь не спрашиваю вас, почему вы, американец, работаете у англичан. Только не пытай-

тесь возражать. Вас выдает американский одеколон, которым вы надушились, сигареты «Кэмел», это ваше «о'кей», когда англичане обычно говорят «олл райт»...

Я брал его на крутой понт, но это сработало. Следователь был ошеломлен моей проницательностью. Он гордился своим профессиональным мастерством, но никак не мог предположить аналогичных способностей у русского ивана. И это не удивительно. Откуда он мог знать, кто я на самом деле. За плечами у него был только личный опыт, а у меня — книжная и кинематографическая культура всего XX века. По крайней мере, та ее часть, которую я усвоил. По сравнению со мной в некоторых аспектах он был сущим ребенком.

— Вы, я вижу, птичка непростая... — сказал он, приспуская узел галстука. — Но это для вас же хуже. Если вы русский шпион, то мы возьмем вас в такой оборот, что не обрадуетесь...

— А как же Женевская конвенция о военнопленных, в соблюдении которой вы клялись?

— Вы не военнопленный, вы шпион. На вас Конвенция не распространяется. Единственный выход — сотрудничать с нами. А будете упрямы, выдадим вас Берии с таким рекомендательным письмом, что вам не позавидует самый распоследний враг народа. Вы хоть и русский, но сибирские лагеря вряд ли вам придутся по вкусу. Как у вас говорят, укатают сивку крутые горки.

Я испугался. Он не шутил. В этом простом мире все было просто. И жестоко. Если сказано, что выдадут, то обязательно сделают это. Сгинуть в виртуальных сибирских лагерях, наверняка еще более гротескных, чем реальные, мне совсем не улыбалось.

— Никакой я не шпион, — вымученно улыбнулся я. — Просто доброволец. И даже не доброволец, а как бы это сказать... вольный стрелок. Если уж на то пошло, я стажировался в английской эскадрилье. Летал на американских и на английских истребителях. Но немецкие машины мне нравятся больше. Скоростные, маневренные. Ваши самолеты не идут ни в какое сравнение. Неповоротливы, скорость маленькая. Чуть возьмешь вверх покруче — мотор глохнет... нет, это не работа... И летчики грубияны. Если случайно их обстреляешь, обругают тебя последними словами. А немцы всегда вежливы. Грубого слова от них не услышишь. Они никогда не орут в эфире: «Куда стреляете, идиоты!», они кричат: «Не стреляй, это друг!» Чувствуете разницу?

— Так-так-так.... — словно заевшая пластинка бормотал следователь.

— Нет, конечно, по большому счету все это несерьезно, я понимаю, — сказал я оправдывающимся тоном. — Я ненавидел фашизм не меньше вашего и сейчас ненавижу... Но последней каплей, переполнившей мое терпение, — продолжал я, распаляясь, — стали бомбардировки НАТО Югославии. Как славянин, я не мог этого простить американцам и англичанам. Немцы тоже принимали участие, но были не так наглы...

— Позвольте, но не англичане, ни тем более американцы не бомбили Югославию!

Ну вот, я вляпался! Все-таки он подловил меня. Я откусил бы себе язык, если б обладал стойкостью индейца. Что случилось с моей головой? Я заметил, что иногда теряю над собой контроль. Это происходит, как во сне, когда легко рвется нить сознания и вы забываете, кто вы и что вы и начинаете жить алогичной жизнью персонажа сновидения. Только в моем случае все наоборот. Я забываю, что нахожусь в чужом мире. Особенно, когда волнуюсь. Но, может, это и хорошо. Может быть, это своеобразная защитная реакция моего сознания или подсознания. Потому что, если я вдруг начну забывать, откуда явился в этот мир... Мне даже страшно представить себя вечным пленником компьютера! Впрочем, вечным ли?..

— Видите ли, — сказал я, уставясь горящими глазами в одну точку и начиная раскачиваться из стороны в сторону, симулируя шизофреника, — речь идет не о теперешних временах, а о будущих... Для человека, который прозревает Будущее так же легко, как вы наблюдаете горизонт...

— Слушай, — сказал следователь, становясь передо мной в позу санитаря. — Ты мне тут придурка из себя не строй. Тоже мне, Эдгар Кейси выискался... Ладно, с недельку побудешь в лагере... не бойся, не бойся, не в сибирском — нашем лагере, а там видно будет. Мы еще с тобой поработаем, парень. Что-то в тебе не стыкуется...

Контрразведчик вызвал конвой и меня отвел обратно в одиночную камеру.

Меня отправили в лагерь для пленных немецких летчиков, расположенный вблизи города Рединг. Собственно, это был аэродром. Немцы изрядно разбомбили его, сожгли постройки, повредили взлетное поле. Тут мы жили и тут же работали. Строили себе жилье, восстанавливали взлетно-посадочные полосы для тяжелых бомбардировщиков. Нас было немного. Это и понятно — война только началась, сухопутного десанта не было (и, как знаю только я один, не будет). Те, которым не повезло, кого сбили и

захватили в плен, как меня, и составляли эковский контингент лагеря.

В свое время папаня мой, бывший в плену у немцев, прекрасно выучившийся там говорить по-немецки, причем с берлинским акцентом, приложил немало усилий, чтобы я так же сносно изъяснялся на немецком. Так что с самого начала в общении с немцами у меня не было проблем.

Едва я ступил на территорию лагеря, как военнопленные побросали работу и прибежали знакомиться со мной. Я понимал их интерес. Ими двигала надежда узнать хоть что-нибудь о положении на фронте, а если повезет, то и получить весточку от семьи. Но кроме факта своего присутствия, я ничем особенным порадовать их не смог. Сказал только, что пока наши дела в воздушной войне с Англией идут блестяще. Правда, теряем мы значительно больше самолетов, чем противник, который, надо отдать должное, сопротивляется отчаянно. Но скоро, и это обещал сам маршал авиации господин Геринг, «Люфтваффе» усилит массированные воздушные удары с тем, чтобы окончательно сломить сопротивление врага. Так что держитесь, ребятки, освобождение ваше близко, как никогда. Они, расстроено-веселые, по одиночке отходили от меня и нехотя принимались за работу.

Англичане, сидевшие на вышке за проволокой, снисходительно наблюдали за нами. В общем-то, они не вмешивались в нашу лагерную жизнь. Командовал нами менеджер в форме капитана инженерных войск. Он приходил, давал задание, проверял сделанное, иногда бранил, но редко. Иногда посылал вместо себя помощника, смуглолицего парня в очках, очевидно, выходца из колоний, робкого, но, по-видимому, грамотного специалиста. Будучи мусульманского вероисповедования, он любил здороваться с нами на арабском и научил нас, как надо отвечать. «Салаям алейкум!» — махал он смуглой рукой, и немецкие асы так же дружелюбно отвечали ему: «Алейкум ассалаям!». Иногда, в часы досуга, он даже играл с нами в волейбол.

Дни проходили за днями в мужском труде и в мужском же отдыхе. К сентябрю мы уже переселились в барак, возведенный нами у края летного поля. Когда нас перебросят на другой объект, здесь будет казарма для английских летчиков. Так что постройка имела все удобства, как то: спальни, душевые, теплые сортиры, комнаты отдыха. У нас был даже патефон с кучей заезженных пластинок. И по вечерам, когда мужское сердце неизвестно отчего томится, мы устраивали танцы или просто слушали запрещенный в фатерлянде американский джаз.

Нам даже разрешалось читать книги. Правда, были они на английском языке и пользовались ими считанные единицы. Я очень страдал от того, что не владел великим английским в достаточной степени, чтобы читать художественную литературу. Скучал я и по русской литературе, по своим любимым книгам, оставленным дома. Поскольку по профессии я художник (не помню, говорил ли я вам об этом?...), вечерами я рисовал для ребят комиксы на темы из лагерной жизни. Это чтиво ребята обожали до визга, жадно смотрели, узнавали друг друга и ржали, как жеребцы. И с нетерпением ждали продолжения, так же, как наши домохозяйки ждут продолжения любимых своих сериалов.

Так что, в общем-то, все у нас было. Не было у нас только радио, и потому все мы страдали от недостатка информации. Впрочем, от этого больше страдали мои ребята, чем я сам. Как вещая Кассандра, в политическом аспекте я знал все наперед. Поскольку все здесь сделано по образу и подобию Большого мира, сомневаться в ходе исторических событий не приходилось. Все железно детерминировано. Все будет так, как записано на скрижалях Великого Лазерного Диска.

Однажды, в теплый погожий денек, когда я лежал на травке и смолил удушающую английскую сигарету — а делать это разрешалось через каждые два часа работы, — в лагерь пришло очередное пополнение. В последнее время неофиты-ЗК поступали партиями. Англичане стали сбивать наши самолеты пачками. Массированные воздушные атаки железных ястребов Геринга слабели с каждым днем войны. «Люфтваффе» выдыхалось.

Ребята, как всегда, с горящими от нетерпения глазами окружили новичков. Единственными, кто остался равнодушным к встрече земляков, были охранники — солдаты туманного Альбиона и я, ваш покорный слуга. Мне неоткуда ждать вестей. Окруженный людьми, я был среди них Робинзоном. Робинзону-то, поди, легче было. Он, хоть и был одинок, зато жил в своем родном мире. А где живу я? Я даже этого не знал. Самое тяжелое здесь, это сознание того факта, что нет рядом с тобой ни одного настоящего человека. Из Большого мира. Это страшно угнетает. Ей-Богу, клянусь моим сорокаскоростным CD-ROMом, отдал бы годовой табачный и шнапсовый паек за одного, пусть самого завалящего, русского паренька. На худой конец, сошел бы и иностранец. Все равно мы здесь были бы земляками. Но увы!

Я выбросил окуроч, кинул на плечо лопату и отправился к объекту своего общественно-полезного труда. Мы рыли котлован для фундамента

под офицерский клуб. Тут меня окликнули. Я давно привык к своему местному имени. Оборачиваюсь — Грушницкий! Шутка. Оборачиваюсь — на меня смотрит какой-то парень: симпатичный, высокий и светловолосый, как и полагается арийскому асу. Форма на нем была без знаков различия, но видно, что воздушных сил. Крылышки «Люфтваффе» сорваны, но темный след невыгоревшего в этом месте материала отчетливо выделялся.

— Мартин! — голос до боли знаком, но узнать его не могу.

— Кто ты? — сказал я, втыкая лопату в землю.

— Разве ты меня не узнаешь, Мартин?!

Видя мою мучительную гримасу, он сжалился и подсказал:

— Ведь я же твой ведомый, второй номер. Людвиг Бауэр!

— А-а-а... Людвиг! Mein Gott!

Мы крепко обнялись, взаимно выколачивая пыль из наших потрепанных мундиров широкими ладонями. От него еще пахло душистым мылом, которым он умывался перед вылетом. Так вот он каков, мой ведомый. Это его бодрый голос я слышал, когда связывался с ним по рации. Всегда отзывчивый, исполнительный, летящий к тебе по первому зову; как мать родная, всегда готовый тебя защитить, как бы самому трудно не приходилось. Вежливый. Когда его сбивали, он искренне огорчался, что ничем больше не может быть полезен, сообщал: «Извините, я выпрыгиваю».

— Ну-ка, дай я на тебя посмотрю, — сказал я, вглядываясь в его искрящиеся радостью голубые глаза.

— Ну, слава Богу, ты вспомнил меня! А то уж я подумал было, что эти чертовы томми выбили из тебя всю память. Как здесь, бьют?

— Мы здесь живем, как у Христа за пазухой! — я покровительственно потрепал его по плечу. — Идем, покажу твое место. Разумеется, оно будет рядом с моим. Я даже уступлю тебе свое... Тебе нравится у окна? Оттуда хорошо видны зеленые холмы и лес. Этот пейзаж напоминает мне мою родную землю... Саксонию.

— Ты же говорил, что родился в Баварии. Помнишь? Ты еще отказался от отца, потому что он помогал коммунистам и даже чуть было не стал членом ЦК Баварской Социалистической республики. Ты поклялся кровью смыть позорное пятно с твоей дворянской фамилии. Своей кровью и чужой. Помнишь?

— Конечно. Меня хоть и контузило малость, но у нас, арийцев, память от природы крепкая. В Баварии-то я был несмышленищем, а потом мы

переехали в Саксонию, вот ее-то я и считаю своей настоящей родиной.

— Настоящая наша родина — Единая Германия! Никаких отдельных Австрий, Судет... Только единая Германия!

— Но только сегодня, мой друг, — возразил я. — Сегодня Германия, завтра — весь мир!

— Хайль Гитлер! — вскричал мой друг, распаляясь.

— Гитлер хайль, — ответил я по арабскому обычаю.

С вышки загрохотала пулеметная очередь. Пули с визгом пропороли воздух над нашими головами. Охранник показал нам кулак.

— Извини, приятель, — сказал я, — единственно, чего мы лишены, так это возможности приветствовать нашего фюрера.

Как-то раз лагерное начальство объявило о том, что нас повезут в город на экскурсию. Все запрыгали от радости, как истомившиеся скучными занятиями школяры. Хоть какое-то развлечение в тягучем однообразии плена. Мы много-много дней не видели ни одного гражданского лица, ни одной женщины. Они являлись к нам лишь в сновидениях, да и то их образы были капризно-изменчивые, ускользающие.

Повезли нас на двух грузовиках. Охраны было мало, но никто и не помышлял о побеге. С Острова не убежишь. У них объявлена поголовная мобилизация. Каждый британский гражданин, каждая гражданка стали бойцами. Вас просто пристрелят, и все.

— А пивком нас угостят? — спросил Гельмут Бройлер, большой любитель пожрать и выпить, как он говорил, кружек пять пива для разгона.

— Да, да! — заволновались ребята. — Программа экскурсии предусматривает посещение английского паба?

— Программа все предусматривает, — отвечала охрана, беспечно держа винтовки между коленями, словно это было не оружие, а простые палки.

— Вот здорово! Может, девочек встретим! — кричали мы радостно, хотя задницы нам отбивали жесткие деревянные лавки; дорога была еще та... это вам не автобан. Но какой дурак ее бомбил, эту совершенно второстепенную дорогу?

Вообще, эти томми были неплохими ребятами. Неуклюжие в своей грубоватой форме и смешных плоских касках, которые мы называли шляпами или тарелками, они делились с нами сигаретами, с кормежкой не жульничали, хотя продовольствия на Острове стало явно не хватать. Правда, кое-кто из них бывал излишне

высокомерен. Но ведь это присуще и другим нациям.

Мы проезжали через вересковые пустоши, через меловые холмы, заросшие изумрудной травой, с редко расставленными деревьями. Это были типично английские пейзажи, которые кому-то из иностранцев покажутся скучными, но истинный англичанин не променяет их ни на что другое. Впрочем, душевная привязанность к родным местам характерна и немцам, и русским, и всем, всем, всем. За некоторыми исключениями.

Когда мы въехали в город, то сразу поняли, что пабы нам улыбнулись. Кварталы стояли в развалинах. Там и сям торчали, опаленные страшным огнем, зубчатые остатки каменных стен, словно их грыз огнедышащий дракон и, позабавившись, бросил. Улицы сплошь были заваленным битым кирпичом, осколками стекла и прочим мусором, в который превратились вещи, бывшие еще недавно символом прогресса, а теперь ставшие всего лишь чадящим хламом. Кое-где еще горели дома. Пожарные не успевали гасить все очаги пожаров. Сил и техники не хватало. Поэтому, едва сбив большое пламя, профессиональные команды спешили к новым объектам, а гражданские ополченцы добивали огонь подручными средствами: водой, землей, песком. Им активно помогали подростки: мальчики-скауты и девочки из организации герл-гайдов. Но и подавленные очаги еще долго чадили, душили людей своими белыми, сизыми, черными дымами.

Это был Дантов ад. И мы растрепанной колонной шли через него, как грешники. Люди смотрели на нас, кто с ненавистью, кто безразлично, как на пустое место. Но каждый из нас, наверное, понимал, что вина наша безмерна, и нет нам прощения. Мы видели убитых, искалеченных людей, вернее, то, что от них осталось. Ровными рядами лежали они на очищенных местах, прикрытые брезентом. Стоптаные башмаки рабочего, щегольские ботинки богача, женские туфли, детские сандалии торчали из под грубого савана в братском единении смерти.

Нам выделили участок улицы и велели расчищать завалы. Никто не возражал. В тот день мы досыта насмотрелись на женщин, вытаскивая части их тел из-под завалов. Большинство убитых были как раз женщины. И дети. Окопеченное, присыпанное серой пылью загубленное Будущее. «Пивка не желаешь, мистер Бройлер?» — сказал охранник, работавший наравне с нами, с винтовкой через плечо. Гельмут Бройлер сел на битые кирпичи и заплакал. Роба у него от пыли была красновато-серой. Размазывая ку-

лачищами слезы по щекам, он превратил ее в черную маску.

И все-таки нас угостили пивом. Принесли несколько котелков и каждому досталось почти по полному стакану. Поздно вечером, когда мы возвращались на базу, то бишь в лагерь, я спросил Людвига:

— Отчего ты огорчился и не поднимаешь лица?

Мой товарищ молчал, тогда я обратился ко всем:

— Ну что, соколы Геринга, так и будем кричать «Хайль Гитлер!» или придумаем что-нибудь пооригинальнее?

— Слушай, — вскричал мой напарник, выскакивая из угрюмого состояния погруженности в себя на поверхность бытия, — зачем они нам это показали!? Ведь у нас есть работа и на месте... Аэродром все еще не готов к приему самолетов, а они отвлекают нас... Они ударили в самую душу, словно штыком пропороли!.. Я всегда гордился, что я летчик, не какая-нибудь сволочь из СС, а что получается? Выходит, что мы ничем не лучше гестаповца, а может, даже хуже, убиваем людей массами... Тебе хорошо, ты сын либерал-демократа, чуть ли не коммуниста, тебе легко перемениться!.. А как быть мне? Сыну рабочего? Национал-социалистическая программа у меня вбита в голову, как гвоздь, по самую шляпку. Если его выдернуть, я останусь с дырой в черепе!

Я не знал, чем утешить товарища, потому что сам был в смятении. Как тут не вспомнить о старинном учении альбигойцев о двойственности души. Я чувствовал, как существо мое раскалывается на две половинки, как полено, в которое всадили топор. Одна половина меня жаждала творческого созидания, другая половина стремилась все разрушить. Если я найду в себе силы и отброшу эту вторую половину, чем мне заполнить пустоту?

В октябре кончилось наше беззаботное существование. Продолжающаяся воздушная война принимала все более бесчеловечный и бессмысленный характер. Тотальные бомбардировки Южной, Восточной и Средней Англии, обстрелы из тяжелых орудий и ракетные удары ожесточили население. Отношение к нам переменялось. Дружественные шутки кончились, осталась одна ненависть. Как мы ни оттягивали сроки сдачи аэродрома в эксплуатацию, вечно это продолжаться не могло. От нас взяли в заложники несколько человек и сообщили, что если мы к такому-то числу не закончим работу, заложников расстре-

ляют, как саботажников, на основании закона о военном положении. Мы выполнили условия, после чего весь пленный контингент отправили в специально отстроенный концентрационный лагерь.

Теснота, холод, голод, безысходная тоска обрушились на бедные тупые наши головы. Два ряда колючей проволоки, злая охрана с собаками, за малейшую провинность — карцер. Тут уж было не до любования пейзажами. Мы не жили, мы выживали.

Впрочем, было бы грех стенать и жаловаться. Многие британцы существовали в куда более тяжелых условиях, ютятся в подвалах разрушенных домов, в землянках, в палатках, а то и вовсе под открытым небом. У нас хоть бараки были. И уж конечно ни в какое сравнение не может идти наша лагерная жизнь с тем адом, который устроят фашисты через год-полтора на захваченной территории Великобритании, на островах Джерси и Олдерни. Концлагеря на островах Ла-Манша примут в свои колючие объятия сначала французов, поляков, чехов, испанских республиканцев, потом настанет черед русских. Ужасные казни, которыми особенно отличится лагерь «Силт», охраняемый исключительно эсэсовцами, превзойдут по жестокости зверства древних ассирийцев над своими пленными. Будут здесь и новшества, как то: удушение колючей проволокой, утопление в жидком бетоне... Срок «годности» измученного непосильной работой заключенного будет равен шести месяцам. Так что все познается в сравнении. И все же, все же... Страдали и мы.

Как-то раз бессонной ночью, когда я лежал на нарах и думал о нелепом своем положении, меня вдруг кипятком ошпарила мысль, которая почему-то до сих пор не приходила мне в голову. Было холодно, я поднял воротник, и тогда меня долбануло: а откуда, собственно, взялась на мне эта одежда, подумал я, и куда подевались мои адидасовские штаны и тапочки? Майка, положим, осталась на мне, под форменкой. Но откуда взялась форменная одежда? И сапоги?.. Так бывает только во сне. Идешь, одетый в одно, потом без перехода оказываешься в другой ситуации, часто вообще без одежды. Но все эти трюки понятны — ты находишься в сновидении. Так может, это все мне снится? Удручало, что сон слишком длинен и последователен. Но я все-таки попробовал применить способ, какой я всегда применяю, чтобы выйти из кошмара. Способ помогает безотказно, при условии, что вы четко осознаете себя во сне. Надо закрыть глаза;

там, во сне, сильно сощурился, так, чтобы явственно ощутить свои веки, потом резко открыть глаза. Если не с первого раза, то со второго или третьего обязательно проснешься. Проверено.

Я немедленно проверил. Ни хрена! Эксперимент дал отрицательный результат. Да и на что я надеялся, сотню раз уж щипал себя до этого. Эффект был одинаков: боль, сопровождаемая душевными муками — и все та же мерзкая реальность. Я забросил опыты. Пассивно поплыл к пропасти забвения по воле злого рока. И вот оно! В один из таких темных моментов, кажется, уже в лагере, будучи окруженным людьми в одинаковой одежде, разделяя их судьбу, я полностью отождествил себя с ними. Тогда-то, должно быть, на мне и появилась форменная одежда «Люфтваффе», а моя домашняя исчезла, как дым. За ненадобностью. Кроме майки. Она спасала меня от холода.

Как же это понимать? — рассуждал я, лежа на нарах. Будь я компьютерным аналогом игрока, я ведь и одет был бы соответственно... в летнюю форму... Но явился я сюда, в чем сидел за компьютером. Материально войти в компьютер невозможно. Значит, я вошел не материально. Ну, положим, это я уже объяснял себе и другим, но это не объясняет метаморфозы с одеждой. Единственное, что объединяет оба момента без противоречий — это концепция души. Ибо только она может легко менять видимую оболочку. Почему привидения часто и наблюдают в той одежде, в какой человек был перед смертью.

Вот когда меня прихватило по-настоящему! Вот когда барачная, сумрачная и дымная синь стала черною. Когда осознал я, наконец, что УМЕР! Не сознание, не какая-то там дурацкая порция информации, называемая нашими интеллектуалами личностью, а ДУША! — вот что вошло в компьютер. Моя душа. Отделенная от тела.

Значит, когда меня огрело током, я умер, и душа, отделившись от тела, перешла во временное хранилище. Это мне еще повезло, что я сыграл не в тот ящик... выходит, там, в Большом мире, лежит на полу холодный труп?! А мои злоключения здесь — всего лишь... загробные странствия души! Странствия эти бывают разными. У меня — вот такие... Теперь мне в полной мере стали понятны евангельские слова Христа: «В доме Отца моего обителей много».

Слезы полились из моих глаз. На меня снизошло Откровение. Конечно, разве может страдать порция информации? Страдать может только душа! А я страдаю, это очевидно.

— За что, Господи, караешь ты меня такой обителью?! — вскричал я во весь голос.

— Эй, вы! — заорал кто-то, — хватит причитать! Уснуť не даете, доннерветтер!

Разбуженные моим воплем обитатели барака зашевелились, как потревоженные собачьими клыками блохи. Людвиг вступился за меня, сказав: «Может же человеку присниться кошмар». А я лежал, охваченный ужасом, и не помышлял о сне. Какой тут сон, когда ты умер!

Мало помалу я все же успокоился, вытер слезы и сопли и лег недвижно, таращась в темноту айдова царства. Но мысль моя по инерции катилась все в одном направлении, как дрезина по рельсам. Даже обнаружилось любопытство: а может, кроме меня, в этом бараке обретается еще чья-то заблудшая душа? Впрочем, откуда здесь взяться чужой душе — в моем компьютере... Они, виртуалы, по-своему даже счастливы.

— Людвиг! — позвал я друга шепотом. — Скажи мне... У тебя есть душа?

— Спрашиваешь, — отозвался мой товарищ полусонно. — Я же не турок какой-нибудь. Спи, камрад... Эх, маму видел во сне...

Он тихо захрапел, и я опять остался со своим одиночеством, сплестать бесконечную нить мысли. Утром — утро вечера мудренее! — ко мне пришла надежда. Нет, сказал я себе, не мог я умереть окончательно. Если душа ушла не далеко, значит, она может вернуться обратно. Лишь бы не оборвалась какая-то там серебряная нить, связывающая душу с телом. И мне кажется, я чувствую эту связь. В конце концов, йоги и шаманы по собственному желанию отделяют душу от тела и могут совершать неглубокие вылазки в загробный мир. А потом благополучно возвращаются. Значит, и я могу вернуться! Но если шаман возвращается своей волей, то меня может вернуть только Игра. Вернее, ее окончание. Ну и, разумеется, моя вера. Главное, ребята, верить. Я теперь верю.

Однажды, в один препакостный голодный вечерок, когда шедший целую неделю подряд морозящий дождь готов был свести с ума, меня неожиданно вызвали к коменданту лагеря. Я вспомнил американского агента, допрашивавшего меня. Конечно, ведь меня поместили в лагерь временно. Он так и сказал. А я-то, по своей русской привычке, думал, что обо мне забыли. Ан нет! Спецслужбы ничего никогда не забывают. Несомненно, они почувствовали, что я скрываю какую-то очень важную тайну. Что я сам являюсь тайной. И потому ради ее раскрытия они выпотрошат меня, как курицу.

Начальник лагеря полковник Лоренс Нобл встретил меня, сидя в кресле за своим столом и занимаясь какими-то бумагами. Я доложил по форме о своем прибытии и застыл в ожидании. Полковник еще до войны ушел в отставку, но долг позвал его вернуться в ряды Королевских вооруженных сил. Это был слегка обрюзгший человек, чем-то напоминавший мне французского артиста Жана Габена. Может быть, неторопливостью своей или твердостью характера.

Лоренс Нобл предложил мне сесть, что меня удивило. Потом он предложил мне закурить, что удивило еще больше. Я с жадностью затянулся хорошей сигаретой. Последнее время мы курили исключительно чинарики, милостиво брошенные охраной.

— Вот что, Мартин, — сказал полковник, подняв тяжелые веки и уставясь на меня мутноватым взором, — Тут к тебе пришли на свидание.

В лагере все меня знали как Мартина фон и так далее. Подлинное мое имя, как я понимаю, было известно только американским спецслужбам. Ну и, конечно, Джейн. Ее образ как-то стерся в моей памяти, потускнел, как старинный дагерротип. Я не ждал тепла ни от кого, я был готов к сражению за свою жизнь. Я не хотел сгнить в каком-то дурацком компьютере, пусть даже и в своем.

— Вообще-то я никого не жду, — ответил я, стараясь растянуть удовольствие, получаемое от сигареты. — Я уже все сказал и повторяться не намерен. Так и передайте ИМ.

— Зайди в ту комнату, — сказал начальник лагеря приказным тоном и указал на дверь, ведущую в смежное помещение.

Я подчинился. В небольшой комнате сидел человек в черном клеенчатом дождевике с капюшоном, надвинутым на лоб. Я сразу узнал ее, то есть ее руки. Это была женщина. Она сбросила с головы капюшон, знакомым движением поправила свои роскошные рыжие волосы. Эта была Джейн.

— Здравствуй, — сказала она, вставая, в смущении стискивая пальцы рук. — Вот, пришла навестить тебя... Садись... Хочешь кофе?

Сначала я поздоровался довольно холодно, но потом какая-то теплая волна нежности поднялась на поверхность моего сознания. Спрессованные льды обиды раскололись, рассыпались, растаяли. Знакомые фразы! Конечно, я хотел кофе, еще бы! Но еще больше мне хотелось видеть Джейн Маккели! Нет, просто Джейн.

Она подняла с пола дорожную сумку, раскрыла ее и стала выкладывать на стол пакеты и пакетики, несомненно, с едой. Я знал, что продук-

ты она, как и все, получает по карточкам. Я знал, что ей надо кормить детей. Право же, летчик-преступник, какой бы он национальности ни был, не достоин таких жертв.

Джейн отвинтила крышку небольшого металлического термоса и налила мне в специально привезенную чашку дымящийся черный напиток.

— Пей, он еще не успел остыть...

Она села рядом. Капли дождя блестели у нее на ресницах, щеках, плащ вообще весь был мокрый. Она дрожала: и от волнения, но больше от холода. Губы у нее посинели. Но она улыбалась, подкладывая мне маленькие сухие печенья и сэндвичи с домашней ветчиной. Пища богов!

— Один есть и пить не стану, — сказал я. — Давай вместе...

Это был первый совместный наш ужин. Джейн сказала, что Алиса передает мне привет. Сынишка, которого я не видел, живет у ее родителей в Дублине. Туда, в Ирландию, слава Богу, ни снаряды, ни ракеты ФАУ не долетают. Рассказала она и о том, как ее хотели мобилизовать на авиационный завод, куда призвали очень многих женщин, но потом разумно решили, что она будет полезнее на своем месте.

Однако скоро все темы, хоть как-то связывавшие нас, иссякли, и наступило тягостное молчание. Мы еще недостаточно были знакомы, чтобы вместе молчать. И тогда я стал рассказывать разные смешные случаи из нашей лагерной жизни, из той поры, когда мы жили на аэродроме. В теперешней лагерной жизни смешных случаев я что-то не припоминал.

Так мы просидели до позднего вечера. Мне нужно было идти на вечернюю поверку. Она оставалась ночевать здесь. В гостиницах мест не было, их реквизируют под госпитали. И только теперь она показала мне бумагу. Это было ее заявление к лагерному начальству, в котором она просила выделить ей двух-трех человек для работ на ферме в связи с тем, что сама она не справляется с хозяйством, а на зиму еще не заготовлен корм для скота, не посеяны озимые. В стране не хватает продовольствия, не хватает рабочих рук, в то время как сотни и сотни крепких мужчин бездельничают за колючей проволокой. Это ходатайство было одобрено, да, собственно, даже подсказано местным муниципальным советом.

— Я тебя не принуждаю, можешь отказаться, — сказала она, опустив глаза.

— Разве я ненормальный, чтобы отказываться от жизни на ферме! Конечно, я согласен. Разрешите мне взять с собой моего товарища. Хороший парень — Людвиг Бауэр. Третьего возьмешь по своему усмотрению.

— Да не нужен мне третий, — ответила она, смеясь, потом сказала серьезным тоном:

— Но день-два придется вам потерпеть. Наши бюрократы ничуть не лучше немецких или русских. Тем более — война... Нужно время, чтобы собрать на вас характеристики от лагерного начальства, согласовать вопрос с контрразведкой... Но я надеюсь на благоприятный исход.

Прощаясь, мы пожали друг другу руки, задержав их единение на несколько большее время, чем требовалось для такой процедуры.

Как это ни странно, но нас с Людвигом выпустили на поруки. За нас ручалась Джейн Маккели. Ручалась своим честным именем. Мы поклялись на Библии, что оставим всякие попытки к побегу. Я уточнил: побега с фермы. Если меня переведут в другое место, клятва теряет силу. «Олл райт, — сказал старший констебль Сполдинг. — Но все равно, парни, я за вами буду внимательно наблюдать, уж не взыщите. Война!»

Мои отношения с Джейн носили довольно двусмысленный характер. И мы оба это понимали. Где-то, может быть, в подсознании ей хотелось более тесного сближения со мной. То есть того, что англичане называют «to sleep together». Этот эвфемизм означает — заниматься любовью, причем более-менее регулярно. Мне тоже хотелось этого. Но я отчетливо представлял себе, как она отреагирует на попытку такого сближения на уровне сознания. Даже без скидки на то, что женщина, с точки зрения мужчины, существо противоречивое, алогичное. Лучше сказать, импульсивное. Причем никогда не скажешь наверняка, с какой стороны придет этот импульс. Так вот. При подобных поползновениях с моей стороны она может закричать, ударить меня, даже убить. Все это заставит ее делать заложенная с детства программа «порядочного поведения», где уважение к памяти покойного мужа стоит не на последнем месте. Такая же этическая программа работала и в моем мозгу. Чтобы исчезли все препятствия с нашей дороги друг к другу, нужно время. Время, чтобы я перестал быть чужаком, более того — врагом. Время, чтобы в душе Джейн закрылась рана от потери мужа. Всему свое время. Короче говоря, время объятий еще не наступило.

— Ты бы хотел здесь остаться? — сказала Джейн и торопливо поправила:

— У нас в стране...

Был чудесный теплый день, может быть, из последних в этом году. Мы отдыхали на сене наполовину сметанного стога. Я кусал горьковатый кончик травинки, глядел в синее-синее небо. Я промолчал.

— Ты тоскуешь? Хочешь летать? — она провела глазами маленькое облачко, ползущее на запад. — Говорят, летчик не может не летать. Иначе он затоскует и умрет, как птица в клетке. Это правда?

— У тебя бывает такое чувство, будто тырываешься на части? — спросил я. — Одна половинка души хочет одно, другая...

— Конечно. У меня теперь всегда такое состояние. Раньше я точно знала, чего хочу, раньше все было так просто, то есть, разумеется, непрос-то... но понятно. А теперь... Эта проклятая война когда-нибудь всех нас погубит... Скажи, как все сложится? Ведь ты все знаешь наперед.

— Будет большая война. Все страны втянутся в нее... И когда покажется, что спасения уже нет, наступит перелом. Фашистов разобьют, наступит мир. Страны запада восстанут из пепла, как птица Феникс, обретут небывалое могущество... А та страна, чей вклад в войну будет едва ли не решающим, начнет потихоньку разлагаться, распадаться на части, чтобы в конце концов части эти обратились в прах...

— Судя по твоему тону, ты имеешь в виду свою страну?

— Я все пытаюсь понять, чем вы таким особенным отличаетесь от нас?

— Чтобы это понять, надо стать британцем.

— Ты хорошая женщина. Но я хочу домой.

— Я понимаю твои чувства и кое-то сделала для тебя... в этом направлении. Я связалась с сослуживцем мужа Конрадом Чеширом, полковником авиации. У них не хватает пилотов, а ты хочешь летать... Ты осознал, что фашизм — зло...

— Глупенькая, я всегда это знал. Просто у меня были свои мотивы.

— А теперь?

— И теперь я за вас не буду воевать.

— Почему?

— Не знаю. То есть я, безусловно, за демократию, но это не значит, что я за вас буду воевать. Видишь ли, из правого легко сделаться неправым. А вот обратная дорога — ох, как трудна. Вы будите гордиться своими успехами, и не без основания. Вам покажется, что вы всегда правы. И тогда вы понесете людям зло, даже сами того не замечая. Вот я против чего. Если мне предложат место пилота в английской эскадрилье, я приму предложение. Но вылет мой будет без возврата.

Она очень долго молчала. В душе ее происходила жестокая борьба, это отражалось на ее лице. Из битвы она вышла тяжело травмированной морально.

— Хорошо, я помогу тебе, — сказала Джейн, не до конца веря своим словам. — Хотя мне не-

легко будет лгать. Если бы ты знал, какая это для нас мука. Извини, — спохватилась она, — для вас, разумеется, тоже... Просто ты поставлен в такие условия, что иначе нельзя.

— У нас сейчас, наверное, уже снег выпал... Знаешь, почему еще я хочу вернуться? Потому что я попал сюда не по своей воле. Человек не любит насилия. Вот если нам удастся усовершенствовать виртуальный шлем... Примешь гостя?

— Я буду ждать тебя, — ответила Джейн.

Я уже говорил о том, что этот маленький мир в чем-то очень прост. Люди жили просто и просто умирали. И вопросы решали просто. Вся эта глупая и, возможно, кровавая пачкотня со снятием часовых и героическим захватом самолета для побега, поначалу рисовавшаяся в моем воображении, слава Богу, не реализовалась. Меня приписали к эскадрилье, которой командовал Конрад Чешир. За глаза его называли Чеширским котом. В основном звали его так из-за фамилии и каждому англичанину понятную ассоциацию, а еще за мягкую походку и добродушную физиономию с небольшими усиками. Впрочем, тонкие усы в ту пору носили многие. Чешир проявлял самостоятельность, порой излишнюю, но всегда был готов ответить за свои поступки. Того же он требовал от своих подчиненных. Несколько групп этой эскадрильи были укомплектованы американскими летчиками-добровольцами. К одной из таких групп причислили и меня, как иностранного добровольца.

Мир этот хоть и прост, но, будь я подлинным немцем, меня вряд ли приняли бы. Пришлось сказать Чеширу, что я русский. Доказать сие, как вы понимаете, было нетрудно: язык мой всегда при мне. Американцы сразу прозвали меня Чкаловым. «О! Чкалофф! — говорили они. — О'кей!» Ну что же, сказал я себе, если я Чкалов, то ждите с моей стороны фортея.

Мне предоставили самолет, прозванный американцами «Кувшином». Внешним видом он напоминал русские «Яки». Но по маневренности их можно сравнить, как черепахе и юркую ящерицу. Кое-что о летных характеристиках английских и американских самолетов я уже говорил и повторяться не буду. Позже только добавлю несколько положительных штрихов. Нам определили задачу — перехватить вражеские бомбардировщики, следующие в район Кардифф-Ньюпорт. Это два крупнейших морских порта Англии, где базировалась часть кораблей Королевских ВМС. Там же разгружались американские суда, привозившие британцам продовольствие

и боевую технику в качестве братской помощи в деле разгрома общемирового врага — фашизма. Естественно, все крупные порты Англии, особенно на юге, были чрезвычайно притягательны для немецкой бомбардировочной авиации.

— Ну, друг, прощай, — сказал я Людвигу в день, когда покидал ферму навсегда. — Помогай Джейн, веди себя достойно. Для тебя война кончилась, постарайся это понять. Если не наделаешь глупостей, вернешься домой цел и невредим. Работы дома будет много, уж это я тебе обещаю.

— Verstanden, kette Fuhrer! — как всегда четко оттрапировал лейтенант Бауэр.

— Я тебе больше не командир. И вообще, Людвиг... выкинь из своего лексикона слово «фюрер».

— Gut. Мартин, у нас с Алисой возникла взаимная симпатия...

— Совета хочешь? Я уже тебе ответил: постарайся не наделать глупостей, и все будет хоккей.

— Как ты сказал?

— О'кей, говорю! Вживаюсь в образ американского аса, — засмеялся я.

— Ты смотри, поосторожнее с ними...

Мы снова обнялись, как тогда в лагере, на этот раз — расставаясь. Глаза друга повлажнели. Блеснула слеза. Не виртуальная, а самая настоящая.

— Auf Wiedersehen, Людвиг!

— Glückliche Flüge, Chef! — ответил он. — Счастливого полета, шеф!

Я подошел к Джейн и Алисе, стоявшим у калитки палисадника.

— Гуд бай, девочка! — сказал я Алисе. — Желаю тебе счастья.

— Бай-бай, мистер Грос! — Скромная, она оставила нас наедине.

— До свидания, Джейн... Может, еще встретимся когда-нибудь...

— Я буду ждать... — снова повторила Джейн Маккели.

Неожиданно для самого себя я поцеловал ее в губы. Она ответила взаимностью.

На скорости 90 миль в час самолет уже поднялся в воздух. Удивительно! Скорость отрыва у американского самолета раза в полтора ниже, чем у немецкого. Значит, и посадка обещает быть комфортной. Не то что на немецком истребителе, когда на полосу заходишь, как сумасшедший (зато в бою скорость — самое главное). В 9.15 по лондонскому времени мы взлетели с прибрежного аэродрома Гастингса и взяли курс на Ньюпорт. Наша воздушная эскадра состояла из тридцати

английских «Спитфайров», двадцати шести «Харрикейнов», десяти американских самолетов «Тайфун» и стольких же «Кувшинов». Я взлетал одним из последних, поэтому мне ничего не стоило оторваться от основной группы.

Они легко вспорхнули в небо на своих широких и округлых крыльях с сине-красными, как у бабочек, пятнами. Только «бабочки» эти, разрисованные полосами камуфляжной окраски, умели преобильно кусаться. После набора минимально необходимой высоты, самолеты группы легли на правое крыло, совершая разворот на 75 градусов, и, взяв нужный курс, пошли на цель. Я же отклонился влево и стал удаляться от группы все дальше и дальше. Технически сделать это было просто, но в душе пришлось порвать какие-то болью отозвавшиеся нити. Тяжело это — отбиться от стаи и уйти в свой собственный полет.

Я огляделся по сторонам. Против обыкновения, меня сопровождали целых два истребителя. Зловещий эскорт, подумал я. Но мы от него избавимся.

Мы прошли береговую линию, миновали линию противовоздушной обороны. Под крыльями неторопливо проползали свинцово-синие воды Английского канала. Пролив Па-де-Кале, разделяющий Англию от Франции, в узкой своей части имеет ширину 30 километров. Самый тихходный «Юнкерс 87» покрывает это расстояние за 8 минут. Но если лететь от Гастингса, расстояние увеличивается более чем вдвое.

На своем истребителе я долетел бы за 10-15 минут. На этой каракатице я буду ползти чуть дольше. Прибавим несколько минут на поиски аэродрома... Значит, минут этак через двадцать пять я буду дома. Дома? Господи! Сделай так, как я предполагаю... Верни меня обратно!

На правах командира звена я связался со своими ведомыми по радиации и отдал распоряжение: «Спасибо, ребята, за сопровождение. Объявляю отбой. Можете возвращаться». — «Это желтый два, — ответили мне. — Вас понял, отбой». Сейчас же ответил другой: «Это желтый три. Понял. Отбой».

Я посмотрел по сторонам. Покачиваясь вверх-вниз, они летели рядом, держа строй, по левому и правому борту от меня, отстав на полкорпуса. Они и не думали выполнять указание. Я повторил попытку вразумить их. Результат был тот же. Ну, как знаете, решил я, выключая связь. Я не стал делать маневров отрыва и прочих глупостей, решил спокойно продолжать полет в выбранном направлении на запад. Я не опасался, что они меня собьют при попытке сесть на вражес-

кую территорию (если только не получили специального задания относительно меня). Скорее, я опасался за них. Летя со мной, они сильно рисковали. Я честно отсылал их домой, но они не послушались. Тем хуже для них.

Моя уверенность в их лояльности по отношению ко мне базировалась на опыте. Летая с Людвигом, еще плохо его зная, или с другими ведомыми, я, забавы ради, иногда выискивал и расстреливал поезда. На своей территории. Поезда были немецкими. Они везли танки, цистерны с горючим. Все это от ударов моих пулеметов и пушек замечательно горело, взрывалось, переворачивалось. Упавшие с платформы танки валялись кверху гусеницами. Мой ведомый равнодушно следовал за мной, не вмешиваясь в мои действия, хотя я бил своих. Таких тонкостей поведения, как патриотические чувства ведомого, программа игры не предусматривала. Но все имело предел. Когда я зеленым пилотом только-только учился летать и стрелять и, никак не попадая в чужой истребитель, решил потренироваться на своих, которые летели спокойно, никуда не сворачивали и довольно близко — меня постигла быстрая кара.

Бесстрашно вползая в мой прицел, они как бы провоцировали меня открыть по ним огонь. Соблазн был очень велик, и однажды я нажал гашетку пулемета. За одно решил проверить их реакцию. Предательски обстрелянный летчик завопил в эфире, предупреждая меня, что я ошибся. Чувствуя себя не в своей тарелке, я превозмог смущение и ударил снова. Тогда те, что летели впереди, развернулись, разлетелись веером и, зайдя сзади, в один момент сбили меня.

Я уже признался, что даже в игре, стреляя по своим, чувствуешь себя довольно паршиво. Тебя гложет чувство вины. Это работает заложенная в тебя программа лояльного отношения к своим. Ведь я, в конце концов, не преступник. Вот если бы мы чувствовали то же самое, стреляя по чужим, не было бы войн.

Ладно, кончаю болтологию, перехожу к делу. Мы подлетали к берегам Нормандии. Я в последний раз попытался вразумить ведомых. Хорошо видимый в своей стеклянной кабине, я помахал им рукой и большим пальцем показал назад: возвращайтесь! Их головы в мягких черных шлемах не шевельнулись. Они упрямо продолжали лететь вперед. В них работала программа сопровождения, они были ее рабами. Ну и черт с вами!

Я уже вижу аэродром в двадцати градусах справа. Сбрасываю газ, иду на малых оборотах, помаленьку гася скорость, маневрирую, чтобы

точно, без отклонения, выйти на полосу. Скорость быстро падает, даже закрылки выпускать не надо. Машина на низкой скорости ведет себя блестяще: ни рысканий, ни раскачки. Посадка, действительно, комфортная, без нервов. Чувствую, что спокойно дотяну до полосы, не прибавляя газа. Наоборот, сбрасываю его до минимума. Выпускаю шасси, слышу, как запела работающая гидравлика, колеса заняли рабочее положение. Иду на полосу под углом в тридцать градусов, легко иду, плавно. 50 метров, 30. Тяну ручку на себя, поднимая нос. 10 метров! Вдруг по нам открывают перекрестный огонь аэродромные средства ПВО. Трассирующие строчки прошивают воздух над полем.

Огонь этот для меня почему-то явился полной неожиданностью. Конечно, ведь я шел на СВОЙ аэродром! Вот только забыл, что лечу-то я на ЧУЖОМ самолете. Стереотип мышления, едва не стоивший мне жизни. Касание! Самолет бежит по дорожке, и хрен вы меня возьмете, у вас есть воздушные цели. Меня не сбили только потому, что немцы не ожидали от англичан такой наглости. Чтобы среди бела дня садиться на вражеский аэродром! Потому я и успел прорваться. Моим ведомым повезло меньше. Они не собирались совершать посадку, но, сопровождая меня, вышли на бреющий полет. Одного подбили сразу. Находясь буквально в десятке метрах от земли, он все-таки успел выпустить шасси и сразу сел, покатыл по полю, дымя мотором. Другого, летевшего чуть выше, подбили мгновением позже. Он вспыхнул, как спичка, и воткнулся носом в землю за кромкой летного поля. Летчик умер мгновенно.

Боль сжала мое сердце. Еще один парень погиб из-за меня. Опять какие-нибудь Джейн и Алиса обольются слезами. Утешало, что второй пилот остался в живых. О том, что его ждет концлагерь, я старался не думать. Главное, мы выжили! Выключаю мотор, по привычке на остатках хода выруливаю к ангару, освобождая полосу. Смотрю на показатель скорости — 13, 10... Сейчас это произойдет! Или... НЕ произойдет. Оглядываю небо. Никаких изменений. Сердце остановилось. Еще немного и я задохнусь... И вот — Господи, помоги! — белый свет померк, и все погрузилось во тьму. Игра закончилась.

Долго и безуспешно я пытался отойти от стены. Она была мягкой и пахла синтетикой. Я даже руками отталкивался — ничего не помогало. Наконец, до меня дошло, что это не стена. Я стянул с головы шлем, который из мягкого летного превратился в тяжелый и жесткий, наподобие

мотоциклетного, полностью закрывающего глаза — и чуть не ослеп от яркого света. Я лежал на полу. Мое любимое вращающееся кресло отъехало в другой конец комнаты. Как я из него выпал, ума не приложу, наверное, когда дергался, испытывая страдания в виртуальном мире. Мне было жуть как плохо. Колотила дрожь. Вряд ли я замерз, лежа на полу, пол у меня деревянный, а сверху — палас, и на улице тепло. Но меня трясло, как от холода, а пот катил градом. И со зрением творилось что-то неладное. Реальность дрожала, искажаясь и дробясь, как отражение в потревоженной воде. Наверное, возвратившаяся душа укладывалась в теле на старое место, да все никак не могла улечься. Видно, ей здорово досталось. На четвереньках я дополз до дивана и рухнул на него, аж пружины взвизгнули. Мой старинный дедовский диван не любил такого фамильярного отношения.

Постепенно зрение более или менее восстановилось. Часы на стене показывали полдень. Я умудрился сделать логический вывод, что часы назад идти не могут, значит, сейчас полдень другого дня. Какого «другого»? — это был большой вопрос. За компьютер я сел в восемь вечера, когда вырубился, не знаю, но сейчас полдень... Выходит, что в виртуальном мире я провел часов 15-16. Это по времени нашего мира. А по времени того мира?.. Я прожил там два с половиной месяца! Какое же будет соотношение — три дня за час? Нет, мозги у меня сейчас не работали. Я только понял, что сознание мое подверглось чудовищной компрессии времени. Вот причина моего недомогания! Я прохожу сейчас временную декомпрессию! Декомпрессия времени, как и любая декомпрессия, похожа на своеобразный замедленный взрыв, от которого кровь вскипает в жилах. И отголоски этого взрыва все еще грохочут в моей бедной голове. Похоже на состояние, которое у профессиональных наркоманов называется мерзким словечком «отходняк». Конечно, я табуретки не грыз, но мой отходняк был не менее мучительным. Меня колотило и ломало, и острые невидимые когти рвали мою плоть.

Спустя какое-то время ломка пошла на убыль. Но еще раза два я на карачках бегал в туалет и, сунув голову в унитаз, блевал дальше, чем видел. Видел же я в это время не далее кончика собственного носа. Потом я согрел чайник и, отбивая чечетку зубами о край чашки, выпил горячего крепкого чая. Колотун отпустил меня, и я испытал блаженное чувство расслабленности, точно деревяшка, плывущая по воле волн. Когда мне стало определенно лучше, я вернулся в комнату, подтянул кресло к столу и сел за компью-

тер. Он все еще работал, экран монитора светился, показывая заставку игры «Воздушная война в Европе». Из динамиков негромко лилась браурная мелодия. Я щелкнул «exit», вышел на «рабочий стол». Сделал я это машинально. Подождя, пока уничтожался виртуальный мир, временно записанный на винчестере. Когда возня и скрежетание в «башне» прекратилась и наступила МЕРТВАЯ тишина, нарушаемая лишь гулом работающего вентилятора охлаждения, и погас злобный красный огонек на лицевой панели, я достал из CD-ROMа компакт-диск. Я держал в руке мир Джейн, сверкавший всеми цветами радуги, но богом себя не чувствовал. Чувствовал я себя преступником, уничтожившим все следы своих преступлений, и еще... Нет, лучше вам не знать, что ощущал я в те минуты.

Я вложил диск в плоскую пластмассовую коробочку, вырубил компьютер, коробку поставил на полку рядом с другими мирами.

Виртуальный шлем, вонявший жженой изоляцией, я водрузил на центральную опорную «ногу» мольберта, стоявшего у стены за моим компьютерным столом. Мольберт стал походить на огородное пугало.

Я вышел на балкон покурить и хлебнуть свежего воздуха Большого мира. Мир мой кипел жизнью. Птицы заливались веселыми трелями, мокрые тротуары дымились под жаркими лучами солнца. Промытое дождем небо было каким-то особенно синим и глубоким. Воздух был сладок от переполнявшего его озона. Вдали над

лесом медленно проплывало некое тело, похожее на неопознанный летающий объект. Зрение еще не полностью восстановилось, поэтому мне мерещилось, будто летящее тело проделывает не совсем обычные эволюции в воздухе. То ли воздушный поток играл с ним, то ли тело играло с воздушным потоком. Впрочем, возможно, это был самолет, совершающий вираж, перед тем как пойти на посадку в Большое Савино. Покурив, я почувствовал зверский голод.

Дома никакой жратвы не было, и я пошел в магазин. Шагая по тротуару в потоке прохожих, я вглядывался в их лица, и решительно не мог найти никакого различия с теми людьми, из мира которых я недавно вернулся. «Что наша жизнь?...» — думал я. Ответить на свой же вопрос мне помешал какой-то нерасторопный гражданин. Он, как и я, замечтался, разинул хлебало, неудивительно, что мы столкнулись. Мы отскочили друг от друга, как два резиновых мяча. Я устоял на ногах, а гражданин свалился и угодил в лужу. Было очень смешно, но я совладал с животными чувствами, извинился и предложил помощь. Гражданин отказался принять мою протянутую руку. Выбравшись из лужи, он пошел дальше, оставляя за собой *мокрые* следы. Удаляясь, он бросил через плечо злобную фразу, смысл которой дошел до меня с опозданием.

Я остановился, как громом пораженный. Тот человек сказал: «ВИРТУАЛ ПРОКЛЯТЫЙ!»

Сентябрь 1999 г.

Пермь.

Курьер

«Фэндом—2000»

Тяжелы на подъем наши пермские старики — ветераны фэндома. Помнится, было время, когда пермский клуб любителей фантастики «Рифей» делал историю. Именно в Перми в 1981 году состоялся первый всесоюзный съезд клубов любителей фантастики, назвавшийся тогда для конспирации областным семинаром. Гости съехались из Хабаровска, Свердловска, Литвы, Калининграда, Ставрополя, не говоря о Москве — из десяти точек Союза.

Вот уже второй год пермский КЛФ «Солярис» проводит фестиваль «Фэндом». В нынешнем 2000 году приз за лучший фэнзин достался «Семечкам» — «липцкому обзору фантастики». Сергей Соболев, один из создателей фэнзина, увез с собой в Липецк избушку на звездолетных соплах. Прошлогодний лауреат — фэнзин «Анизотропное шоссе» — был представлен критиком Василием Владимировским. На фестивале присутствовали также Андрей Самойлов (Уфа), Августа Косарева (Екатеринбург), привезшая доклад «Миф в современном искусстве», Андрей Зебзеев (г. Яйва, КЛФ «Эскалибур») — бессменный фотограф обоих «Фэн-

домов», гости из Краснокамска. И, конечно, было много пермяков.

Организаторам фестиваля удалось устроить выставку пермских художников-фантастов. Были вывешены работы Вячеслава Исаева, Михаила Волкова, Надежды Караваевой, Олега Иванова, Надежды Маркаловой, Дмитрия Бессонова. Не всех пермских художников удалось своевременно найти летом, но тех, кто не попал на выставку в этом году, ждет следующий «Фэндом».

На второй день фестиваля большинство участников собралось ехать купаться. Встречались, как всегда, у библиотеки. Как оказалось, собравшихся купаться было 13, не больше и не меньше. У Толкина в его знаменитой сказке «Хоббит» гномы, не пожелав отправиться в путь таким несчастливым количеством, взяли с собой хоббита. Вспомнив классику, любители фантастики спросили первого проходившего мимо человека: «Хоббитом будешь?» Прохожий удивленно ответил: «Нет». Потом немного оправился от ис-

(Окончание на стр. 39.)

«Лавка фантастики» № 2 (6), 2000 г.

Кир Булычев: «Мне нужно писать рассказы, а не хочется»

Этому интервьюированию Игорь Всеволодович Можейко подвергся на «Аэлите-99». К сожалению, расшифровка диктофонной записи оставила безымянными прочих участников пресс-конференции.

— Расскажите, пожалуйста, про настоящую маму Алисы Селезневой.

— Настоящую маму? Так как Алисы Селезневой не существует, то поэтому у нее не может быть настоящей мамы. Может быть только литературная, наверно. Если она даже есть, я с ней не знаком. Я как бы отец-одиночка.

— И это заметно в книгах.

— Нет, мама там периодически возникает. То она строит дома на Плутоне, то еще чем-то занимается.

— Расскажите о Кире Алексеевне.

— Кира Алексеевна не является матерью Алисы Селезневой, она является матерью Алисы — бывшей Можейко, а теперь Лютомской, то есть моей дочки. Другой, нелитературной, которая очень далека от фантастики. Я не знаю даже, много ли она там читала, хотя периодически, когда ей что-нибудь очень надо, она приходит и говорит: «Папа, подари книжку зубному врачу!»

— А ваш зять кто по профессии?

— Они оба архитекторы.

— А внуки есть?

— Есть, Тимофей, ему восемь лет и он даже ходит в школу.

— Как он к фантастике относится?

— Если бы он еще читать научился, это было бы достижение!

— А Кира Алексеевна чем занимается?

— Она тоже архитектор, но — дизайнер. Занимается дизайном квартир, вернее, занималась, потому что те богатые люди, которые делали в своей квартире дизайн, больше не в состоянии это делать. Одно время она работала в журнале художником.

— Я клоню к тому, чтобы привязать к псевдониму.

— Да я понимаю, но ведь все уже и так знают, что Кира — это имя моей жены, а Булычева — это фамилия моей мамы. Псевдоним родился совершенно случайно, потому что совершенно случайно появился мой первый рассказ и нужно было срочно придумывать псевдоним. Я пошел по пути наименьшего сопротивления и так появился Кир Булычев. Тогда меня это

устраивало, потому что я был уверен, что больше я этого не сделаю. Но когда я это сделал, отступить было некуда.

— А остальные псевдонимы?

— Это в журнале «Вокруг света» у нас было соревнование, кто придумает больше псевдонимов.

«Ю. Лесорубник» — это контора при «Геркулесе», «Южный лесорубник». «Саро Фан» — тогдашний главный редактор сказал: «А нет ли здесь антисемитизма?». Потом мы сделали «С. Фан», но главный редактор сказал: «С корейцами я ссориться не собираюсь». Этот псевдоним недолго просуществовал. «Б. Тишинский» — это Большой Тишинский.

— Вы начинали с Алисы, с «Чудес в Гусляре», а теперь пришли к такому жесткому циклу «Театр теней». Что случилось?

— Стареньким стал, однако.

— Это навеяно реалиями современной жизни?

— Конечно. Что такое фантастика? Это самый актуальный вид литературы, Это попытка ответить на вопрос, что с нами происходит, что с нами будет. Естественно, я не могу оставаться тем же Булычевым, который в семидесятые годы писал такие розовые гуслярские рассказы. Ведь и в то время я писал не только розовые вещи, хотя все они лежали в столе. «Осечка-67» пролежала у меня лет десять-пятнадцать, пока ее не издали.

— Не связано ли это с желанием войти в коммерческую струю?

— А мне это не надо. Я не Головачев и не Бушков. Они поднялись на этой волне. Я начал работать значительно раньше них и, если говорить об эволюции, то можно говорить только о моей эволюции. Потому что я никогда не смогу писать как Головачев или Бушков. И речь идет не о качестве. Просто так, как они, я писать не смогу. Но я могу писать так, как пишу я, но я сам меняюсь. Заработать деньги я могу, просто сочиняя, что мне хочется. Для меня самое интересное — это писать «Реку Хронос». Я не могу сказать, жесткая она или нет. Это просто мое любимое занятие, из которого дале-

ко не всегда что-то получается. Я играю в «Реку Хронос», как в «Морской бой». Есть у меня поле, я бабахнул — «убил» крейсер. Потом — бабах — и утонула моя подводная лодка. У меня есть три тома, которые я переделал для «Азбуки», и «Азбука» их не напечатала. Сейчас «АСТ» собирается весной напечатать «Миры Кира Булычева» (*проект уже реализуется — ред.*). Там будет три тома «Реки Хронос» и «Заповедник для академиков». У меня есть один уже напечатанный детектив и два еще не опубликованных.

— *Вы стали бросать взгляды в реалии нашего времени...*

— Фантаст может писать только о нашем времени, все остальное — от лукавого.

— *Вы историк, вы можете сейчас дать прогноз: «Россия 2001»?*

— Конечно, нет! Прогнозами должны заниматься профессионалы. То есть футурологи, которые никогда ничего предсказать не могут. Также не могут ничего предсказать гадалки. Оба типа футурологов, научные и ненаучные, не способны ничего предсказать. Потому что мы не можем даже предсказать погоду на послезавтра. Любые попытки фантаста взять на себя то, чего ему не положено делать — это глупо так же, как если бы я взял скрипку и вышел поиграть немножко на скрипке. Потому что я, видите ли, знаю, как она выглядит. Поэтому я сторонник того, что, несмотря на все уверения в обратном, ни один фантаст ничего никогда не предсказал, за исключением Ивана Ефремова, который предсказал открытие кимберлитовых трубок в Якутии, потому что он был геологом и искал кимберлитовые трубки в Якутии. Вполне возможно, что я могу предсказать что-то, что связано непосредственно с моей работой. Востокведческой, той, которой я занимаюсь в институте.

— *Вы востоковед и в Екатеринбург приезжаете не в первый раз. Как вы считаете, Урал ближе к востоку или к западу?*

— На глупый вопрос, простите, даю глупый ответ. Урал для меня часть России, а Россия — европейская страна. Вообще на этот вопрос ответить невозможно. Я занимаюсь сейчас «Юго-Восточной Азией во второй мировой войне». Сейчас эту работу хотят переиздать, а я хотел бы ее дописать.

— *А научные статьи у вас выходят?*

— Мало, но выходят. Последняя была во втором номере «Нового времени», статья о современном положении в Бирме.

— *В преддверии Дня космонавтики хочется задать вам вопрос... Почему в ваших книгах так мало героев космоса? Капитан Зеленый — комический персонаж, героические капитаны — эпизодические персонажи, Павлыш — врач-психолог, а не герой космоса.*

— Я никогда не писал о космосе.

— *Но фантастика начиналась с космонавтики.*

— Нет! Фантастика началась, когда охотники пришли с охоты, один из них нарисовал убитого медведя — это был реалист, а второй нарисовал медведя, которого он убьет завтра — это было рож-

дение фантастики. А дальше были Гильгамеш, Гоголь, а до космонавтики люди дошли намного позже. Когда люди осознали, что небо не твердое. Это убило астрологию, чего астрологи не заметили. Они еще более энергично стали нам что-то доказывать. А когда появилась малейшая возможность путешествия к другим мирам, тогда появился роман «Из пушки на Луну». Поэтому космонавтика — это детище нашего века. Но, если вы обратите внимание, массовая литература подвержена некой моде. Волнам. Шестидесятые-семидесятые годы — романы о завоевании космоса, космических путешествиях. Как только на Земле люди разочаровались в космосе, как только стало понятно, что космос не является легкой дорогой, где нас ждут на Марсе марсиане, то интерес к фантастике пропал. До космоса была другая волна — в сороковых-пятидесятых — о ядерной войне и гибели человечества. После этого — космонавтика. Компьютерные волны, до этого была волна биологии, генетики... Это все условно, но большая часть произведений в каждый период выходила на определенную тему. Основная функция фантастики — предостережение.

— *Как вы смотрите на «поколение некст»? Сегодня вручили «Аэлиту» самому молодому лауреату за всю ее шестнадцатилетнюю историю. Значит, пришло уже время «поколения некст»?*

— Я считаю, что этот вопрос немного неточен. Потому что, условно говоря, в современной фантастике сменилось несколько поколений. В фантастике поколения меняются часто, примерно раз в десять лет. Первым поколением были Стругацкие, я принадлежу ко второму поколению, поэтому Лукьяненко — от меня он, по крайней мере, через поколение. Сейчас стало больше писателей, потому что стало больше возможностей печататься. Появилось больше разнообразия. Появилась коммерческая фантастика, фэнтези, все, что угодно. Единственное, что сократилось — это серьезная социальная фантастика. Может быть потому, что наш российский писатель лучше работает под определенным идеологическим прессом. Как только пресса не оказывается, он начинает зарабатывать деньги. Я считаю, что современное поколение более коммерчески ориентировано, чем поколение, к которому принадлежу я. Из новых фантастов, кого я знаю. Я сам читатель. «Страна багровых туч» — это мои писатели, что увижу — так куплю и прочту. И всю жизнь я ищу для себя таких писателей «своих», и до сих пор после Стругацких я такого автора найти не могу. Есть книги, которые мне нравятся, есть писатели, которые пишут так, что мне нравится. Но такого родного, чтобы я стал поклонником... Может быть, я чего-то не знаю, кого-то пропустил. Я отдаю должное таланту Пелевина, но я люблю лишь некоторые его рассказы, это не мой писатель. Я не люблю его крупную прозу и не считаю ее фантастикой как таковой, скорее, это сюрреалистическая или постмодерновая проза. Я люблю какие-то вещи у Успенского, но я не могу сказать, что я куплю любую книжку Успенского. Что-то нравится больше, что-то меньше. То же самое относится к Лукьяненко. Нет книг,

от одного вида которых я бы трепетал. Штерн, Рыбаков... Рыбаков — слишком эпигон Стругацких, чтобы быть для меня самостоятельным автором. Хороший эпигон, как к мастеру у меня нет к нему претензий, хорошо пишет, но когда я читал его «Гравилет «Цесаревич», все внутри меня было против той придуманной и высосанной из пальца политической концепции, ради которой он писал этот роман. Концепция Рыбакова — не моя. И потом, далеко не все и не всегда попадает мне в руки. Я не могу выискивать новые вещи. Мне советуют почитать Семенову, там, или Штерна. Я понимаю, что человек хорошо пишет, но на пятидесятой странице я скисаю, понимая, что вот еще один рыцарь или витязь гоняется еще за одним драконом, и пятьсот страниц они будут ходить друг за другом. Я отдаю должное мастерству, но читателем не стану. Я не согласен с американизацией русской литературы. Мне не нравится сидение на двух стульях. Мне не нравится, что наш бандит оказывается лучше, чем их бандит. Наш бандит имеет право убивать тех бандитов, потому что он лучше, чем те бандиты. Каждый ищет оправданий для своего бандита. В результате мы можем убивать в Чечне, потому что мы хорошие, а американцы могут убивать в Сербии, потому что они хорошие. Для меня эта точка зрения неприемлема.

Историческая литература и фантастическая литература очень похожи. И та, и другая имеют дело с вымышленным антуражем. Если вы пишете роман о жизни России XVII века, воссоздавая образ мыслей, разговоров, поведения — никто ваш роман читать не будет. Вы должны придумать современный мир. Читатель должен иметь возможность поставить себя на место героя. Реального героя в придуманном антураже. То же самое происходит в фантастике.

— *Где настоящий Булычев — в «Девочке с Земли» или в «Заповеднике для академиков»?*

— Не знаю! Я меняюсь, как и каждый из вас. Меняюсь день ото дня, от утра к вечеру. Это все равно, что спросить, какого писателя я люблю. В 15 лет я любил одного писателя, в 25 — другого, а сегодня — третьего. Когда я сажусь писать Алису, я пишу Алису, и мне это интересно. Проходит какое-то время, и мне не хочется писать Алису, несмотря на то, что ее легче издать. Я сажусь писать «Реку Хронос», потом с таким же интересом пишу, например, «Должностные знаки Российской империи», книгу о наградах. Кто-то умный сказал: перемена занятия — самый лучший отдых. Я следую этому правилу, чтобы не сильно уставать.

— *Сразу несколько книг в работе?*

— Всякое бывает. Я неровный писатель. У меня есть слабые вещи, есть вещи получше. Иногда мне так хочется закончить вещь, что я начинаю спешно ее дописывать, хоть и понимаю, что это не лучший выход из положения. Но уж очень хочется закончить. Я лучше всего пишу рассказы, мне надо писать рассказы. Но — не очень хочется. Впрочем, иногда пишу их. Но я меняюсь, я уже говорил. Вот «Гусляр» для меня постепенно вымер, поскольку его пародийность начала менять вектор, и я для себя придумал город Веревкин. Я несколько вещей написал о городе Веревкине, он меня сейчас боль-

ше устраивает как фантастический пародийный город. Он гораздо серьезнее, чем Гусляр. Последняя повесть моя — о Веревкине. Это мое понимание Гусляра сегодня.

— *А где он находится? Он реален?*

— Да. Я даже встретил сегодня людей из этого города. Я шел, и они шли.

— *Это реальные люди?*

— Да. Дело в том, что город вымышленный. Но... Гусляр — это Великий Устюг, и он для меня абсолютно реален. Я, когда пишу, представляю улицы и площади Устюга. Веревкин — это город Венев Тульской области, тут сидят представители клуба из Венева, я туда к ним ездил. Этот город как разрушили в 1941-м, так до сих пор никто не догадался, что его надо восстановить. Одни памятники стоят везде.

— *Недавно, прочитав «Белое платье Золушки», я испытал ностальгию по временам, когда писались такие вещи. Вы такой ностальгии не испытываете?*

— Испытываю, но я изменился настолько, что не могу писать такие вещи. Если бы даже захотел, не смог бы написать «Золушку». Мне сейчас очень хочется написать продолжение «Подземелья ведьм», я даже знаю — про что. «Подземелье...» для меня не законченная вещь. Я о продолжении много думал, но написать не смог.

— *Экранизации ваших вещей вас устраивают?*

— Если я начну об этом говорить, это будет неэтично по отношению к режиссерам. Если я согласился на то, чтобы так и было, то о чем сейчас говорить... Я не могу сказать «Вася виноват, а я хороший» — это неправильно. Значит, я не написал сценарий так, как нужно было написать или не выстроил отношения с режиссером соответствующим образом. Со многими режиссерами у меня были дружеские отношения, с другими не были, от Данелии я вообще бегал по углам, потому что он террорист хуже Сталина. С ним ты чувствуешь себя стенкой для теннисного шарика — тебя бьют, бьют... Ты ему что-то рассказываешь, он выслушивает, потом говорит: «Это не годится». Потом он приходит на следующее утро и заявляет: «Я тут всю ночь не спал и вот что придумал». И рассказывает тебе, что ты ему рассказал вчера, но это он уже ночью «придумал». У меня так и не было «своего» режиссера, я его не нашел. Я ушел из кино не только потому, что я мастодонт, просто если меня что-то не устраивает, я не склонен спорить и доказывать.

— *Вы сами не хотели сниматься?*

— Нет! Я никогда не видел себя актером, и слава Богу. У нас все хотят заниматься не своим делом: режиссеры — писать книги, а писатели — сниматься.

— *А в фильме «Хоккеисты» в 1965 году?*

— Я был молодым, мне было любопытно все, что происходит вокруг. У меня на площадке были близкие друзья, и мы с ними вместе... Это была игра, нам очень нравилось. Я тогда и не думал, что буду фантастику писать, мне это в голову не приходило.

Подготовила Надежда МАРКАЛОВА

«Аэлита» — девятнадцать!

«Аэлита-2000» проходила в последний уикэнд марта сего года, как всегда, в Екатеринбурге. Как всегда, тусовка веселилась, пила пиво, общалась, как могла. Как и в прошлом году, семинары были захватывающими и поучительными.

Интересным было обсуждение жанра фэнтези. Доклад теоретика фэнтези Августы Косаревой вызвал немало вопросов к докладчику. Присутствующие поспорили о славянском фэнтези, о русском языке и его использовании в русском фэнтези.

Самый горячий спор разгорелся при обсуждении этики критика. Попытки филолога Татьяны Суворовой достаточно доходчиво объяснить, что такое критика и как должно критиковать, не нашли понимания у большого числа начинающих зоилов. Хотя Татьяна всего лишь перечисляла основные правила написания хорошей критической заметки о романе, многие так и не поняли, что критиковать автора, а не конкретное произведение, да еще с позиции «я умный, а ты дурак» абсолютно неприемлемо для профессионала. Попутно возникло обсуждение на тему «Что такое страдающий герой и должен ли вообще герой произведения страдать?»

Не менее интересны были встречи с авторами, в частности, Сергей Лукьяненко ответил на вопросы начинающих журналистов и писателей из клуба «Каравелла», созданного в свое время Владиславом Крапивинным, и поведал фэнам о своей работе над двумя следующими романами, один из которых — продолжение «Холодных берегов», а второй — совершенно оригинальная работа.

Вопросы детей были несколько стандартны:

— *Что для вас «Аэлита» и фантастика?*

— «Аэлита» — это замечательное мероприятие, без которого я себя не представляю, каждый год мы сюда съезжаемся, знаем, что через год снова здесь будем. Это место, где мы встречаемся друг с другом. Это своеобразный клуб, точка отсчета, мы даже меряем свою жизнь от «Аэлиты» к «Аэлите», вспоминаем события: это было на такой-то «Аэлите», это на такой-то... Фантастика это вся наша жизнь, способ нашего существования в ней.

— *Почему Вы стали писать?*

— Я начал писать тогда, когда было трудно достать хорошие книги. Я писал то, что хотел прочитать, и писал для себя. Когда ты не находишь ту книгу, которую ты хочешь прочитать, ты ее пишешь сам. Все очень просто.

— *Почему же фантастика? Почему не описывать, например, родную природу?*

— Ну какая же тут природа! Я вырос в суровых степях Казахстана. Я степной человек, я дерево увидел в первый раз, когда мне было, наверное, лет пятнадцать, поэтому о природе я писать не мог. Прихо-

дилось писать о бетонных джунглях, о грохочущих железках.

— *А каких авторов Вы читали в детстве?*

— Ну, в детстве я читал серьезных взрослых авторов. Среди моих любимых тогда были Диккенс, Гюго, Жорж Санд. Для человека в возрасте десяти-одиннадцати лет это, наверное, не очень подходящие авторы, но мне нравилось. Но фантастику я всегда читал с наибольшим удовольствием.

— *Как пишется в соавторстве?*

— Не знаю, все как-то само собой получается. Вот пришел ко мне Юлик (Юлий Буркин) и сказал: «Я хочу написать роман ужасов для детей. Ужасы я писать умею, а вот для детей не умею совсем. Давай скооперируемся». Я говорю: «А какой там будет сюжет?» Он мне: «А сюжет там будет таков: вначале дети попадают в будущее и их там все хотят убить, потом они попадают в прошлое, и за ними гонятся древние египтяне, а потом они попадают в наше время, но за ними следом попадает мумия фараона и тоже пытается их убить». Эта повесть сегодня называется «Мама». Я это все выслушал и говорю: «Юлик, страшно все это писать». Он мне говорит: «Нет, ты представь, ночные улицы города, горят редкие фонари, бегут два маленьких испуганных мальчика, а за ними бежит фараон мертвый и потрясает томагавком... Я это хочу написать в подарок своим любимым детям». Я говорю: «Юлик, ты, конечно, очень добрый человек...» И вот мы с ним сидели два дня, непрерывно пили чай самоварами, что-то писали. Так вот, сидели, спорили, каким будет сюжет, и наконец у нас стал получаться какой-то сюжет, а потом, когда написали первую главу, посмотрели — это же получается не роман ужасов, а юмористический роман. Юлик говорит: «Но мы-то задумывали совсем другое!» Но потом решили, раз получается, пусть будет, как получается.

Ю. Буркин.

— Не совсем так, у нас получался юмористический роман, а я все это перетягивал в сторону ужасов, так что получилось, как мы и задумывали.

— Да, фараон там все-таки есть, правда, за детьми он не гонялся, но томагавк у него был.

Г. Прашкевич.

— Самый страшный роман ужасов написал мой младший внук. Он начал свою историю такими словами: «Собиралась козочка погулять. Попрошлась с мамой».

Ю. Буркин.

— Вопрос был — как писать в соавторстве. Я считаю, что в соавторстве писать нельзя — нельзя писать психологическую прозу, нельзя писать то, что идет от сердца, от души. А когда пишется экшн, приключенческая какая-то вещь, это очень помогает.

Вручение же призов проходило в том же Камерном театре, что и в прошлом году, более того, когда открылся занавес, мы обнаружили, что на сцене все еще(!) установлены декорации к прошлогоднему вручению, а именно — изумрудные палаты Медной Горы Хозяйки.

Пришедшие на вручение стали свидетелями разговора двух второсортных авторов, которые хвастались, своими второсортными призами за второсортные романы.

- Ну, сколько романов ты написал в этом году?
- Написал семь, опубликовал восемь.
- Неплохая идея, может, я тоже из своих трех толстых сделаю штук девять тонких?
- Знаешь, я думаю, что девять тонких — это лучше, чем три толстых.

Потом один из авторов похвастался коллеге «переходящим призом имени Сергея Лукьяненко за создание образа детей в фантастике». Приз, по его словам, представлял собой «квадрат три на четыре метра, в котором находился мальчишечка такой упитанный, лет тридцати». Речь двух авторов была пересыпана шутками, которые в Голливуде называют «in-jokes», то есть шутки, понятные только узкому кругу людей, в данном случае, только любителям фантастики. Периодически после каждого более-менее серьезного высказывания своего напарника его коллега спрашивала почему-то шепотом: «Что по этому поводу думает мичман Харитонов?» На что первый автор обычно отвечал, что мичманом Харитоновым его не запугать. «Прошлись» приятели и по последним курьезным событиям в фэндоме, например, по решению Юлия Буркина создать в Томске еще один конвент под названием «Аэлита-2» и провести его в последний уикэнд июля, во время, уже «забитое» под пермский кон «Фэндом-2000». Впрочем, фэны встретили это решение не очень радостно. Им не понравилось ни название (могли бы что-нибудь пооригинальнее выбрать), ни место, ни время проведения кона.

В этом году «Аэлите» как фантастическому призу и как лучшему в России конвенту фанта-

стики исполнилось 19 лет. Правда, сам приз вручался в семнадцатый раз — были два года, когда праздники фантастики не могли состояться по банальнейшей причине — отсутствию средств. У «Аэлиты», кроме того, что она является праматерью всех нынешних конов в России, есть еще одна отличительная черта: приз вручается произведению, которое уже было проверено временем. Очень часто в литературе появляются произведения, имеющие шумный успех, чаще всего по достоинству, но, нередко — и в силу определенной конъюнктурной ситуации. И только время расставляет точные акценты. «Аэлита», что очень важно, стремится сохранить преемственность поколений. Так было на самой первой «Аэлите», когда приз разделили Аркадий Стругацкий и старейшина творческого цеха фантастов Александр Казанцев. Может быть, такая тенденция консервативна, но это здоровый консерватизм.

Призы нынче вручала первая и единственная «мисс Аэлита» Ольга Рачеенкова.

Главный приз кона «Аэлита» за вклад в развитие жанра был вручен петербургскому поэту и прозаику Вадиму Сергеевичу Шефнеру. Присуждая эту премию, жюри имело в виду выдержавший многие переиздания роман «Лачуга должника». Сам лауреат по состоянию здоровья (ему 85 лет) предстать перед публикой не смог, поэтому за него приз получил Василий Владимирский.

Приз имени Ефремова вручен за вклад в развитие фантастики и ее пропаганду Нине Матвеевне Берковой (г. Москва). Опять же возраст и здоровье помешали ей присутствовать на церемонии, поэтому приз увез в Москву Евгений Харитонов.

Приз «Старт» второй год подряд уплывает в Нижний Новгород. Его получила Наталья Резанова за роман «Последняя крепость».

Приз имени Виталия Бугрова за достижения в области критики и библиографии присудили московскому критику Владимиру Гопману.

Н. МАРКАЛОВА

«Фэндом-2000»

(Окончание. Начало на стр. 34.)

пуга и с интересом спросил — «А вы что, Толкина любите?» Вот ведь народ пошел! Ночью разбуди, спроси о Толкине, и ведь ответят...

Фестиваль, проходивший в библиотеке Пушкина, открывался и закрывался сценками из жизни вселенского фэндомы. Тут были и неандертальцы, и звездолетные (будущие аналоги домовых-вагонных), и критики будущего с 64 зубами, и профессор Выбегалло, и мифическая баба-яга Урсула Виевна — почетный член клуба, прибывшая из будущего на темпоральной лопате вместо рядовой фэнтезийной метлы. Заключительным аккордом фестиваля стала пресс-конференция с деятелями пермского фэндомы. На конференции присутствовали Александр Лукашин — председатель старого пермского КЛФ «Рифей», Евгений Филенко — один из первых членов «Рифея», ныне писатель-фантаст, Раис Зарипов — фэн, распро-

странявший зарубежную фантастику задолго до того, как ее разрешили печатать. Было задано многовопросов. Любителей фантастики интересовало, конечно, творчество писателя Филенко, у которого В. Владимирский взял, наконец, интервью. Фэны интересовались и направлением работы клубов прошлого, общением с другими клубами во времена отсутствия электронной почты. Проще говоря, происходил обмен опытом.

Фестиваль 1999 года был, конечно, более богатым на иногородних гостей. Но фестиваль года 2000 оказался, пожалуй, более продуктивным. Выяснилось, что не только гости фестиваля могут рассказать что-нибудь интересное, но и самим пермякам есть, что обсудить, запланировать на будущее, подвести итоги деятельности клуба, наконец, приятно просто пообщаться с друзьями из других городов.

Мария ЛУКАШИНА

АДСКОЕ ПЛАМЯ

Комментарий к неизданной Антологии

Борис Анибал (Масаинов). Моряки Вселенной: Повесть. — М., 1940.

Александр Казанцев. Пылающий остров: Роман. — М., 1941.

Николай Плавильщиков. Недостающее звено: Повесть. — М.-Л., 1945.

Сергей Беляев. Приключения Сэмюэля Пингля: Роман. — М., 1945.

Александр Казанцев. Взрыв: Рассказ-гипотеза. — М., 1946.

Владимир Брагин. В Стране Дремучих Трав: Роман. — М.-Л., 1948

Абрам Палей. Остров Таусена: Повесть. — М.-Л., 1948.

Леонид Платов. Архипелаг Исчезающих Островов: Повесть. — М.-Л., 1949.

Александр Студитский. Ущелье Батырлар-Джол: Повесть. — М., 1949

Вадим Охотников. Дороги вглубь: Повесть. — М., 1950.

Лазарь Лагин. Остров Разочарования: Роман. — М., 1951.

Валентин Иванов. Энергия подвластна нам: Роман. — М., 1951.

Лев Теплов. Среда Рея: Рассказ. — М., 1955.

Владимир Немцов. Осколок солнца: Роман. — М., 1955.

Георгий Гуревич. Подземная непогода: Повесть. — М., 1956.

Глеб Голубев. Золотая медаль Атлантиды: Повесть. — М., 1956.

Виктор Сапарин. Однорогая жирафа: Рассказ. — М., 1958.

Иван Ефремов. Туманность Андромеды: Роман. — М., 1958.

Юрий Долгушин. ГЧ (Генератор чудес): Роман. — М., 1959.

Александр Шалимов. Ночь у мазара: Рассказ. — М., 1960.

Анатолий Днепров. Уравнения Максвелла: Повесть. — М., 1960.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Путь на Амальтею: Повесть. — М., 1960.

«Это было в начале сорок девятого. Горбоносой студентки прелестная челка. Я сказал: «Ты похожа на Анну Ахматову!» А она: «Как не стыдно! Ведь я ж комсомолка!» (Валентин Берестов).

А. Михайловский: «Фантастика должна только развивать фантастические идеи науки».

А. Ивич: «Книга должна учить бдительности».

Десятки критиков из года в год подозрительно докапывались: а на чем это горючем болтаются в космосе корабли фантастов? Н.С.Хрушев выразил эту мысль гораздо откровеннее: чье сало едите?..

Сумрачным вечером, кажется, в октябре, а может уже и в начале ноября 1976 года Виталий Бугров и я, хлюпая башмаками по мокрому, расплзающемуся под башмаками снегу, бродили по каким-то московским переулкам, отыскивая дефицитный в те годы изюм. Но говорили мы не о домашних делах, это нам тогда и в голову не приходило. Ни на что, в том числе и на прохожих, не обращая внимания, мы обсуждали попавшие нам в руки не совсем обычные машинописные записи.

Если верить этим записям, наши отечественные фантасты, оказывается, давно обштопали своих мно-

гочисленных англоязычных коллег! Самосдерживающиеся штаны, неснашивающиеся калоши, трактора без водителей (все равно водитель запьет и вывалится из кабины), партийные собрания по всем поводам — все путем, все нормалек, вот настоящая прогрессивная, в высшей степени человеческая фантастика, пусть и ближнего прицела, зато бьет точно, а эти придурки англосаксы черт знает что обсуждали на своих дискуссиях. Артур Кларк и Говард Фаст (тогда уже не друг Советского Союза), Роберт Хайнлайн и Джон Браннер, Пол Андерсон и Элджис Бадрис, Айзек Азимов и Рэй Брэдбери, ну и еще масса занятных людей, и все они говорили не о том, как построить еще один более мощный трактор или скроить еще одни гораздо более быстро самосдерживающиеся штаны, а напротив — путались, пугались чего-то, запугивали друг друга. Если А.Кларк замечал, что на его взгляд, Луны мы достигнем в 1970-м году (дискуссия фантастов состоялась в 1958-м), а Марса и Венеры в 1980-м, то Говард Фаст ему возражал: «А не шагает ли астронавтика слишком быстро вперед — если учесть, как мы топчемся на месте в области морали, социологии? По-моему, — как-то нехорошо добавлял он, — это и есть настоящая проблема, а не соперничество между двумя блоками или конфликты между профсоюзом грузчиков и правительством». И уж совсем странные вещи говорил А. ван Вогт: «Мы не имели права сбрасывать бомбу на Хиросиму, но раз мы сделали это без угрызений совести, хотя и с запоздалым со-

(Продолжение. Начало в № 1.)

жалением, то надо быть уверенным в том, что какой-нибудь американский, русский или китайский патриот не уверит себя в том, что взять инициативу превентивной войны на себя и нажать красную кнопку — это не только неизбежный, но даже высокоморальный и гуманный шаг...»

Но и это не главное. Это мы с Бугровым могли пережить. Больше всего нас поразили слова, сказанные Д.Кэмпбеллом и Мак Рейнолдсом, кстати, даже не фантастом, а всего лишь американским резидентом в Танжере, но человеком почему-то при этом уважаемым.

Вот что они сказали.

Д.Кэмпбелл: «Гипердемократия старается наказать гения, отняв у него большую часть заработка налогами. Тому, кто случайно открыл нефтяное месторождение стоимостью в десять миллионов долларов, просто повезло, и это нисколько не противоречит законам гипердемократии. Он заплатит только двадцать пять процентов налогов, но тот, кто заработал десять миллионов на гениальном изобретении, будет считаться типом асоциальным, врагом народа, и гипердемократия заставит его заплатить за открытие девяносто процентов от всего им полученного. Я, Джон Кэмпбелл, не желаю жить с дураками. И я не хочу стеснять гения своим присутствием. Единственное подлинное право, единственное о чем стоит спорить и говорить — это право быть человеком, отличным от других.»

Замахнулся!

А за ним и Мак Рейнолдс: «Если когда-нибудь советский режим будет свергнут, Россия завоюет весь мир. По-настоящему эффективный режим при потрясающих качествах русского народа приведет к экспансии, с которой может сравниться только Римская империя. Американская секретная служба должна делать все, чтобы укрепить советский строй и подержать Хрущева...»

Не уследила, не справилась с этим важным делом американская секретная служба...

«...Я слышу мерную поступь стальных легионов труда на мирных путях. Все наши друзья — в их рядах! Они идут на указанных им народом местах. Их поступь сильна и тверда. И они никогда не устанут, потому что идут в ногу с народом.

Пойдемте с ними!»

Вот где правда — (В.Иванов, «Энергия подвластна нам»), а этот Кэмпбелл... «Единственное подлинное право — это право быть человеком, отличным от других»...

Че попало!

Есть такая коряцкая сказка: гусь сел рядом с человеком, долго на человека смотрел, ничего в нем не понял и полетел дальше.

Чему, впрочем, удивляться, если советская критика и в 70-х о романе Е.Замятина писала так: «Утопия Замятина пророчит, что человек превратится в ноль, а общество станет скопищем муравьев... все до единого принципы, которые Замятин приписывает коммунизму — это доведение до предела логики

империализма» (Ю.Рюриков, «Через 100 и 1000 лет»; не худшая, кстати, книжка о советской фантастике, — Г.П.).

Если когда-то герой А.Грина («Фанданго») мог заявить: «Я остаюсь честным, потому что люблю честность...», а странные герои Надежды Бромлей откровенно ничего и никого не боясь заболевали «недугом расщепления идей», то в 40-50-х фантасты старались вообще не касаться таких вещей. Официально фантастике предписывалось быть только научной. Другими словами, фантастику всеми средствами превращали в жанр антихудожественный. Фантастике вверялось лишь укреплять веру читателей в близкое и счастливое будущее, а будущее, понятно, определялось успехами науки, ведомой партией и правительством. «Вот вы пришли, чтобы я уморил вас для пользы науки, — говорил герой рассказа Л.Теплова «Среда Рея» («Техника — молодежи», 1955), — стало быть, вы верите в науку». Совершенно недвусмысленно говорилось, что истинно прогрессивной наука может быть только у нас. Не какая-то там кибернетика, придуманная идиотом, и не какая-то там генетика, придуманная монахом, а марксизм, черт возьми, материализм, диалектика! То, что в итоге это выливалось в откровенную механистичность, никого не трогало. Выращивать деревья, то уж по метру в день (Г.Гуревич, «Тополь стремительный»), искать корень кок-сагыза, то уж самый огромный (А.Студитский, «Ущелье Батырлар-Джол») ... Даже тип нового романа определился — прозроман ускоренного типа — С.Бобров, «Спецификация идитола». Книги становились гораздо менее интересными, чем биографии их создателей. Тот же Сергей Бобров, автор «Спецификации идитола» и таких авантюрных «прозроманов ускоренного типа» как «Восстание мизантропов» и «Нашедший сокровище» писал о себе: «После революции был недолго заметным деятелем московского Союза поэтов, выпустил три авантюристических романа, преподавал математику, работал в ЦСУ, побывал в тюрьме и в Кокчетаве...»

Последнее мне особенно нравится.

«Побывал в тюрьме и в Кокчетаве...»

Это вам не измышления бывшего большого друга СССР Говарда Фаста и не анекдоты какого-то Блиша!

Механистичность, похоже, вообще в нашей крови.

В.Г.Богораз-Тан в замечательной монографии «Чукчи», изданной в 1934 году Институтом народов Севера ЦИК СССР, с некоторой грустью отмечал:

«Впрочем, когда местные казенные ученые затевали собрание статистики по собственным домыслам, не списывая с казенных образцов, результаты получались еще более оригинальные: так, в архиве одного из камчатских поселков я нашел копию статистического рапорта следующего рода:

Петр Рыбин.....52 года от роду.

Семен Березкин.....43 года от роду.

Иван Домошонкин.....47 лет от роду...

Итого всей деревне.....2236 лет от роду».

Однажды — мне только-только стукнуло один-

надцать лет — у одного своего приятеля я увидел тоненькую книжку, бумажную обложку которой украшал рисунок чудовищной обезьяны. Обезьяна боролась с набросившейся на нее пантерой. Вот где, наверное, масса приключений! — подумал я. И наугад раскрыл книжку.

«Бабочки у него были: гигантские орнитоптеры, летающие в лесах Индонезии и Австралии, и крохотные моли. Орнитоптеры привлекали его величиной и благородной окраской, в которой черный бархат смешивался с золотом и изумрудами. Моли нравились ему по другой причине: расправить тончайшие крылья этих крошек было очень трудно...»

Интересно...

«Он смотрел на большую стрекозу с бирюзовым брюшком, летавшую кругами вокруг него. Стрекоза хватала на лету комаров. Иногда оторванное крылышко комара падало, кружась у самого лица Тинга. Тогда он видел, как оно переливалось перламутром в колочке луче...»

Оторванное крылышко комара меня покорило.

Так, совершенно случайно, я наткнулся на научно-фантастическую повесть «Недостающее звено», что, несомненно, изменило мою жизнь, ибо через некоторое время я вступил в долгую и совершенно замечательную переписку с автором указанной повести — профессором Николаем Николаевичем Плавильщиковым, известным энтомологом и писателем (1892-1962).

Потрясенный проявленным мною интересом, приятель подарил мне книжку, но через неделю ее у меня стащили. Потрясенный этим событием, я, в свою очередь, разыскал «Недостающее звено» в городской библиотеке (благо книжка была издана относительно недавно — в 1945 году) и незамедлительно украл ее. Как бывает в таких случаях, книжку у меня снова увели. Так повторилось несколько раз, пока, наконец, я не получил экземпляр от самого автора — с авторграфом, в котором впервые взрослый человек обращался ко мне по имени-отчеству. Самое ужасное, что в начале 60-х пропал и этот экземпляр, так что в моей библиотеке хранится сейчас совсем другой, подаренный мне на день рождения старым другом...

Н.Н.Плавильщиков был не просто последним энциклопедистом, он был талантливым последним энциклопедистом. Его «Очерки по истории зоологии» или, скажем, «Гомункулус» до сих пор остаются превосходным чтением для любого возраста, его энтомологические работы до сих пор восхищают специалистов, а на великолепных переработках Ж.Фабра и А.Брэма выросло не одно поколение....

Вообще-то в фантастику писатели часто приходили из науки.

Иван Антонович Ефремов — крупный палеонтолог, основал одну из ее дисциплин — тафономию, учение о закономерностях захоронения ископаемых организмов, Александр Петрович Казанцев — инженер, изобретатель, Александр Шалимов, Дмитрий Биленкин — геологи. Геологом и географом был знаменитый Обручев, младший из братьев Стругацких — астрофизик... Незадолго до войны на месте нынешних Лужников можно было наткнуться на интерес-

ную компанию, занимающуюся вовсе не писательским делом. «Не то в луже, не то в озерке, — вспоминает А.Казанцев, — плавал в изобретенной им резиновой лодочке, выполненной заодно с резиновыми сапогами-ластами, Юрий Александрович Долгушин. Взрывал на месте будущего стадиона свои чудо-запалы Охотников...» Работал с ними и Г.Бабат, тоже проявивший себя в литературе.

Я открывал для себя фантастику в те годы, когда она определялась именами Александра Казанцева, Ивана Ефремова, Юрия Долгушина, Вадима Охотникова, Владимира Немцова, Виктора Сапарина, Валентина Иванова, Леонида Платова, Георгия Гуревича... Кого-то из них я знал, с кем-то переписывался, кто-то чисто по-человечески помог мне стать самим собой... Самое лучшее, сказал я себе, садясь за второй том Антологии, обещанной Н.Гацунаеву, это вновь увидеть тот мир, конкретно увидеть, понять изнутри...

Письма.

Г.И.Гуревич (30.VIII.88): «Шпанов был высок... чуть сутулился, помню серо-седые волосы, кажется, очки. Биография у него колоритная. Кажется, в 1926 году он летал на воздушном шаре, совершил вынужденную посадку в области Коми. Написал об этом десять раз, понравилось...»

Впрочем, это для первого тома.

Г.И.Гуревич (26.VII.88): «...В ноябре 1945 демобилизовался, решил стать писателем. Первые месяцы после войны у людей были наивные надежды на вольности в печати. Начиналась мирная жизнь. Открывались журналы. Фантастику даже просили. Думаю, сыграла роль атомная бомба. Реальностью оказались фантазии... А фантастики не было. Мой приятель и соавтор (Г.Ясный, — Г.П.) организовал свидание с редактором «Огонька» Сурковым. Сурков выслушал в пол уха, сказал: «Ну, давайте!» — и забыл... В феврале повесть «Человек-ракета» была готова. В апреле ее приняли в Детгиз, в июле она прошла по радио, в ноябре-декабре была напечатана в «Знание — сила», в июле следующего года вышла отдельной книжкой, в августе, кажется, была одобрительная рецензия Л.Гумилевского в «Литгазете», а в декабре разгромная — в «Культуре и жизни» — «Халтура под маркой фантастики». Дело в том, что повеяли холодные ветры. Дошла очередь и до фантастики...»

Холодные ветры, понятно, это и известное постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года — «О журналах «Звезда» и «Ленинград», — отмененное только через сорок три года. Выступая в Ленинграде, А.А.Жданов сказал: «Советские писатели и все наши идеологические работники поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а наоборот, вырастают задачи идеологического фронта и в первую голову литературы».

Вот так-то.

Г.И.Гуревич (26.VII.88): «...Литературная весна не состоялась. В фантастике это выразилось в теории

ближнего прицела. Идейная подоплека ее: есть мудрый вождь, который видит дальше всех. Он указал дорогу к Коммунизму. Есть Госплан, серьезное учреждение, все распланировано на пятилетку. При чем же тут кустари-писатели? А они должны воспевать эти стройки, должны воспевать планы советских ученых...

Критики, конечно, были за ближний прицел. Критики доказывали, что наша задача — улучшать жизнь на Земле, а американцы отвлекают нас от практических задач, маня космосом. Помню, на одном обсуждении в ЦДЛ взял слово читатель — майор — и сказал: «Я не понимаю, у нас в войсках есть артиллерия ближнего боя, есть и дальнобойная. И в литературе должно быть так». Критики снисходительно улыбались...

Вышел в свет роман В. Брагина «В Стране Дремучих Трав» (1948). Увлеченно и необычно описал В. Брагин приключения крошечного человечка среди гигантских трав и насекомых, в мире, обычно не бросающемся в глаза. Но именно потому, что роман В. Брагина выделялся своей увлеченностью и необычностью, он и был подвергнут жесточайшему разному. Не помогло и то, что два издания книги (1948, 1959) были снабжены послесловиями доктора биологических наук Н. Н. Плавильщикова и академика А. И. Опарина. В. Брагина упрекали за отрыв от жизни, от живой истории, от живых человеческих дел, жестоко отчитывали за то, что он, автор, якобы мечтает о том, чтобы наш замечательный советский человек стал совсем малюсеньким (герой романа, проглотив специальную пилюлю, уменьшался во много раз, для него любая полянка сразу становилась дремучим лесом), чтобы он только тем и был занят, что сражался с насекомыми. А в 1960 году критик С. Полтавский еще и удивлялся: «В. Брагин после суровой и справедливой критики его романа в печати, насколько нам известно, не выступал с новыми произведениями. Это следует считать самой существенной его писательской ошибкой».

Ненаписанные книги...

Известно, что М. Булгаков собирался работать над фантастическим романом «Планета-победительница», И. Ефремов начинал писать роман о Чингизхане, Алексей Толстой набросал подробный план «Судеб мира»...

Все эти книги уже никогда не будут написаны.

Пыль. Духота. Солнце печет, куры купаются в пыли разрытой ими завалинки. 1957 год, станция Тайга, улица Телеграфная. Ночью над деревьями низко Марс, смотрит на мир ржаво и равнодушно. Я пытаюсь изучать его таинственные каналы с помощью трубы, сооруженной из очковых стекол. Не думаю, что Скиапарелли пользовался такой же, да и зрение у итальянца было острее. Зато я пишу фантастические повести и рассказы...

Н. Н. Плавильщиков (31.V.57): «Фантастика — жанр заманчивый, но трудный. Не стоит писать так, как пишут Немцов и Охотников, это третий сорт в лучшем случае. И очень хорошо нужно знать те раз-

делы науки, которые хочешь использовать для фантастического рассказа...»

Я был внимательным учеником.

Я учился.

Наверное, я умел учиться, потому что такие повести, как «Разворванное чудо», «Мир, в котором я дома», «Снежное утро», еще кое-что впоследствии целиком выросло из детских черновиков, набросанных в счастливое жаркое лето 1957 года. Названия правда были другие. «Гость Аххагара», «Контра мундум», «Горная тайна»... Единственный черновик, который мне как-то не пригодился — «Под игом Атлантиды», роман, модная, надо сказать, в те годы тема...

Н. Н. Плавильщиков (18.IX.57): «Из современных фантастов всех острее пишет Лагин. Казанцев и Платов неплохи. У Ефремова вещи очень неровные, кое-что просто скучно...»

Мало помалу я начинал прозревать. Восторженность сменялась критичностью.

Да, конечно, размышляя я, посылка «Десятой планеты» Сергея Беляева изящна. Еще одна планета Солнечной системы, расположенная по отношению к Земле точно за Солнцем. И движется с такой же скоростью, как Земля. Этакая планета-невидимка... Но, восхищаясь, я уже видел главный недостаток повести: робость воображения. Сергей Беляев изменял себе: из года одна тысяча девятьсот сорок восьмого его герои попадали всего лишь в одна тысяча девятьсот пятьдесят шестой год...

Но я-то сам жил уже в 1957-м! И мог сравнить мир повести, наполненный роскошными мраморными дворцами, с миром Тайги, переполненным деревянными покосившимися бараками... Что-то тут не вязалось... Может и хорошо, думал я, что Сергей Беляев не дожил до 1956 года, окружающий мир, несколько не изменившийся за последний десяток лет, несомненно разочаровал бы писателя...

Но вот «Приключения Сэмюэля Пингля»!

Вещь для Антологии, с этим и Виталий Бугров согласился, а уж он в фантастике знал толк.

Читая «Приключения Сэмюэля Пингля», я терялся.

«Я родился в 1632 году, в городе Йорке, в зажиточной семье иностранного происхождения; мой отец был родом из Бремена и обосновался сначала в Гулле. Нажив торговлей хорошее состояние, он оставил дела и переселился в Йорк... У меня было два старших брата. Один служил во Фландрии, в английском пехотном полку — том самом, которым когда-то командовал знаменитый полковник Локгарт; он дослужился до чина подполковника и был убит в сражении с испанцами под Дюнкирхеном. Что случилось со вторым моим братом, не знаю, как не знали мои отец и мать, что случилось со мной...»

И дальше:

«Так как в семье я был третьим, то меня не готовили ни к какому ремеслу, и голова моя с юных лет была набита всякими бреднями. Отец мой, который был уже очень стар, дал мне довольно сносное образование в том объеме, в каком можно его получить,

воспитываясь дома и посещая городскую школу. Он прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях...»

Нет, это еще не Сергей Беляев. Это Даниэль Дефо. Беляев вот:

«Родился я в конце первой мировой войны в Эшуорфе, крошечном и уютном городке на берегу Атлантического океана, в семье Айзидора Пингля, писемоводителя конторы замка Олдмаунт майората лорда Паклингтона... У родителей я был последним ребенком и единственным, оставшимся в живых. Многочисленные братцы и сестрицы, рождавшиеся раньше меня, умирали в младенчестве...»

И дальше, ткнув пальцем в первую попавшуюся страницу:

«Помнится, рассказывал он об одном корабле, который был так велик, что когда становился поперек Дуврского пролива, то его нос упирался в шпиги башни Кале на французском побережье, а развевавшийся на корме флаг смахивал в море с Дуврских скал пасшихся там овец. Мачты этого корабля были так высоки, что мальчишка-юнга, отправлявшийся по вантам на верхушку, опускался обратно на палубу уже глубоким стариком с предлинной бородой...»

Научные идеи романа, к сожалению, уступали описанным приключениям. Ведь трудно всерьез принять такое вот откровение: «Если из тканей собаки выделить белок и искусственно придать ему способность паразитирования, а затем ввести в организм живой кошки, то можно вызвать перестройку ее белков; это сообщит кошке свойства собаки».

Я бы даже сказал: нагловатое утверждение.

Зато читался роман на одном дыхании.

А Валентин Иванов!

«Энергии, энергии и энергии! Еще и еще! Сколько ни вырабатывается энергии, ее все же мало человеку!» — так начинался его роман, изданный в 1951 году в Трудрезервиздате.

Г.И.Гуревич (30.VIII.88): «...Валентин Иванов из старой русской интеллигенции. Мать его преподавала французский. Сам он был инженером-строителем и пришел в «Знание — сила» со статьями о строительстве. Был он рассудительно разговорчивый, сдружился с Жигаревым, выдал «По следу». Потом была «Энергия подвластна нам», проходила жутко трудно, нельзя было полслова сказать об атомной энергии. Затем последовал «Желтый металл». Эта книга изъята из библиотек. Вот тут впервые проявился, грубо говоря, шовинизм, мягче — национальный патриотизм. Идея была: показать, что жадность заглушает всякое родство, во имя золота всякие готовы предать и родину и свой народ. Но получилось у него, что в компании валютчиков татары — жадюги, грузины — развратники и фанфароны, русские — обманутые дураки, а хуже всех жида, эти и на сговор с фашистами пойдут. Шум подняли грузины, и книгу изъяли...»

Между прочим, в романе «Энергия подвластна нам» Валентин Иванов замечал как бы между делом: «Исходное действующее вещество, включаясь в ничтожных, по отношению к отрезкам времени, количествах,

устремлялось с такой скоростью, что опасный момент образования энергии происходил в значительном удалении от источника...»

Нечто подобное, хотя на другом, конечно, уровне, разовьет позже Станислав Лем в повести «Голос неба»... Зато у Валентина Иванова враги пытались ударить по СССР не чем-нибудь, а отраженным от Луны пучком радиоактивных излучений!

Поднявший меч...

А.Р.Палей (10.VIII.88): «...За антилысенковский роман «Остров Таусена» меня лаяли во всех органах прессы, включая «Литературу в школе» и «Естественное в школе». Результатом было надолго отлучение меня от печати и от всех способов заработка. Берия меня тоже не обошел вниманием, но, к счастью, поздно вспомнил обо мне: взяли 13 февраля 1953 года, а выпустили 31 декабря того же года... Какие обвинения мне предъявили при вожде? Сначала, что я хотел убить его и Маленкова. Это, конечно, не удалось хоть как-нибудь доказать. Потом — в клевете. И что я не соглашался с докладом Жданова о литературе. Воображаю, как смеялись над этим пунктом в Верховном суде... Все же дали мне 10 лет с последующей высылкой, и я мог бы их реализовать, если бы в начале марта не произошло важнейшее событие (смерть Сталина, — Г.П.), после чего меня реабилитировали, правда, только к Новому году...»

14 февраля 1993 года, за несколько дней до столетия Абрама Рувимовича Палея, я посетил его на Полтавской улице, лежащей недалеко от столичного стадиона «Динамо». Слышал он плоховато, напомнив мне Циолковского — маленький костяной старичок в большом кресле, но он все слышал, он здорово старался все услышать и это ему удавалось. Он был полон любопытства. Он, написавший «В простор планетный», и «Гольфштрем», и «Остров Таусена», и «Без боли», вдруг заинтересовался — каким все же образом радиоволны проходят сквозь стены?..

Время переполняло его.

Он вспомнил вдруг некую сотрудницу журнала «Революция и культура». Эта милая женщина принимала у него стихи, никогда их не печатала и чертовски при этом любила жаловаться на жизнь. Это сблизило с нею Палея. Будучи человеком добрым, он понимал, он сочувствовал — ну да, сырая комнатенка... одиночество... безденежье... а профсоюз не позволяет продать пишущую машинку — орудие производства... Когда однажды знакомое лицо в траурной рамке появилось во всех газетах, Палей ахнул — Н.Алилуева...

Он был полон любопытства. Он даже прочел стихи. Он показал книгу стихов «Бубен дня», изданную им в Екатеринославе в 1922 году, и показал корректуру книги стихов, только еще выходящей в Хабаровске. «Первое стихотворение я написал в семь лет, последнее буквально на днях...»

Единственный, быть может, советский фантаст, действительно переживший крушение двух империй.

Все же важнейшее событие случилось — диктатор умер.

В 1954 году в толстом журнале «Новый мир», всегда чуравшемся фантастики, выступил писатель-фантаст Ю. Долгушин.

Уже одно то, что в «Новом мире» выступил писатель-фантаст, было необычно. И Долгушин этим воспользовался. В статье — «Поговорим всерьез» — он опять и опять подчеркивал: фантастика — необходимый жанр, фантастика нужна читателям, фантастика будит воображение юных читателей, фантастика дает понять, что наука это вовсе не сумма школьных или институтских знаний... Фантастических книг, напоминал Долгушин, выходит в стране прискорбно мало, «...а те, что есть, страдают недостатками в литературно-художественном отношении, либо не отвечают задачам настоящей научной фантастики... Словом, положение таково, что в нашей современной научной фантастике нет ни одного произведения, которое стало бы любимой настольной книгой молодого писателя... В печати не появилось ни одной статьи, в которой серьезно, со знанием дела решались бы насущные вопросы этого жанра, его теории, специфики, мастерства. Кроме Всеволода Иванова, ни один из крупных писателей или критиков не выступил в защиту научной фантастики... А ведь в результате этого попустительства издательства стали буквально бояться печатать научно-фантастические произведения. Начали без конца консультироваться с критиками, специалистами, академиками. Невероятно долгим и тернистым стал путь рукописей. Некоторые авторы отошли от фантастики. Новые почти перестали появляться».

Тем не менее, фантастика продолжала существовать, иногда, кстати, в формах чрезвычайно занятных.

Александр Казанцев, например, в 1946 году в журнале «Вокруг света» опубликовал рассказ-гипотезу «Взрыв».

Сам Казанцев рассказывал позже об этом так:

«...На этих-то непроезжих фронтовых дорогах дождливым августом 1945 года я услышал по трофейному радиоприемнику сообщение на английском языке о том, что на Хиросиму сброшена атомная бомба. Потряс и сам факт бесчеловечного уничтожения мирного населения города, и подробности взрыва: ослепительный шар ярче солнца, огненный столб, пронзивший облака, черный гриб над ним и раскаты грома, слышные за сотни километров, сотрясение земной коры от земной и воздушной волн, отмеченные дважды сейсмическими станциями. Все эти детали были знакомы мне еще со студенческой скамьи, со времен увлечения тунгусской эпопеей Кулика, когда тот искал в тайге Тунгусский метеорит.

По приезде в Москву я обратился в Сейсмологический институт академии наук СССР, и попросил сравнить сейсмограммы тунгусской катастрофы 1908 года с атомными взрывами в Японии. Они оказались похожи как близнецы. Во мне проснулся и зашептал фантаст: «А падал ли вообще Тунгусский метеорит? Ведь не осталось ни кратера, ни осколков! Почему там, в эпицентре, стоит голыми столбами лес, а вокруг на площади, сравнимой с небольшим

европейским государством, все деревья лежат веером? Не произошел ли взрыв в воздухе, срезав ветви лиственниц в эпицентре, где фронт волны был перпендикулярен стволам, и повалив все остальные, в особенности на возвышенностях, даже отдаленных? Не был ли взрыв атомным?..»

В 1950 году, продолжая поднятую тему, в журнале «Знание — сила» Борис Ляпунов напечатал очерк «Из глубины Вселенной». Правда, в противовес А. Казанцеву, Б. Ляпунов утверждал, что неведомый космический корабль, взорвавшийся над Тунгусской, прибыл к нам не с Марса, а с Венеры...

Шум, поднятый вокруг публикаций, оказался таким, что ученым из Метеоритной комиссии при АН СССР пришлось малость «попридержать» разошедшихся фантастов...

«Известия» (23.IX.1994).

Алексей Тарасов: «Красноярский инженер убежден, что нашел осколок тунгусского метеорита».

Если бы только...

«Инженер Лавбин утверждает, что в одном из космических осколков он обнаружил рукотворный предмет... Еще раз хочу удостовериться: на самом деле все так?.. «Да, действительно, расчищая вот это тело (обломок метеорита, — Г.П.), я наткнулся на шевелящийся предмет. Он рукотворный. Но говорить об этом рано, надо обстоятельно его изучить».

Обладеть можно! Предмет рукотворный, шевелящийся...

«...Когда первый вариант романа (а их было четырнадцать) был написан, — рассказывал А. Казанцев историю создания «Пылающего острова», — в газете «Правда» появилась статья первого секретаря ЦК комсомола товарища А. Косарева о необходимости бороться с суевериями вроде распространения безответственных слухов о столкновении Земли с другой планетой и гибели всего живого. Оказывается, сценарием, опубликованным в «Ленинградской правде», воспользовались сектанты, чтобы пугать паству близким концом света. Роман мой рухнул, я сам не рискнул бы теперь его печатать. Результат — нервное потрясение. Все майские дни 1938 года лежал с высокой температурой. «Если отказаться от столкновения Земли с Аренидой, — полубредил я, — исчезнет памфлетная острота сюжета. От чего же оттолкнуться, чтобы сохранить символическую всемирную опасность, устранить которую способны электрооружие и сверхаккумуляторы?» Встряска способствовала озарению. Выход нашлся. Правда, роман пришлось переписать заново... «Аренида» стала островом (в первом варианте это был астероид, — Г.П.), и человечеству грозили не космические катаклизмы (столкновение планет), а вызванный людьми же пожар атмосферы. «Аренида» загорелась и стала «Пылающим островом»...»

Н.Н. Плавильщиков (28.VIII.57): «Часто думают, что написать научно-фантастический рассказ легче и проще, чем обычный. Тут, дескать, выручит сама фан-

тастика. Это глубокая ошибка. Сравните фантастику А.Толстого с произведениями Охотникова, Немцова и Компании. Разницу за версту видно. Почему? А.Толстой действительно писатель, для него фантастическая часть повести или романа только прием, через который он раскрывает читателю нечто от жизни (то же Уэллс, то же Лагин). А Охотников, Немцов?... Пример не они, а А.Толстой, Уэллс, Лагин... Жюль Верн устарел, да он и не фантаст, а географ...»

Н.Н.Плавильщиков (4.IV.58): «...Как я писал «Недостающее звено»?.. Очень часто спрашивают — не у меня, а вообще: как вы работаете; просят: расскажите, как писали такую-то вещь. На эти вопросы нельзя ответить точно: всегда отвечающий будет ходить вокруг да около и спрашивающий не услышит того, что ему хочется услышать. И это понятно. Возьмите какой-либо другой случай. Вопрос: хорошего закройщика спрашивают: расскажите, как вы кроите? Он отвечает: а очень просто. Гляжу на заказчика, делаю несколько промеров, кладу на стол материал и... раз, раз ножницами! Спрашивающий проделывает в точности то же, и... портит материал. Секрет прост: опыт, его словами не передать, а в творческой работе — внутренние процессы, которых не знает сам творческий, как передать словами их. Поэтому ответ будет очень формальный.

Так и со «Звеном».

Издательство привязалось: напишите что-нибудь фантастическое о предках человека. Просят сегодня, просят завтра. Мне надоело. «Ладно, говорю, напишу». И самому занятно: что выйдет? Немного времени уделить на этот эксперимент я мог. Как и о чем писать? Питекантроп... А как его — живого — свести с современным человеком? И не ученым, это будет скучно. Вот и придумал своего героя. А почему его потянуло на питекантропа? Устраивается завязка: встреча с Дюбуа. Кошка на окне — просто так, для интригующего начала и ради причины переезда на другую квартиру. Затем новая задача. Как устроить встречу Тинга с питеком? Можно — лихорадочный бред, можно — во сне. Но это привяжет Тинга к постели, а мне нужно, чтобы он был в лесу. Цепь мыслей: бред больного — бред пьяного — бред отравленного...

Вот оно!

Пьяный, сами понимаете, невозможно, да он и не набегает много, а ткнется в куст и заснет. Отравленный — дело другое. Чем отравить? Всего занятнее — чего-то наелся в лесу. Ну, я ищу — чем его отравить. И вы видите, получилось: отравка подходящая во всех смыслах. А дальше... Придумывается, что могли делать питеки, ищутся способы использования местной фауны тех времен, пейзажа и проч. Выглядит это совсем просто, да так оно мне и казалось: основная работа шла в голове, даже без моего ведома. А потом готовое попало на бумагу. Конец пришлось переделывать: редакция потребовала более спокойного конца (у меня было так: Тинг обиделся на Дюбуа, переименовал бабочки и т.д.) и пришлось писать ту мазню, что в конце последней страницы...

Как видите, нужно надумать основную сюжетную линию, а затем подобрать материал. Мне это было совсем нетрудно: я знаю, что примерно мне нужно, а главное — знаю, где это искать. Остается компоновка.

Вот и смотрите: научились вы чему-нибудь?

Вряд ли...

Можно написать о том же в десять раз больше, но суть останется той же: поиски «объекта» и возможностей его обыгрывания. Отравленный желтыми ягодами обязательно «бегает». И вот — ряд всяких пейзажных и иных моментов, которые должны отразить «беготню» и вообще настроение отравленного. Говорят, это получилось. Не знаю, как с «настроением», но концы с концами я свел. Для меня это был эксперимент особого порядка: суметь показать бред так, чтобы это выглядело явью, с одной стороны, и чтобы все события, якобы случившиеся, были оправданы и состоянием бредящего и окружающей его обстановкой. Тинг видит себя в лесу и прочее тех времен, но бегает-то он по современному лесу. Отсюда ряд пейзажных и сюжетных комбинаций: современность, преломленная в прошлое. Так как наши дни и дни питека не столь уж резко разнятся (в тропиках и подавно) по составу фауны и флоры, то сработать все это было не так уж и хитро. Конечно — зная.

Вот это-то «зная» и есть одно из двух основных условий работы: нужно знать то, о чем пишешь, и нужно уметь рассказать, то есть уметь увидеть описываемое и уметь передать это словами, причем не в живой речи, а на бумаге. Для того, чтобы иметь и то и другое, нужно время (особенно для приобретения знаний), а для писателя еще и опыт. Способности — сами собой, но некоторые «средние» способности есть почти у каждого, а Пушкины и Алексеи Толстые — великие редкости и по ним равняться не приходится...

Но самое фантастичное, как всегда, происходило не в книгах, а в жизни.

Г.И.Гуревич (26.VII.88): «В обиходе тогда входили Казанцев, Немцов и Охотников. Самым процветающим был Немцов. «Немцов вездесущ, как господь бог», — сказал мне как-то Казанцев. Самым характерным — Вадим Охотников. Профессиональный изобретатель, он и писал о том, как интересно изобретать. Его «Пути-дороги» — о том, как строили дороги, плава грунт. Построили и прекрасно!.. А главный сборник его — «На грани возможного»... Охотников сам полный был такой, больной сердцем, на машине ездил за город, чтобы писать на свежем воздухе. Помню, как он рассказывал чистосердечно: «Вызвали нас в СП, говорят: «У вас в группировке 350 человек, неужели нет ни одного космополита?» Ну, мы подумали, что люди вы молодые, инфаркта не будет, к тому же и в газетах вас обругали...» Потом он уехал из Москвы в Старый Крым, там и похоронен неподалеку от могилы Грина».

Эх, Булгаков, если бы ты что-нибудь понимал...

Еще в 30-х Александр Беляев заметил в одной из

статей, что для романа о будущем (коммунистическом, понятно) необходим новый конфликт — «конфликт положительных героев между собой».

В 1962 году на московской встрече писателей-фантастов братья Стругацкие повторили практически то же самое. На их взгляд конфликты людей будущего — это «борьба не добра со злом, а добра против добра. В этих конфликтах будут сталкиваться два или несколько положительных героев, из которых каждый убежден и прав по-своему, и в чистоте стремлений которых никто не сомневается. Они и в ожесточенных столкновениях останутся друзьями, товарищами, братьями по духу».

Сравните это с цитатой из новогоднего интервью, данного братьями Стругацкими газете «Вечерняя Москва» (1964): «Двухтысячный год... Что будет характерно для человечества в то время?.. Во-первых, все международные конфликты будут решены. Во-вторых, во всем мире начнется наступление за человека в человеке, разные страны и государства будут использовать в этом отношении опыт, накопленный в СССР, а у нас работа по воспитанию людей нового уже завершится, исчезнут из жизни явления, которым соответствуют ныне понятия мешанства, обывательщины, мракобесия...»

Я привожу эту цитату 25 октября 1994 года.

Сегодня вторник, идет снег. Рубль падает, Чечня дерется... Занятно думать, что к 2000-у году у нас «работа по воспитанию людей нового уже завершится»...

Впрочем, все это — лишь о вреде прогнозов.

К концу 50-х заглохла космическая тема, обмелела до предела социальная струя в фантастике, сама фантастика превратилась в литературу полуприкладную, полутехническую. Если когда-то фантасты и впрямь, в меру отпущенного им таланта и воображения, пытались лепить образ Нового человека — мятущегося интеллигента, гениального ученого-одиночку, великолепного инженера, конструирующего мечту, борца-патриота, побеждающего козни и заговоры мирового империализма, простого рабочего паренька, справляющегося как с многочисленными врагами народа, так и с непомерными горами Знаний, то теперь образ был как бы уже и создан — Простой Советский Человек! — и нечего было к этому образу добавить. Если Евгений Замятин считал долгом доносить свои нелицеприятные взгляды до читателей, то Владимир Немцов, скажем, давным давно забыл, что когда-то в юности писал лирические стихи и даже абстрактные картины. Восхищение В.Немцова вызывали теперь совсем другие вещи, совсем другие фигуры. И убедителен был при этом В.Немцов чрезвычайно (цитирую его книгу «Параллели сходятся», 1975): «К.Е.Ворошилов, человек из легенды, герой гражданской войны, в конце Отечественной войны ведал вопросами культуры в стране, и знал культуру он прекрасно, не хуже, чем систему вооружения Советской Армии. В этом я убедился, когда Климент Ефремович вручал орден за мою уже не изобретательскую, а литературную деятельность...»

Умри Денис, лучше не напишешь!

«С особым волнением и благодарностью вспоминаются встречи с такими людьми, чьей деятельностью ты как бы по компасу проверяешь взятый тобою курс: не изменило ли тебе партийное чутье, чувство гражданского долга в самых, казалось бы, повседневных, будничных делах...»

Не изменило.

В ноябре 1951 года на дискуссии о состоянии и путях развития научной фантастики, организованной Домом ученых, Домом детской книги и ленинградским отделением Союза писателей, В.Немцов с удовольствием повторил с трибуны столь любимый им тезис: «Мы пишем о нашем сегодняшнем дне, либо заглядываем совсем недалеко, через два-три года. Наша жизнь настолько интересна, фантастична, что от нее трудно оторваться, и именно о ней и нужно писать...»

Получалось так.

Красноармеец Гусев летел устраивать революцию на Марсе — судьба заблудших атлантов его интересовала, профессор Преображенский дивился хитростям революции, еще больше дивясь нраву Шариковых, герои Адамова, выполняя приказ страны, не успевали закрывать ртов от удивления перед подводным миром, все время открывающимся перед их глазами, даже герои «Земли Санникова» с глубоким сочувствием, но и с изумлением вглядывались в странную жизнь онкилонов, я уж не говорю о неистовом интересе к миру героев Итина, Окунева, обоих Беляевых!.. И только герой Владимира Немцова, рассказывая об уникальном полете над Землей в искусственной космической лаборатории «Унион», спокойно признается: «Скучали, и больше всего смотрели на Землю... На большом экране вы, наверное, видели ее лучше нас. Я-то не особенно восхищался. Вода, пустыни, туманы... Не видели мы самого главного, что делали руки человеческие. Не видели каналов, городов, возделанных полей...» И когда этого любимого писателем героя — Багрецова или Бабкина — спрашивали, хочет ли он первым побывать на Марсе, он, ни секунды не задумываясь, отвечал: «Только для познания и славы? Не хочу! Вот если бы я знал, что, возвратившись с Марса, мог бы открыть на Земле новые богатства, вывести для тундры полезные растения, тогда бы полетел...»

И так далее, как говорил Велимир Хлебников.

«Я согласен выносить голод, жару, бомбы, обстрел, болезни и раны, но не чувство удивления. Я с детства пришел к простоте и ясности. Я врагами считал непонятные книги, непонятные явления». (В.Немцов. «Снегиревский эффект», 1946).

Однажды в Малайзии, в Куала-Лумпуре, Миша Давиденко, опытный китаист, объездивший всю юго-восточную Азию, предложил мне и драматургу Сене Злотникову попробовать плод дуриана. Запах, конечно, дерьмовый, сказал Миша, щуря свои узкие глаза, скажем так, трудноватый запах. Миша даже изумленно прищурился. Но если забыть про запах, победить запах, сделать первый укус, глоток, все! — вас уже за

уши не оттащат от дуриана. И на Северном полюсе вы будете мечтать о дуриане. Никакой запах вам не будет страшен, ибо вы познали вкус!

Сильная речь.

Мы решились.

Мы купили круглый, как брюква, и такой же голый плод дуриана. Мы выбрали самую зеленую и милую лужайку в самом центре Куала-Лумпура. Как настоящие белые люди мы возлегли на траве и Сеня Злотников достал из кармана изящный позолоченный ножичек, с которым объехал чуть не полсвета. Вас от дуриана теперь за уши не оттащат, сказал, любовно поглядывая на дуриан, Миша Давиденко. Жаль, он, старый китаист, столько этих дурианов съел, что ему вот прямо сейчас необходимо выпить пива. Он на минутку отойдет во-о-он туда, выпьет баночку пива и вернется, чтобы это, значит, оттащить нас за уши от полюбившегося нам дуриана.

И Миша отошел.

Было безумно жарко — далеко за сорок. Мы с Сеней испуганно переглянулись. Прикрикни на нас в тот момент кто-нибудь, даже не полицейский, нас не надо было бы за уши оттащить от дуриана, мы побежали бы сами. Мы вдруг вспомнили официальное предупреждение, помещенное на очень видном месте у входа в отель: плоды дуриана не вносить!.. Правда, это предупреждение в запретном списке шло вторым после наркотиков. Но опять же... За внос наркотиков правительство Малайзии обещало смертную казнь...

— Что там обещали за внос дуриана? — спросил я.

Сеня Злотников мрачно пожал плечами. Судя по тому, что дуриан идет сразу после наркотиков... Пожизненное, наверное...

— Давай, — решил я. — Режь. Мы только кусанем пару раз, а потом нас за уши не оттащат.

Наверное, мы не успели зажать носы.

Сеня сделал легкий разрез, царапинку, нечто почти теоретическое, незаметное, как марсианский канал, и на нас явственно пахнуло трупом. В тропической влажной жаре запах многократно усилился. Обливаясь потом, оглядываясь — не спешат ли к нам с воем полицейские машины? — мы быстро закопали плод дуриана в землю. Кстати, вместе с ножичком, о чем Сеня даже и не жалел. По крайней мере, когда уже в отеле, отдышавшись, я предложил ему смотаться на знакомую лужайку, раскопать могилку дуриана и забрать позолоченный ножичек, он почему-то вздрогнул и отказался.

Да привыкнете, убеждали критики. Подумаешь, — ближний прицел! Нормальная фантастика. Самосдергивающиеся штаны, многолемешные плуги, робот, почти научившийся чинить карандаши...

Привыкнете!

Прекрасный жанр!

Вас потом за уши не оттащат.

В.И.Немцов (28.XI.88): «...О теории «фантастики ближнего прицела» я не слышал, хотя некоторые

из критиков — родителей «чистой фантастики» — ругали меня за «приземленность», а однажды была даже статья в молодежной газете, которая называлась «Изменивший мечте». Да и теперь иные критики и редакторы торопятся объявить «техническую фантастику» устарелой. Мне же думается, могу даже утверждать, опираясь на свой жизненный опыт, как в технике, так и в литературе, что такая теория не имеет под собой основания. Дело ведь даже не в том, будет ли осуществлена в практической жизни та или иная техническая невидаль, придуманная автором книги, важно, как он об этом рассказал. Заставил ли читателей сочувствовать герою книги, маявшемуся в поиске решения технической задачи, и ненавидеть тех, кто мешает герою осуществить свой замысел на благо людям. А если в читателе (тем более юном) заложена изобретательская жилка или способность к конструированию, то такая книга как раз и поддержит его в таком деле, оно станет для него любимым, и тогда, как предрекал Горький, большие вопросы политехнизации школы будут решаться легче...»

Другими словами: вас потом за уши не оттащат, вот только бы запах перебороть.

Г.Н.Голубев (15.X.88): «...Руководил тогда журналом «Вокруг света» Виктор Степанович Сапарин. Сапарин — человек в высшей степени интеллигентный, эрудированный, а главное, очень внимательный и доброжелательный к молодежи. Он оставил несколько превосходных научно-фантастических рассказов («Суд над танталусом», «Однорогая жирафа»), но, конечно, мог бы сделать гораздо больше, если бы не уделял все свое основное внимание журналу. Попытку любого из сотрудников журнала или начинающих авторов научных статей попробовать свои силы в фантастике или в приключенческой беллетристике он всячески поддерживал и поощрял. Благодаря прежде всего Сапарину «Вокруг света» стал школой, из которой в литературу вошли мы с Н.Коротеевым (он был вторым разъездным корреспондентом), приключенцы В.Смирнов, Е.Федоровский. Здесь были напечатаны первые рассказы Олега Куваева, Д.Билленкина, одно время возглавлявшего в журнале отдел науки, интересные очерки писавшего еще под своей настоящей фамилией и с научными титулами Кира Булычева, а в созданном при журнале донныне уникальном приложении «Искатель» опубликовали свои первые рассказы его первый редактор, к сожалению, рано ушедший В.Саксонов (Зыслин), М.Емцев и Е.Парнов...»

В.Сапарин, «Голос моря». Трудрезервиздат, 1952.

Герой повести ленинградский профессор физики Петр Иванович Смородинов приезжает в южный санаторий, в здравницу, как тогда говорили. Во время одной из прогулок профессор Смородинов случайно замечает, что перед штормом от берегов моря ушли все медузы. Интересно, что заставило их уйти, этих странных тварей, плавающих, как известно со слов А.Толстого, посредством вздохов?.. Размышляя об этом, профессор Смородинов беседует с различными опытными людьми, в том числе с местным метеорологом.

Метеоролог — дитя своего времени. На невинный вопрос о прогнозе погоды он отвечает пространно и недвусмысленно: «На территории нашей страны погода всегда находится под непрерывным наблюдением. Но ведь не всюду находятся наши метеостанции или станции дружественных нам стран. Некоторые наши «друзья» по ту сторону моря не прочь «подослать» нам неожиданный шторм...» Ну, а что касается открытия, делается оно профессором совместно с рыбаками. Поняв, что медузы улавливают неслышимый для человеческого уха инфразвук, профессор Смородинов строит замечательный прибор. «Ну вот, — говорит он удовлетворенно, — когда много людей включается в какое-нибудь дело, всегда получается результат. Может быть ошибка Черноморской станции в том и заключалась, что они мало привлекали «посторонних», пытались всего достичь своими силами.» И заканчивает восхищенно: «Как это здорово, что хорошая инициатива у нас, словно снежный ком, обростает мыслями, идеями и предложениями помощи со стороны самого широкого круга людей!»

В.И. Немцов (28.XI.88): «...С Вадимом Охотниковым я действительно был знаком. Человеком он был добрым и, как мне казалось, голова его была переполнена всяческими техническими идеями».

Вадим Охотников, «Новое зрение». Трудрезервиздат, 1952.

Студент пятого курса Электротехнического института Миша Савин едет опять же к берегам нашего южного моря. И речь теперь идет об ультразвуке, о создании другого замечательного прибора — эхолота. Он чрезвычайно прост. «Представьте себе металлический ящик. В нем куча радиоламп, а на крышке всего один измерительный прибор, похожий на счетчик такси. Никаких измерений бумажной лентой делать не надо! Никаких вычислений делать не надо. Раз — и готово! Устройство из радиоламп все само измерит и подсчитает с изумительной точностью, и на экране сразу выскочит цифра, указывающая расстояние от поверхности воды до дна».

Но дело, собственно, не в этом ящике.

Миша Савин встречает слепого — бывшего морского офицера Василия Ивановича. Его мечта — создать прибор, с помощью которого можно свободно видеть под водой, и такой прибор герои повести, естественно, создают. Столь же естественна и следующая задача — вернуть зрение Василию Ивановичу. Впрочем, здесь все еще проще: Василий Иванович... прозревает сам. Героям остается лишь поклясться, что в дальнейшем они будут трудиться еще самоотверженнее.

В. Иванов, «В карстовых пещерах». Трудрезервиздат, 1952.

Карстовым пещерам в 50-е везло не меньше, чем Атлантиде и снежному человеку. Понятно... Карст это не колхозы с их проблемами, не беспаспортные крестьяне... Начинается повесть В.Иванова с легенды, услышанной в Западном Предуралье — о сподвижниках Салавата Юлаева, бежавших после разгрома

пугачевского восстания куда-то в пещеры... Геологи Новгородцев и Карнаухов занимаются, разумеется, не сбором фольклора, но, открывая для нужд нового строительства мощную подземную реку, находят останки сподвижников Салавата Юлаева.

Апофеоз: «Громко заговорил радиорупор.

— Начинаем утренний концерт по заявкам пассажиров. По просьбе пассажиров вагона номер шесть исполняется песня о Сталине.

— Это я просила. Я очень люблю песни о нашем Сталине, — просто и гордо сказала девочка...»

Как-то на дубултинском семинаре ленинградский писатель-фантаст Александр Иванович Шалимов, человек деликатный, воспитанный, рассказывал о Памире 30-х годов, когда там еще хозяйничали басмачи, а к пограничным заставам нередко спускались с ледников волосатые галуб-яваны, так на Памире называют снежного человека. Понятно, эти несчастные попадали в руки чекистов. К сожалению, ответить на резкие, в упор поставленные вопросы — кем подослан? на кого работаешь, падла? признаешь ли диктатуру пролетариата, бандит? — галуб-яваны при всей своей внешней расположенности к новым властям, ответить не могли — не знали языков. На всякий случай упрямых волосатиков ставили к стенке. Александр Иванович (он в то время был геологом) и его друзья никак не успевали поспеть к месту происшествия вовремя, чтобы вырвать очередного галуб-явана из рук принципиальных чекистов.

— Но однажды... — волнуясь, повысил голос Александр Иванович, — однажды совсем рядом от нашего лагеря мужественные пограничники... захватили... самку... самку... самку...

Волнуясь, он никак не мог закончить начатую фразу и кто-то уважительно подсказал с места:

— ...басмача!

Странно все же... Почему Александр Иванович не использовал в своих книгах такие сюжеты?..

В 1958 году на Всероссийском совещании по научно-фантастической и приключенческой литературе, состоявшемся в Москве, встретились Г.Гребнев, В.Немцов, Г.Тушкан, Н.Томан, А.Адамов, К.Бадигин, Л.Шейнин, К.Андреев, Е.Брандис, В.Сыгин, Б.Ляпунов, Г.Гуревич, А.Полещук, П.Аматуни, А.Казанцев... Шел уже 1958 год, но В.Пальман и сейчас свой доклад назвал восхитительно просто: «Книга должна учить бдительности».

А, впрочем, что изменилось?

«К половине двенадцатого все было готово к встрече. В ста метрах от шара ровными рядами выстроились батальоны полка. Ближе расположился оркестр и почетный караул. В пятидесяти метрах от корабля стоял микрофон...»

Так Г.Мартынов в романе «Каллисто» описывал встречу землян с каллистянами. На следующей странице играли государственный гимн планеты Каллисто. «Офицеры приложили руки к козырьку фуражек».

Пятьдесят семь часов девяносто четыре минуты.

Думаю, здесь уместно привести отрывок из статьи А. и Б. Стругацких, написанной как раз в конце 50-х (цитирую по рукописи, любезно предоставленной Б.Н.Стругацким):

«Ведущими научными фантастами, представляющими два главных направления в советской научной фантастике, являются, несомненно, Немцов и Ефремов. Мы склонны определить первое направление как техническое, второе — как художественное, потому что такое определение на наш взгляд достаточно точно характеризует существо дела.

Чем характерно техническое направление в советской фантастике? Прежде всего тем, что научно-технический элемент в нем имеет значение не завязки, не фона для событий, поступков действующих лиц, их приключений и действий, но значение самодовлеющей, первенствующей основы. Более того, научное открытие, техническое усовершенствование, необычайное явление природы само по себе является здесь главным действующим лицом, и весь сюжет, все поступки участвующих в событиях лиц связаны и строятся таким образом, чтобы как можно многостороннее, как можно тщательнее и солиднее ознакомить читателя с этим открытием, усовершенствованием, явлением. Жизнь людская играет в произведениях технического направления лишь чисто вспомогательную роль, люди передвигаются, разговаривают и переживают исключительно с таким расчетом, чтобы дать автору возможность уточнить или оттенить лишнюю деталь открытия, усовершенствования, явления. Это не может не вести — и действительно ведет — к тому, что сюжет, один из наиболее значительных элементов произведения этого жанра, коверкается, разрыхляется, наполняется ненужными в художественном произведении деталями, теряет всякую привлекательность. Для спасения сюжета (автор все-таки понимает, что научно-фантастическое произведение не должно быть скучным) приходится искусственно наращивать псевдотайнственные происшествия, всевозможные странные случайности, вводить действующих лиц, не имеющих для произведения, для развития действия никакого значения. Нужно отдать авторам технического направления справедливость: они прекрасно знают, о чем пишут. В их объяснениях, чертежах и схемах читатель, особенно малоподготовленный, не усмотрит никакого изъяна. Научная и техническая сторона обычно бывают оформлены безукоризненно и тщательно. Но что только не приносится в жертву этой безукоризненности и тщательности! Правдоподобие обстановки, правдоподобие поступков, правдоподобие характеров... наконец, нормальный, хороший литературный стиль. Образы действующих лиц, обреченных на монологи, избыточные специальной терминологией, на унылые разъяснения более или менее очевидных вещей, на поступки, которых от них в нормальных обстоятельствах (вне необходимости разъяснять и доказывать преимущества новых аппаратов) никак нельзя было бы ожидать — бледны, схематичны, бескровны. Если они

любят, то только молча и только товарища по работе или таинственную незнакомку, которая в конце концов, впрочем, тоже оказывается товарищем, правда, по другой работе. Если они ругаются, то только по поводу нехорошего дождя или безлунной ночи, мешающих их работе. Смеяться они не умеют — нет, а если они и смеются, то именно в тех местах, где свободно могли бы обойтись без этого. Разговаривать подобно обыкновенным людям они тоже не умеют. Они не говорят, они читают по бумажке выписки из технической энциклопедии, изредка принимаясь острить, и остроты их плоски, как земля в представлениях первобытного человека. В диалоге различить их невозможно. Приходится считать строчки: каждая четная — инженер-конструктор, каждая нечетная — таинственный незнакомец с папиросой. Если вы пытаетесь мысленно представить себе одного из таких героев, то с изумлением убеждаетесь, что это — нечто аморфное с самопишущей пластмассовой ручкой красного цвета. Иногда это «нечто» обладает, скажем, рыжими волосами и склонностью к юмору, но это помогает мало. Ходульность образов. Суконный стиль. Деревянный, изломанный сюжет».

Г.Н.Голубев (15.X.88): «...И в те годы, и сейчас критики порой упрекают нас за то, что мы слишком увлекались тогда фантастикой научно-технической. В этом есть, конечно, правда, но и были тому основательные причины. Немалую роль, как мне кажется, сыграло то, что многие из зачинателей научной фантастики тех лет были учеными или изобретателями, как В.Охотников, кандидатами физико-математических наук А.Днепров и Е.Парнов, физиком М.Емцев, этнографом Р.Подольный, пулковским астрономом Б.Стругацкий, инженерами Л.Теплов и Г.Альтов. Именно поэтому, скажем, А.Днепров любил писать новеллы, в основу которых была положена какая-нибудь научная идея, доведенная до парадоксальности, не слишком занимаясь глубокой разработкой характеров.

Но самой главной причиной увлечения многих чрезмерной научностью был, мне кажется, наш общий оптимизм тех первых послевоенных лет — вера в то, что именно научно-технический прогресс быстро приведет не только нашу страну, но и все человечество к счастью. Увы, эти надежды стали вскоре тускнеть, но для развития фантастики это было полезным: она стала глубже, умнее, разнообразнее. А что касается вздорной идейки Немцова насчет деления фантастики на литературу «ближнего» и «дальнего» прицела, то среди нас, молодых, она сама и дискуссии на эту тему на страницах «Литературки» вызывали только насмешки. Мы уже прекрасно понимали, что каждый имеет право писать о том, что его интересует и книги наши должны как можно больше отличаться друг от друга и по темам, поднимаемым проблемам, и по сюжетам».

Очень просто объяснял свое обращение к фантастике палеонтолог Ефремов (В.Бугров, «В поисках затрашнего дня», 1981):

«Причиной тому послужили два обстоятельства. Прежде всего, неудовлетворенность системой доказательств, которыми может оперировать ученый... Планы и замыслы ученого необычайно широки, а исполняются они, я думаю, в лучшем случае процентов на тридцать... Вот и получается: с одной стороны — всевозможные придумки, фантазии, гипотезы, обуревающие ученого, а с другой — бессилие добыть для них строго научные доказательства. Добыть на данном этапе, при жизни. И ясное осознание этого бессилия... А в форме фантастического рассказа я — хозяин. Никто не спросит — где вычисления, опыты? Что взвешено, измерено?... А второе обстоятельство — неудовлетворенность окружающим миром. Она, замечу, свойственна каждому человеку, полностью могут быть довольны лишь животные, да и то не всегда. Писатель, как и ученый, мечтает о лучшем, о гораздо лучшем. Но тяжелый воз истории катится своим темпом к далеким горизонтам, и темпы эти не упрекнешь в излишней поспешности...»

Но, кажется мне, прав и А.Н.Стругацкий, удивлявшийся в свое время дотошности научных выкладок Г.И.Гуревича: «Зачем вы тратите усилия на научные рассуждения? Все равно они спорны и вызывают излишние возражения. Пусть ваши герои садятся на некий аппарат и начинают действовать.»

Л.Д.Платов (23.XII.57): «...Нашим лучшим ныне пишущим советским фантастом является Ефремов. Он ученый с очень широким научным кругозором и, кроме того, прожил яркую, богатую приключениями жизнь: был и моряком, и начальником экспедиции. Он свободно берет любую научно-фантастическую тему, потому что у него хорошо организованное научное мышление. Между прочим, так говорил о себе Уэллс: «У меня хорошо организованный мозг». Уэллс был по образованию биологом, даже написал научную работу. Не случайно так хорошо получился у него «Человек-невидимка». Я могу тебе назвать еще одного советского фантаста, с которым я был знаком: Обручева Владимира Афанасьевича (в «Архипелаге исчезающих островов» — это Афанасьев). Характерно, что Обручев, академик, написавший более 250 научных трудов, очень свободно обращался с наукой. Понимаешь ли: он мог себе это позволить! В основу «Плутона» (кстати, написанной, по его словам, в пику Жюль Верну, который напутал по части геологии в своем романе «Путешествие к центру Земли») положена одна заведомо ошибочная гипотеза столетней давности... Когда я советовался в 1938 году по поводу своей повести «Дорога циклонов» с Героем Советского Союза Евгением Федоровым, только что вернувшимся с полюса, меня тоже поразило, как легко он находит решением тем «научно-фантастическим» трудностям, с которыми я обратился к нему. Он чувствовал себя запросто в мире научных фактов — вот что важно! Еще 20-30 лет назад можно было по-дилетантски подходить к научной фантастике, искупая отсутствие твердых знаний богатством выдумки и т.д. Сейчас, сам понимаешь, этого нельзя. Ты можешь быть биологом, а написать об астрономии, это не исключено. Но

научное мышление у тебя будет уже выработано, найден метод обработки материала. А затем уж идут фантазия, образный яркий язык, умение представлять характеры людей в сложных жизненных ситуациях, и т.д. Мой совет тебе: живи с широко раскрытыми глазами и ушами, обдумывай жизнь, присматривайся к людям (к людям, а не к проблемам — это относится и к научной фантастике), в центре задуманного произведения поставь человека: ученого, борца, открывателя, новатора. И пиши каждый день — для тренировки. Задача современной советской научной фантастики, по-моему, приобщить широкого читателя к миру науки, научить дальше видеть, заглядывать вперед».

Н.Н.Павильщиков (5.X.58): «...Возьмите в библиотеке журнал «Звезда» за 1958 год, сентябрьский номер. В нем статья Л.Успенского «Приключения языка»: автор изругал на чем свет стоит И.Ефремова за его «Туманность Андромеды» (написано по напечатанному в «Технике — молодежи», отдельной книгой этот роман еще не вышел). Действительно, много всякого «понасажал» Ефремов, но вам советую прочитать не ради того, чтобы узнать, как изругали Ефремова: прочитайте внимательно и сделайте надлежащие оргвыводы, как принято говорить, Статья не учит, как нужно писать, в ней лишь рассказано кое о чем из того, чего нельзя делать. А помимо того, это статья вообще о языке научно-фантастических и приключенческих рассказов и романов, а, значит, уже по одному этому вам надо с ней познакомиться...»

Л.Д.Платов (25.I.58): «...Ты пиши, имея перед собой Ефремова, А.Толстого, Уэллса, Стивенсона. У них и учись. Плохому не научат».

Иван Антонович Ефремов действительно был личностью необычной.

«Что может быть общего между автором бессмертного «Робинзона Крузо» — англичанином Даниэлем Дефо и великим фантастом Иваном Ефремовым? — задавалась в свое время вопросом газета «Аргументы и факты». — Первый создал английскую разведку, а второй, возможно, был ее сотрудником.

Как нам стало известно из компетентных источников, действительно, в 70-е гг. в стенах КГБ проводилась тщательная проработка версии о возможной причастности И.Ефремова к нелегальной резидентуре английской разведки в СССР. И что самое удивительное, окончательная точка так и не была поставлена — действительно ли великий фантаст и ученый Иван Ефремов — Майкл Э. — сын английского лесопромышленника, жившего до 1917 года в России?

Основанием для многолетней работы по проверке шпионской версии послужила внезапная смерть Ивана Ефремова через час после получения странного письма из-за границы. Были основания предполагать, что письмо было обработано специальными средствами, под воздействием которых наступает смертельный исход...»

Я запомнил И.А.Ефремова крупным неторопливым человеком. Он неожиданно рассказывал анекдот, потом столь же неожиданно задавал необычные вопросы. Например, прочел ли я «Анну Каренину», а если прочел, то в чем там, собственно, было дело?.. Кажется, по молодости лет я отозвался о романе не очень похвально, к тому же мне в то время казалась лишней заключительная часть романа...

Ефремов удивился.

Мы шли мимо кафе «Паланга» (по бывшему Калужскому шоссе)... Зеркальные стекла, вкусные запахи...

Впрочем, все это я уже описал в повести «Поворот к Раю»...

Туманность Андромеды...

О «Туманности Андромеды» писали много. Писали заслуженно. И все же мне кажется, знаменитый роман вовсе не открывал новых путей развития советской фантастики. «Туманность Андромеды», скорее, закрывала — неожиданно блистательно — долгую эпоху поисков Нового человека. Герои Ефремова летели к другим мирам, они поднимали руку на святое святых самого Пространства, они предавались свободному труду, выбирая его сами, оставаясь при этом людьми со всеми их человеческими сомнениями, колебаниями, даже ошибками. После стольких лет самых разнообразных, а, в сущности, самых однообразных извращений, вдруг появилась научно-фантастическая книга, в которой люди вовсе не занимались разработкой лишь самосбрасывающихся штанов. Если еще совсем недавно по космическому кораблю, описанному в романе Б.Анибала «Моряки Вселенной» (1940) шарашился некий полупьяный механик с масленкой в руке, то в романе Ефремова это было попросту невозможно.

Другой порядок. В математическом смысле.

«Девушка взмахнула рукой, и на указательном пальце ее левой руки появился синий шарик. Из него ударил серебристый луч, ставший громадной указкой. Круглое светящееся пятнышко на конце луча останавливалось то на одной, то на другой звезде потолка. И тотчас изумрудная панель показывала неподвижное изображение, данное очень широким планом. Медленно перемещался указательный луч, и так же медленно возникали видения пустынных или населенных жизнью планет. С тягостной безотрадностью горели каменистые или песчаные пространства под красными, голубыми, фиолетовыми, желтыми солнцами. Иногда лучи странного свинцово-серого светила вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали, насыщенные электричеством и плававшие, подобно медузам (посредством вздохов, — Г.П.), в густой оранжевой атмосфере или океане. В мире красного солнца росли невообразимой высоты деревья со скользкой черной корой, тянущие к небу, словно в отчаянии, миллиарды кривых ветвей. Другие планеты были сплошь залиты темной водой. Громадные живые острова, то ли

животные, то ли растительные, плавали повсюду, колыхая в спокойной глади бесчисленные мохнатые щупальца...»

Зато роман И.Ефремова открыл путь в фантастику совершенно новому поколению.

Г.Н.Голубев (15.X.88): «...А.Полещук был в высшей степени талантливый, остроумный и славный человек. Было в нем что-то мушкетерское от Портоса: круглощекий, крупный, с лихо закрученными усами. Меня привлекало не только его творчество, но и то, что в жизни он увлекался весьма фантастическими идеями: вместе с Емцевым и Парновым, вдохновляясь лишь одной фразой из «Диалектики природы» Энгельса, они ставили всякие хитроумные опыты, надеясь найти антигравитацию. К сожалению, Саша не успел ни перебраться в столицу из подмосковного поселка Томилино, ни стать членом Союза, как и не менее талантливый, но совершенно иной по характеру А.Днепров — сдержанный, суховатый, с желчным лицом застарелого язвенника, склонный к парадоксам и в жизни и в своих рассказах, многие из которых, мне кажется, стали классикой нашей научной фантастики. Оба они умерли слишком рано...»

Б.Н.Стругацкий (18.VIII.88): «...Писать фантастику мы начали потому, что любили (тогда) ее читать, а читать было нечего — сплошные «Семь цветов радуги». Мы любили без памяти Уэллса, Чапека, Конан-Дойла и нам казалось, что мы знаем, как надо писать, чтобы это было интересно читать. Было (действительно) заключено пари с женой Аркадия Натановича, что мы сумеем написать повесть, точнее -- сумеем начать ее и закончить, — так все и началось. «Страна багровых туч» после мыканий по редакциям оказалась в Детгизе, в Москве, где ее редактировал Исаак Маркович Кассель после одобрительных отзывов И.Ефремова (который тогда уже был Ефремовым) и Кирилла Андреева, который сейчас забыт, а тогда был среди знатоков и покровителей фантастики фигурой номер один... Иван Антонович в те времена очень хорошо к нам относился и всегда был за нас. В Ленинграде нас поддерживали Дмитриевский, работавший в «Неве» и Брандис — в то время чуть ли не единственный спец по научной фантастике. Правда, Дмитриевский так и не опубликовал нас ни разу, а Брандис все время упрекал Стругацких, что у них «машины заслоняют людей», однако же оба они были к нам неизменно доброжелательны и никогда не забывали упомянуть о нас в тогдашних статьях своих и обзорах... Сопротивления особого я не припоминаю. Ситуация напоминала сегодняшнюю: журналы печатали фантастику охотно, хотя и не все журналы, а в издательства было не пробиться... Помнится, что нас тогда раздражало, было абсолютное равнодушие литкритики. После большой компании по поводу «Туманности Андромеды» литкритики, видимо, решили, что связываться с фантастикой — все равно, что живую свинью палить: вонь и визгу много, а толку никакого. Мы тогда

написали несколько раздраженных статей по этому поводу — все доказывали, что фантастика всячески достойна внимания литературоведов. Однако эти статьи напечатать не удалось...»

Но это уже — другие люди, другие книги, другая Антология.

В 1934 году в издательстве «Биомедгиз» вышла удивительная монография В.К.Грегори «Эволюция лица от рыбы до человека».

На прелестной вклейке, открывающей книгу, как ветка дикий дерева, простиралась кривая с изображениями странных морд, приведших в итоге к человеческому лицу — тупая девонская акула, бессмысленная ганоидная рыба, нижнекаменноугольный эогиринус, пермская сеймурия, весьма лукавая на вид, жестокий триасовый иктидопис, меловой ископаемый опоссум, лемуroidный примат пропитекус, современная обезьяна Старого света, питекантроп, обезьяночеловек с Явы, замечательно описанный в повести Н.Н.Плавильщикова, и, наконец, римский атлет — при-

влекательный малый с несколько ироничным выражением на чуть поджатых губах. Наверное, он догадывался, что под него подкапываются. Наверное, он догадывался, что в СССР вот-вот выведут Нового человека, лик которого воссияет над всем этим звериным рядом. Наверное, он догадывался, что партийные вожди всерьез озабочены выводением такого человека. Догадывался, догадывался он о том, что скоро не он, а Новый человек замкнет эту долгую и весьма не прямую ветвь эволюции!..

«Где вы видели прогресс без шока, без горечи, без унижения? Без тех, кто уходит далеко вперед, и тех кто остается позади?.. Шесть НТР, две технологические контрреволюции, два кризиса... Поневоле начнешь эволюционировать...» (А. и Б. Стругацкие).

Эволюция, к счастью, не зависела от партийных вождей. Лик человеческий, истинное человеческое лицо формируется, к счастью, не по желанию Жданова или Суслова.

Эх, Булгаков, если бы ты что-нибудь понимал...

1986-1994

Там-сам издат

Юлий Буркин. «Цветы на нашем пепле». - М.: АСТ, 2000.

В сознании массового читателя фантастики (подчеркиваю — не фэна, а массового читателя) Юля Буркин всегда воспринимался, как лицо второстепенное, скорее часть, чем нечто целое. В какой-то мере это действительно так. Мышление рок-музыканта позволяет ему с легкостью «работать в группе», то бишь писать в соавторстве. Вспомним «Остров Русь» и «Подлинную историю ансамбля Битлз». Вдобавок Юлий — виртуоз малой формы: до сих пор ему лучше всего удавались повести, рассказы, и поэтому появление его первого «сольного» большого опуса вызвало естественный интерес и настороженность. Надо сказать, вполне оправданные.

Хочется немного отступить от темы. Без сомнения, художник Сева Мартыненко уже давно заслужил себе бронзовый памятник. С давних пор он оформляет творения друзей — как Юлия Буркина, так и Сергея Лукьяненко, но чтобы рисунок послужил толчком к написанию книги — такого не упомяну. Эльф с автоматом, а вот поди ж ты! Свой opus magnum Юлий Буркин сочинял четыре года, но воистину результат того стоит. Сюжет книги раскручивается медленно, как гигантская юла, но, раскрутившись, захватывает насмерть и уже

не отпускает до самого конца. А главное, Буркин знает, когда надо остановиться — после прочтения совершенно не хочется воскликнуть традиционное: «А дальше?», ибо вопросов уже не остается. Отточенный на малых литературных формах стиль автора чувствуется везде. Ничего лишнего, никакой «воды», все предельно функционально, просто и красиво этой простотой. И даже немного «хромающая» средняя часть книгу не портит.

Бледная «тарзаниада», с которой все, собственно, и начинается, как-то незаметно, даже элегантно перерастает в масштабную повесть о крушении надежд, экологической и социальной катастрофе, и любви, как единственной вещи, ради которой стоит жить. Разумные бабочки с телами людей... С точки зрения генетики и биологии — полнейшая чушь, но как это обыграно социально! После прочтения возникают определенные аллюзии с «Дюной» Херберта, романами Вэнса и Симмонса, но в целом это — глубоко самостоятельное произведение. Известно, что хорошая литература никогда не дает готовых ответов, она лишь ставит вопросы. Но здесь автору удалось даже большее — его книга заставляет читателя задавать вопросы самому себе. И какие вопросы! Буркин не боится любых допущений, драма-

тизирует ситуацию до предела и раз за разом ставит читателя в такое положение, когда невозможно различить, где добро, а где зло.

Надо сказать, что песенная натура автора проступает и тут: книга развивается по всем законам музыкального произведения, от увертюры до финального крещендо, которое парит в вечности, как заключительный аккорд в битловской «A Day In The Life». Без сомнения, «Цветы на нашем пепле» на сегодня не только лучшее произведение Буркина, но и главный претендент на звание лучшего фантастического романа года. Книгу портит только убогая аннотация, но к ней, будем надеяться, господин Буркин никакого отношения не имеет.

Читайте. Хорошую песню... ой, простите, хорошую книгу надо читать хором.

Дм. СКИРЮК

Кир Булычев. Река Хронос. Наследник (1914 г.). — М.: АСТ, 1999. (Миры Кира Булычева).

Жанр первой части романной эпопеи видного отечественного фантаста трудноопределим. Может быть, это education sentimentale, история взросления умного и не лишнего аппетита к жизни юного существа? Но в этом качестве «Наследник» заведомо остается довольно-таки низко под план-

кой вершинных достижений жанра, намеченных еще в 1869 г.

Или это ностальгическое ретро, призванное воскресить утраченное очарование серебряного века? Но разве Булычев добавил к силуэту «России, которую мы потеряли» что-то, доселе нам не известное — хотя бы по беллетристике той эпохи? Прямо-таки видятся книги, лежащие на столе Булычева, пишущего «Реку Хронос». Тут наверняка имеется Леонид Андреев, всенепременно — Арцибашев и даже, наверное, постфактумное «Хождение по мукам» Алексея Толстого. Но нет Чехова. Даже в незримом присутствии. Вместо него, кажется, роль художественного камертона исполняет «Гравилет «Цесаревич».

Фантастики в «Наследнике» кот наплакал, ровно столько, чтобы соответствовать запросам 1895 г. Оказывается, возможны путешествия во времени!

Историческим свой роман, наверное, не рискнет назвать и сам автор. А если и будет настаивать на самодостаточности или хотя бы значительности исторической составляющей своей книги, то придется заметить: доктор исторических наук излагает причины Первой мировой войны точь-в-точь в соответствии со школьным учебником обществоведения 25-летней давности... Кстати, есть повод порекомендовать фэнам переиздание книги Барбары Такман «Августовские пушки» с не менее интересными комментариями Сергея Переслегина. АСТовское издание 1999 г. называется «Первый блицкриг. 1914 г.»

А «престарелый Людендорф» — это вообще стыд-позор не только для автора (спутал с Гинденбургом, который в 1914 г., действительно, был преклонных лет — в отличие от 49-летнего начальника своего армейского штаба), но и для издательского редактора. Если таковой вообще был.

Психологизм, яркость характеров — это тоже не по части «Наследника». Мотивация поступков персонажей, скорее, этологична. Необъяснимой остается странная своей скоротечностью эволюция взаимоотношений трех гимназических друзей. Пылкая юношеская

приязнь осыпает лепестки, а в созревающей завязи обнаруживается отчужденность и едва ли не брезгливость. Особенно по линии взаимоотношений главного героя Андрея Берестова с Колей Беккером. Ничто в бедном, но щепетильном симферопольском юноше, каким мы встречаем Беккера на первых страницах, не обещает воспоследовавших растиньякских авантур и бесхарактерного признания к двадцати годочкам своего жизненного фиаско. Андрей пытается понять это перевоплощение и проанализировать свое отношение к Коле. Но, понятное дело, не может. Авторская жанровая некорректность не позволяет. Ведь автору уже захотелось воспользоваться литературным шаблоном многочисленных историй о «пути наверх» и он нисколько не озабочен тем, чтобы как-то органично применить этот шаблон к конкретным обстоятельствам собственной истории. Даже самый живой характер романа, «третий мушкетер» — Ахмет каким-то диковинным образом в несколько недель становится «крестным отцом» крымского криминалитета и едва ли не политиком, намеренным воспользоваться военной перекройкой европейской карты для отделения татарского Крыма от Российской империи. На письменный стол Булычева бросает тень «фантастика» Василия Аксенова. Но вообще-то Ахмет персонифицирует собой еще одно литературное клише, берущее начало от живописаний катакомбного тайновластья маргиналов у Эжена Сю.

Жанр «Наследника» все же определим. Это — роман-экспозиция. Вступление к событиям, которые произойдут в следующих романах «Реки Хронос». В нем ничего существенного не происходит. Только машина времени в форме портсигара попадает в руки Андрея Берестова. И он жмет на кнопку.

Подобная повествовательная щедрость в нашу эпоху спрессованной информации просто вдохновляла бы, если б экспозиции по определению имели хоть какую-нибудь самостоятельную ценность.

Игорь ЛЕГКОВ

Алексей Бессонов. «Алые крылья огня». - М.: ЭКСМО, 1999.

Алексей Бессонов, без сомнения, талантлив. Его новый роман потрясает точностью детализировок, скрупулезностью описаний и живостью персонажей, поступки которых «прописаны» вплоть до того, какой рукой они поворачивают ключи зажигания и какими именно зубами откусывают кончики дорогих сигар. Яркое солнце Апеннин светит в глаза, ветер пустыни счете лицо, а страшный враг таится на орбите, рассылая по земле эмиссаров неизвестно с какими целями... В чем, в чем, а в одном господину Бессонову действительно повезло — в поисках новых сюжетных ходов ему удалось набрести на совершенно нераспаханную территорию, а именно — мир исторических реалий немецко-фашистской армии времен Второй Мировой. Именно истребителем, асом люфтваффе является герой его романа. Правда, перенести действие романа на родные просторы автору смелости не хватило, дело происходит в экспедиционном корпусе генерала Роммеля в Африке перед самым вторжением немцев в Россию. Невольно приходит на память киношный антураж походов великого Штирлица — холеные немецкие офицеры, крахмальные воротнички и тишина подвальных бункеров. Этап «благородной» войны, элитная гвардия «рыцарей неба», и никаких тебе зверств. Все упоминания о русских ограничиваются воспоминаниями главного героя о войне в Испании. Добавьте сюда мафиозные перестрелки со специфическим итальянским колоритом, и аксессуары красивой жизни, тяга к которой неистребима в русском читателе: этот «синдром Емели», как его метко обозвал г-н Олди, вечное желание иметь все сразу и за просто так. Герои романа вовсю сорят деньгами, пьют дорогие коньяки и курят дорогие кубинские сигары, барски меняют битые машины и живут в роскошном особняке. Все это, конечно, делается ими ради высокой цели спасения мира — именно его

спасением и заняты дезертир из элитных космических войск и резидент-андрогин из будущего.

Хорошо хоть у автора хватило такта не приделывать роману традиционный хэппи энд. Однако, похоже, что широчайшая эрудиция господина Бессонова сыграла с ним злую шутку: на фоне исторических реалий того времени инопланетный враг по типу «Чужой-2» смотрится как-то нелепо и едва ли не карикатурно. За всем этим теряются и смысл, и сюжет, а проisky разведки из будущего выглядят играми детей в песочнице. Произведение в целом смотрится антитезой г-ну Звягинцеву с его бессмысленной «Итакой» и несколько напоминает поздние романы Василия Головачева. Но сколько раз можно перечитывать «Седьмой авианосец»? Боюсь, то же самое будет и с «Крыльями». Кстати, несмотря на все попытки автора обыграть название в тексте и характере героев, выглядит оно нелепым и надуманным. При чем тут какие-то крылья, да еще и алые, не понятно.

Хочется кинуть еще один булыжник в огород автора: по поводу «галактического Кодекса Хрембера». Ну, нельзя же так... Даже если господин Бессонов такой поклонник Макса Фрая, трудно допустить, что Хрембер из Ехо стал императором Галактики!

В общем, не стоит особо восторгаться, как не стоит и ругаться. Книга Бессонова сильна уже тем, что не походит на компьютерные игрушки, в отличие от большинства фантастических романов современных отечественных авторов. Это яркая запоминающаяся проза, стилем немного смахивающая на казенный язык военных документов. Противоречивые чувства, раздражающие героев, порой действительно заставляют им сострадать, но... Почему-то кажется, что поклонники крутого чтива в стиле «фантастический боевик» останутся разочарованы, равно как разочаруются поклонники «философского боевика» Олди, космической оперы, «твердой» НФ и уж, конечно, «фэнтези». Для кого же написаны «Алые крылья огня»? Загадка...

Дм. СКИРЮК

Питер Бигл. «Песня трактирщика». - М.: ЭКСМО-пресс, 1999.

Творчество британца Питера Бигла заметно выделяется среди продукции его коллег-писателей, как западных, так и наших, отечественных. Даже в обширной плеяде авторов, пишущих в стиле фэнтези, его имя стоит несколько особняком. Он написал немного, но среди его произведений не найдется ни одной банальной вещи – все сделано с отменным вкусом и чувством меры. Они не потрясают новыми сюжетами, скорее это попытки огранить, переосмыслить сюжеты старые. Его романы – для гурманов, они как коллекционное вино. Таков и этот. Да и название подходящее, вы не находите? «Шепот монаха», «Старая мельница», «Песня трактирщика»... Хотя много ли среди нас найдется знатоков, способных отличить коллекционное французское «Шабли» от ординарного молдавского «Каберне»? Однако ж пьется «Песня трактирщика» с удовольствием. Знатоки и дегустаторы имеют возможность вдоволь насладиться цветом, оценить букет и аромат. Да и простой читатель тоже не останется внакладе – проглотит залпом в три приема, и с чувством глубокого удовлетворения поставит прочитанную бутылку на полку: «Эх, вот это вино!»

Если вы читали «Последнего единорога», вы меня поймете. Если нет, попробую объяснить.

Есть в этом романе какая-то необъяснимая хрупкость, почти что детскость мировосприятия; она одновременно и настораживает, и очаровывает. Неискушенный читатель может даже испугаться. Рваный ритм повествования, чреватый потерей сюжетных нитей; куча действующих лиц, и все – главные. Замечательные описания, совершенно живые герои, прекрасно выписанные диалоги, и язык, язык – великолепный, чистый, с редкими изысками, ничем не замутненный. Кстати, здесь уместным будет поблагодарить А. Хромову за превосходный перевод.

История искусства умирания старого волшебника проступает медленно, как фотография в про-

явителе – пятно, еще пятно, штрих там, штрих здесь, и – вот она, Картина. Роман, понятный и загадочный одновременно. Все приемы фэнтези как будто вывернуты наизнанку, ведь в фэнтези все должно быть хорошо, а тут... Где это видано, чтобы главная героиня погибала в самом начале? Когда так бывало, чтоб ее возлюбленный отправлялся следом, но не мог ее вернуть? Чтоб некромантия служила добрым целям? Чтобы монахиня была колдуньей? Чтоб смерть главного положительного героя была благоприятным исходом? Чтоб комический персонаж спасал всех в трудную минуту (и как спасал!)? Хотите узнать, как такое может быть? Тогда «Песня трактирщика» – ваш роман.

Без сомнения, в нем есть и недостатки, в этом романе. Очень трудно уследить за всеми перипетиями сюжета, который мало того, что сам по себе достаточно запутан, так еще и развивается как бы во всех направлениях сразу. Странствия героев какие-то очень уж нелепые, их подвиги такие же бессмысленные, а прием, когда повествование ведется от одного лица, потом от другого, потом от пятого, десятого, порой немного раздражает. Слегка затянуто, но в целом здорово, и еще остается изрядный простор для фантазии. Другое дело, что по точности стиля, по единству формы и содержания «Песня трактирщика» заметно уступает «Последнему единорогу». Но ведь и вино не всегда получается одинаковым. И даже если этот роман не похож на любимый вами сорт «Последний единорог», не смущайтесь: это вино с тех же виноградников, только другого года. И очень неплохого года. Уверяю вас.

Впрочем, если вы предпочитаете водку... тогда я не знаю, чем вам помочь. Читайте Говарда.

Дм. СКИРЮК

Сергей Лукьяненко, Владимир Васильев. «Дневной дозор». - М.: АСТ, 2000. (Звездный лабиринт).

«Ночной дозор» Лукьяненко – вещь, без сомнения, очень сильная, но какая-то незаконченная, - в этом

сходились все фэны и читатели, с кем мне приходилось общаться. С другой стороны, вы можете назвать у Сергея Лукьяненко хоть одну вещь, которая была бы по-настоящему закончена? Я вот что-то не припомню, разве что «Рыцари со-рока островов». Возможно, именно поэтому соавторство пошло новой книге только на пользу — «Воха» Васильев внес в нее свежую струю какой-то фэновской бесшабашности и раздолбайства, особенно во второй части. В итоге «Дневной дозор» великолепно продолжил и завершил начатое в «Ночном».

«Зло проснулось, тучи сгущаются...» Вспомните, сколько раз вы читали подобную аннотацию? Но в данном случае она как нельзя более к месту. Планетарные замыслы, борьба Света и Тьмы, магические патрули и чуть ли не магическая революция со стрельбой магической «Авроры» — так выглядит наш мир глазами героев этого романа. Абстрактное добро, конкретное зло: авторы не стесняются выставлять и тех, и этих гениями или идиотами, середины для них не существует. Контрасты, однако, тоже идут роману на пользу, и даже драматическая развязка с вызовом умершей ведьмы выглядит умелой. Пророчества сегодняшнего апокалипсиса, тысячелетние магические ордена, загадочные артефакты, и вместе с тем — урбанистический антураж современного мира — вот что производит наибольшее впечатление. Надо сказать, что Лукьяненко никогда не стремится выстроить какой-то уж особо сложный мир со сложными законами, но уж в созданном он ориентируется великолепно. Много юмора, пародии и самопародии (одно «печено вепрево колено» чего стоит), чуть-чуть трагедии и патетики, множество цитат из современных песен, здоровый цинизм — так мог бы написать Макс Фрай, если бы умел. Сиквел выдержан в традиции первого романа — три части, каждая со своим сюжетом, плюс еще один «сквозной» сюжет масштабом покрупнее, развивающийся «по ходу дела». Как всегда, герои Лукьяненко немного простоваты, не чужды эпилуризма и предпочитают сперва действовать, а после уж думать. Динамично. Легко. Увлекательно. В целом содержание романа можно свести к известному изречению: «Зло — всего лишь обратная сторона добра». Обе силы пользуются одними

и теми же средствами для достижения одних и тех же целей, вот только называют их по-разному.

Мои друзья ведут горячий спор, напишет ли Сергей Лукьяненко еще и третий том под названием «Инквизиция», а если да, то когда и с кем? Посмотрим.

Дм. СКИРЮК

Василий Звягинцев. «Бои местного значения». — М., ЭКСМО-пресс, 1999. (Абсолютное оружие).

Мистики в шестой книге «Итакийской» саги, в отличие от предыдущей, не имеется вовсе. Спасибо. Зато сделана окончательная заявка на бесповоротную бесконечность цикла. В одном из предыдущих романов мелькнул на паре десятков страниц нарком Шестаков, в личность которого ненадолго до неизбежного по тем временам ареста подселился бравый космо — и хронопроходец Шульгин. В результате нарком не стал послушно подставлять шею Ежову, а со спецназовской эффективностью замочил явившихся к нему на квартиру гебистов, погрузил семью в машину и канул во мгли снежных круговертей. О чем-то подобном мечтал Солженицын, сожалея в «Архипелаге...» о безропотности жертв, ожидающих ночного звонка в дверь.

На сем автор своего Шестакова и бросил — а теперь подобрал и посвятил ему целый роман. Что следовало, в общем-то, ожидать. Уж больно соблазнительной казалась возможность раскрутить фантастическую историю о том, какая судьба могла ждать сталинского наркома, поднявшего индивидуальное восстание. В версии Звягинцева Шестаков вместе с «внутренним эмигрантом», бывшим царским морским офицером Власевым, который чуть ли не о Вандее баюкает надежды, выбирают путь робингудовской герильи.

В этом весь Звягинцев. Его «Итакийские» герои стремятся померяться силами исключительно со сверхмощными организациями, тоталитарными государствами и галактическими цивилизациями. А в паузах между промежуточными победами предаются сибаритству, как его понимает Звягинцев. Вот и Шестаков с Власевым планируют после антибольшевистских подви-

гов отдохнуть у тихой парижской или лондонской речки.

В принципе, можно выдернуть из какого-нибудь предыдущего романа еще сколько угодно проходных персонажей — и возвести их в ранг главных героев. На каждого по роману. *Sub specie aeternitatis* это, наверное, продуктивно.

Главное очарование «Боев местного значения», из-за которого их можно читать — в реконструкции духа эпохи. В метельной ее колючести и канцелярской неприкаянности. Неважно, соответствует ли реконструкция Звягинцева «правде жизни» — она достигает правды искусства.

Тем не менее... Кажется, седьмую книгу купить рука все-таки не поднимется. Другой хорошей свежей фантастики выходит немало, и она скорее рано, чем поздно, вытолкнет за скобки дряхлеющего конкурента — бесконечную историю об агграх, форзейях и мужественных землянах, увлеченно перекраивающих историю.

Игорь ЛЕГКОВ

Джонатан Летем. Амнезия творца. Сборник. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2000. (Координаты чудес).

Пересказывать этот роман — все равно, что лишать читателя удовольствия самому пройти лабиринтом загадок и отгадок, навороченных молодым американским фантастом в призрачном и меняющемся выдуманном мире выдуманного будущего. Начнем с того, что после некой катастрофы распалась связь между явлениями, и у людей появился шанс создавать новые реальности — чем и поспешили воспользоваться наиболее наглые и активные, э-э, типы, иначе и не назовешь всю эту верхушку Творцов, создающих в подведомственных им полуразрушенных городках свои извращеннейшие миры с дикими правилами и установлениями. Прошли времена экономического или силового принуждения — сюзерены правят вассалами путем непосредственного внушения подданным своих снов, своих маний, своих бредовых концепций и глупейших правил общежития. Герой книги, сам не слабый Творец Снов, бежит из одного ада в другой, перемещая вслед за собой немногочисленных друзей, спасая их таким образом от сильнейшей гипнотической зависимости.

Смешнее всего то обстоятельство, что самой противной и самой дикой вселенной из нарисованных Джонатаном Летемом, является мир, наиболее похожий на нашу с вами окружающую реальность, где политики оболванивают горожан путем бесконечных телепрограмм.

Сергей СОБОЛЕВ